

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИБИРИ в XX веке

Сборник научных статей

Выпуск 6

Новосибирск
2015

УДК 94(571) «XX»
ББК 73(253) 6–3
В 57

*Сборник статей утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН*
Издание подготовлено и осуществлено
в рамках бюджетного проекта Х.104.2.3.
«Политическая повседневность Сибири в XX веке».

Научный редактор
д-р ист. наук *В.И. Шишкин*
Ответственный секретарь
канд. ист. наук *Т.И. Морозова*

Рецензенты:
д-р ист. наук В.И. Исаев
канд. ист. наук М.В. Котляров
канд. ист. наук В.М. Рынков

В 57 **Власть и общество в Сибири в XX веке.** Сборник научных статей / Научный редактор В.И. Шишкин. Новосибирск: Параллель, Институт истории СО РАН. 2015. Выпуск 6. 289 с.
ISBN 978-5-98901-171-1

Статьи сборника посвящены научным проблемам, раскрывающим различные стороны взаимоотношений власти и общества в Сибири с 1917 по 1991 г. По своей источниковой базе, теоретико-методологическим подходам, использованным авторами категориально-терминологическому аппарату и инструментарию статьи составляют две группы. К первой относятся исследования, выполненные в рамках традиционной политической истории. Во вторую группу вошли статьи, написанные с учетом достижений политической антропологии, истории повседневности, социологии. В результате в научный оборот введены новые, ранее не известные источники, актуализированы прежде мало изученные проблемы, сформулированы новые точки зрения и выводы, существенно дополняющие и расширяющие традиционное историографическое пространство.

Сборник рассчитан на научных сотрудников, преподавателей вузов и колледжей, аспирантов и студентов-историков.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В ЖИЗНЕННЫХ ТРАЕКТОРИЯХ СИБИРСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ*

В статье рассмотрена профессиональная мобильность журналистов, сотрудничавших в сибирских газетах и журналах в марте – октябре 1917 г. Дана оценка динамики численности и состава группы журналистов, прослежена деятельность ведущих публицистов края накануне и после Февральской революции. Для данной социально-профессиональной группы, отличавшейся открытостью и высокой динамикой внутригрупповых перемещений, революция не была событием, которое разрушило традиционные каналы и лифты социального пополнения, отбора и перемещения. Число авторов материалов для прессы возросло, развивалась «карьер» известных публицистов. Ядро корпуса журналистов по профессии сохранило свою целостность на фоне наплыва в газеты профессиональных революционеров, военных, рабочих и учащихся. Вместе с тем в условиях острых политических, экономических и культурных пертурбаций журналистская профессия превратилась в специфический социальный лифт, через который прошло большинство политических и общественных деятелей эпохи революции.

Ключевые слова: журналисты, революция, социальный лифт, социальная мобильность, Сибирь.

После Февральской революции 1917 г. традиционные механизмы перемещения и стратификации социальных страт и индивидов в российском обществе дали сбой. Вполне конкретные и ясные жизненные перспективы членов отечественного социума сменились смутными ожиданиями будущего, а невозможное в нормальное время стало реальностью. По мнению П.А. Сорокина, в 1917 г. произошел социальный катаклизм и циркуляция в обществе приняла «анархический» характер¹. В наиболее резкой форме изменения позиций происходили в «верхних этажах» социальной пирамиды, которые занимала административно-политическая и интеллектуальная элита. Судьбу этих слоев бывшей Российской империи в полной мере разделили журналисты, являвшиеся людьми, которые имели доступ к актуальной информации и отвечали за распространение идей и мнений среди широких масс населения.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

¹ *Сорокин П.А.* Социология революции. М., 2008. С. 205.

В литературе, посвященной изучению социальной мобильности в России в революционную эпоху, внимание уделено отдельным социальным, гендерным и национальным группам, характеризовавшимся высокой динамикой¹. Опубликованы биографические исследования и справочная информация, содержащие материал для осмысления социальных перемещений. Однако продолжает сохраняться очень приблизительное представление об изменениях жизненных траекторий журналистов, которые были вызваны революционными потрясениями 1917 г. В частности, в литературе высказано утверждение о том, что «журналистское сообщество оказалось расколотым: кто-то начал сотрудничать с новой прессой, кто-то ушел в белогвардейские издания, кто-то оказался в эмиграции», «кто-то погиб в братоубийственных боях»². Нерешенным остается вопрос о том, породили ли переломные сдвиги в истории России новую когорту журналистов или же они лишь частично изменили состав данной социально-профессиональной группы. Попыткой восполнить выявленную проблемную лакуну и ответить на указанный вопрос является настоящая статья, написанная с учетом того, что уже проделано предшественниками, и в то же время базирующаяся на новых источниках, выявленных в газетной периодике.

Накануне Февральской революции в Сибири существовало среднеразвитое по меркам Российской империи газетное дело со своей историей и потенциалом для развития. Периодическая печать являлась неотъемлемой частью городской среды, функционировала преимущественно как общественный институт. Причем дифференциация сибирской прессы в идейно-политическом отношении была выражена слабо. Либералы, демократы и социалисты вполне гармонично сотрудничали в одних и тех же изданиях.

На территории края с низкой плотностью населения и тонкой прослойкой интеллигенции профессия «журналист» крайне медленно обретала черты особой социально-трудовой позиции. Даже в специальных текстах зачастую использовались такие громоздкие термины, как «деятели периодической печати и литературы», «газетные работники» и т.п. При этом профессионализация

¹ Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения // Гуманитарные науки. Новосибирск, 2014. № 4. С. 89–93.

² Якутин Ю.В. Именная летопись журналистики // Журналисты России. XX–XXI вв.: Справочно-энциклопедическое издание М., 2013. С. 5.

деятельности авторов материалов прессы уже в начале XX в. была налицо, существовали представления о журналистской этике и понимание значимости профессии для общества.

Накануне революции 1917 г. среди сотрудников периодических изданий существовала существенная разнородность по общественному статусу, экономическому положению, специализации и степени вовлеченности в журналистскую деятельность. Контуры коллективного социально-профессионального портрета писавших в повременные издания лучше всего просматриваются при изучении состава авторского коллектива старейшей и крупнейшей газеты края того времени — томской «Сибирской жизни». Сопоставление информации из объявления о подписке на 1917 г. и подписей под публикациями в газете за январь – февраль 1917 г. позволило выявить ведущих авторов издания. Накануне революции в «Сибирской жизни» публиковались известные исследователи азиатской России А.В. Адрианов, А.В. Бурдуков (А. Чуец), Г.Н. Потанин и А.М. Сибиряков, профессора Г.Э. Иоганзен и М.А. Усов, юристы М.Р. Бейлин, П.В. Вологодский и М.Б. Шатилов, врачи Вл.М. Крутовский и А.И. Макушин, экономист Н.Я. Быховский, агроном П.А. Нассонов, педагог, депутат Государственной думы В.Н. Пепеляев, музыканты А.Я. Александрова-Левенсон и Я.С. Медлин, поэты М.Г. Васильева-Потанина, П.Н. Второв-Ветлужский, Г.А. Вяткин и Б. Несмелов, писатели Г.Д. Гребенщиков, И.Г. Гольдберг, А.Е. Новоселов, Ф.Ф. Филимонов и В.Я. Шишков, журналисты В.Г. и Г.Б. Байтовы, Вл.М. Бахметьев, М.О. Курский, Г.Я. Крекнин и А.Н. Шипицын, ссыльные революционеры Е.Е. Колосов и С.П. Швецов и др. То есть основными «кадрами» газеты были представители так называемых свободных профессий. Значительную долю сотрудников составляли собственно журналисты, для которых газетный труд был основным занятием и источником дохода.

Важную, но не доминирующую роль в сибирской прессе играли политические ссыльные. На проблеме «пришлых» журналистов заостряли внимание как современники событий, так и историки. С одной стороны, ссылка была источником образованных и общественно активных, иногда талантливых авторов для газет и журналов¹. С другой стороны, по оценке Г.Д. Гребенщикова и

¹ Николаев В.И. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1928. № 41. С. 101–119; № 43. С. 96–122.

В.С. Ефремова, ссылка принесла в Сибирь «массу самой разнокалберной интеллигенции», а в условиях, когда почти все поприща перед ней были закрыты, «приходилось стучать в единственно приоткрытую дверь, идти в газету, а при недостатке места — создавать новые газеты, часто не имея понятия ни о газетной технике, ни о газетной морали»¹.

Изменения в социальное положение и род занятий людей, писавших для сибирских повременных изданий накануне революции, привнесла Первая мировая война. Г.А. Вяткин был мобилизован в армию как ратник 2-го разряда и служил во Всероссийском союзе городов: сначала на Юго-Западном фронте в должности помощника уполномоченного врачебно-питательного отряда, затем — временно заведующего санитарным транспортом². На фронте во Всероссийском союзе городов работал Г.Д. Гребенщиков. Присылали корреспонденции из армии сибирские журналисты В.Г. Байтов и Г.Я. Крекнин. При этом война, забиравшая людей, вызвала и встречную волну. Среди беженцев и эвакуированных, спасавшихся от трудностей военного лихолетья в относительно сытой и спокойной Сибири, были люди, занимавшиеся интеллектуальным трудом³, являвшиеся потенциальными журналистами.

В целом накануне революции 1917 г. ядро сибирской журналистики составляли общественно активные представители интеллигенции. Ссылка постоянно пополняла и будоражила эту социально-профессиональную группу, ускоряла динамичные перемещения внутри нее. Первая мировая война усилила мобильность журналистов.

Функция социального контроля порождала двойственность положения авторов, писавших в газеты и журналы. С одной стороны, они оказывали опосредованное влияние на принятие властных решений, что ставило их в один ряд с представителями административно-политической и интеллектуальной элиты. С другой стороны, журналисты принадлежали к социальной группе, подвер-

¹ Из газетных нравов Сибири // Сибирские вопросы. СПб., 1911. №26/27. С. 34.

² *Шишкин В.И.* Поэт и власть: Г.А. Вяткин в годы Гражданской войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2003. Т. 2. Вып. 2. С. 63.

³ Беженцы в Томской губернии. Список семей беженцев и адреса их. Вып. 2. Томск, 1916. 179+24 с.

гавшейся дискриминации со стороны власти, что негативно отразилось на их материальном положении и социальном статусе.

Одним из первых и наиболее ярких проявлений революционных процессов в Сибири стало колоссальное увеличение числа периодических изданий. В феврале 1917 г. в городах от Тюмени до Якутска выходило всего 33 газеты, в апреле их насчитывалось уже 82 наименования, а в сентябре количество достигло своего пика — 101 название. Общее число газет, печатавшихся в марте – октябре 1917 г., составило 178 наименований¹. Менее впечатляюще выглядит статистика журнальной прессы. Число одновременно издававшихся журналов в 1917 г. колебалось в пределах от 26 до 34 наименований². Этот тип периодики, рассчитанный на размеренное чтение аналитики и беллетристики, в меньшей степени подвергся влиянию революции. Однако и здесь суммарное годовое количество изданий увеличилось почти вдвое: с 35 наименований в 1916 г. до 62 наименований за март – октябрь 1917 года³.

В атмосфере революционной эйфории, под лозунгами свободы и раскрепощения «фонтан бесчисленных газет» подпитывался большим количеством желающих поделиться своими впечатлениями, мнениями, взглядами и знаниями с возможно более широкой аудиторией. По образному выражению А.В. Адрианова, в прессу «писать стали все, кто только хоть мало-мало научился писать»⁴.

Взрывной рост числа изданий сопровождался резким увеличением количества людей, занятых в сфере журналистики. Цифры здесь можно привести лишь относительные. По аналогии с общим количеством изданий, число одних только редакторов газет и журналов должно было вырасти по меньшей мере в пять раз. Число официальных редакторов в административном и культурном центре Восточной Сибири, городе Иркутске, выросло с шести человек в 1916 г. до 42 в 1917 г., т.е. в семь раз⁵. В административном центре Степного края, городе Омске, аналогичный показатель увеличился

¹ Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Указатель газет и журналов / Сост. Е.Н. Косых. Томск, 2009. С. 84.

² Там же. С. 85.

³ Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов / Сост. И.Г. Мосина, Е.Н. Косых. Томск, 1991. С. 78; Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.)... С. 85.

⁴ Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. С указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919. С. 17.

⁵ Шинкарева А.П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920). Иркутск, 2009.

более чем в три раза — с восьми до 27 человек¹. В стремительно развивавшемся уездном городе Новониколаевске количество редакторов газет выросло с одного до десяти².

Всего в марте – октябре 1917 г. роль официальных редакторов сибирских газет и журналов в играли, как минимум, 300 человек³. Общее же количество авторов материалов в сибирской прессе за это время может быть определено в диапазоне от одной до двух тысяч человек.

Стремительное увеличение группы сибирских журналистов сопровождалось изменением ее состава. Среди трехсот официальных редакторов сибирских газет и журналов летом – осенью 1917 г. всего около 40 чел., т.е. 10–15 %, имели соответствующий опыт работы до революции⁴. В Иркутске среди «революционных редакторов» лишь пятеро (12 %) ранее возглавляли повременные издания⁵. В Омске после Февральской революции 1917 г. сохранили место работы лишь трое редакторов (11 %)⁶. В Новониколаевске весной 1917 г. девять из десяти официальных редакторов газет были новичками своего дела.

За счет кого так стремительно пополнялась армия «тружеников пера» в Сибири? В первую очередь в массовом порядке свободой слова, дарованной Февральской революцией, воспользовались политические деятели, ранее ограниченные в возможности оглашать свои мнения и взгляды. Собственные издания учредили меньшевики, эсеры и большевики. Кроме того, усилилось влияние эсеров на содержание изданий кооперации и нескольких частных общественно-политических газет. Меньшевики, как пра-

¹ Памятная книжка Акмолинской области на 1916 год / Сост. М.Н. Соболев. Омск, 1916. С. 88–89; Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.) / Сост. Е.Н. Косых. Томск, 2009. С. 21–27.

² Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска в 1906–2006 гг. Словарь-справочник / Сост. А.Л. Посадсков, И.В. Лизунова. Новосибирск, 2007.

³ Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.) / Сост. Е.Н. Косых. Томск, 2009.

⁴ Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – февраль 1917 г.) / Сост. И.Г. Мосина, Е.Н. Косых. Томск, 1991; Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.) / Сост. Е.Н. Косых. Томск, 2009.

⁵ Шинкарева А.П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920). Иркутск, 2009.

⁶ Памятная книжка Акмолинской области на 1916 год... С. 88–89; Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.)... С. 21–27, 69–71.

вило, руководили изданиями профсоюзов. Мощный «левый перекос» был особенностью прессы края в марте – октябре 1917 г. Перефразируя выражение редколлегии «Известий Совета солдатских депутатов Томского гарнизона», в марте 1917 г. «все без исключения наиболее деятельные работники революции» являлись сотрудниками газет.

По свидетельству А.В. Адрианова, «наибольший контингент литераторов дала политическая, а частью и уголовная ссылка», так как «очень многие, если не большинство, выпущенных из тюрем после переворота [...] осели в Сибири»¹. Весной 1917 г. Сибирь действительно столкнулась с проблемой размещения и устройства нескольких тысяч амнистированных. В результате партийная и советская пресса почти повсеместно оказалась в руках бывших политических ссыльных².

Революция стимулировала участие в газетах и журналах людей высокообразованных, занимавшихся интеллектуальным трудом. В мае 1917 г., например, юрист В.А. Жардецкий возглавил кадетскую газету «Сибирская речь». В то же время ведущим публицистом «Сибирской жизни» стал профессор Томского университета И.И. Аносов.

Новым веянием стало активное сотрудничество в прессе военнослужащих. Появились отдельные издания органов военного управления. Под публиковавшимися в периодической печати материалами появились такие подписи-псевдонимы, как «солдат», «солдат-гражданин», «прапорщик», «крестьянин-офицер» и т.п. Нередко авторами, скрывавшимися за этими по сути дела анонимными подписями, являлись те же бывшие политические ссыльные-социалисты, призванные в армию. Они же сыграли ключевую роль в вовлечении армейской массы в политическую борьбу³, в том числе «рекрутировали» в газеты новых авторов и корреспондентов.

Профсоюзные и кооперативные издания привлекали к сотрудничеству грамотных рабочих и крестьян. В ряде изданий пе-

¹ Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. С указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919. С. 17.

² Николаев В.И. Сибирская периодическая печать и политическая ссылка // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. М., 1928. № 43. С. 121–122.

³ Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 27–29.

чатались объявления с приглашением всех «желающих, не стесняясь орфографией, направлять в редакцию сообщения, заметки и статьи о значимых событиях местной жизни». Однако в силу низкого уровня образования эти социальные группы не стали источником пополнения для профессиональной журналистики.

В связи с революционными событиями увеличилось стремление поделиться своими настроениями и мнениями у учащихся. Наиболее деятельные из них писали в крупные общественно-политические издания и выпускали собственные газеты. В Томске, например, издавался журнал «Известия Совета студенческих старост», в Минусинске — «Известия учащегося юношества», в Красноярске — «Дитя революции» и «Первый луч», в Якутске — «Юный товарищ» и др.

Однако пополнение социально-профессиональной группы еще не означало ее обновления. Наследие дореволюционной журналистики в Сибири оказалось довольно крепким. Покинули сферу журналистики единицы дезориентированных и деморализованных революцией авторов. Вынуждены были уйти из сферы производства массовой информации одиозные личности с репутацией пособников самодержавного режима и черносотенцы. Ушли из журналистики публично разоблаченные агенты жандармских управлений¹. Журналистская сфера не исключала возможности совместительства подобного рода, так как сотрудники повременных изданий были людьми довольно осведомленными и поэтому представляли интерес для охранного отделения. Однако «провокачество» среди журналистов не было распространено. В опубликованных после революции списках лиц, сотрудничавших с жандармским ведомством, фамилии сотрудников повременных изданий встречаются крайне редко².

В незначительной степени и не сразу революция затронула даже сотрудников официальных газет губернских и областных администраций. Опыт выпуска повременных изданий с минимумом авторских текстов и «бюрократический аполитизм» способствовали тому, что при реорганизации газет большинство руководителей официальных губернских / областных изданий сохранили свои посты. Редактором «Тобольских губернских ведомостей»

¹ Провокаторы и шпионы // Сибирская жизнь (Томск). 1917. 17 марта; Список провокаторов и шпионов Томской охранки // Голос свободы (Томск). 1917. 16 апреля.

² Тайны Томской охранки // Сибирская жизнь. 1917. 14–29 апреля; и др.

накануне и после революции был Е.М. Федоров¹. Исполняющий в 1916 г. обязанности редактора «Акмолинских областных ведомостей» С.В. Баранов оставался редактором газеты на протяжении всего 1917 года². Редактор «Томских губернских ведомостей» Н.Г. Гусельников работал редактором «Известий Томской губернии» до конца июля 1917 года³. Выпускающий редактор «Енисейских губернских ведомостей» В.И. Щипанов стал соредактором учрежденных в апреле 1917 г. «Известий Енисейской губернии». В «Иркутских губернских ведомостях», в закрытых в марте 1917 г. «Забайкальских областных ведомостях» и «Якутских областных ведомостях» накануне революции издания к выпуску подписывали должностные лица. После упразднения этих газет сфера журналистики и журналистский корпус ничего не потеряла.

Направления перемещений в социально-профессиональной сфере журналистики можно проследить по судьбам сотрудников повременных изданий и авторских коллективов. Так, напрашивается вывод о том, что революция серьезно повлияла на состав журналистского коллектива «Сибирской жизни». Однако революция не размывала «костяк» журналистского коллектива «Сибирской жизни», отличавшегося профессионализмом, опытом работы и высоким общественным авторитетом. Известный исследователь, опытный журналист А.В. Адрианов возглавил газету 10 марта 1917 г. и оставался ее бессменным редактором до закрытия 21 декабря 1919 года⁴. «Первый гражданин Сибири» Г.Н. Потанин, являвшийся живым символом сибирского областничества, сохранил прочные связи с изданием. Однако писал мало, так как «под бременем 82 лет одряхлел физически и почти ослеп», «писал криво-косо строки, которых сам прочесть уже был не в состоянии»⁵. На страницах газеты регулярно появлялись статьи профессоров Г.Э. Иоганзена и М.А. Усова. Стабильность контингента авторов обеспечивали поэты М.Г. Васи-

¹ Шевцов В.В. Революция и гражданская война в освещении губернских ведомостей Сибири // Новый исторический вестник. М., 2014. № 4 (42). С. 35.

² Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.) / Сост. Е.Н. Косых. Томск, 2009. С. 21.

³ Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. С. 288–289.

⁴ Ларьков Н.С. Политическая деятельность А.В. Адрианова в годы гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. Томск, 2013. № 1 (21). С. 88.

⁵ Адрианов. Народному правительству для памяти // Сибирская жизнь (Томск). 1917. 18 марта.

лева-Потанина, П.Н. Второв-Ветлужский, Г.А. Вяткин и Б. Несмелов. Писатель В.Я. Шишков присылал статьи из Петрограда. Тесно сотрудничали с газетой журналисты В.Г. Баитов, А.Н. Шипицын и А. Яблоновский, а также агроном П.А. Нассонов.

Продолжали писать в «Сибирскую жизнь» В.М. Бахметьев и П.В. Вологодский, хотя их социальный статус в результате революции существенно повысился, а сфера деятельности расширилась. Большевик В.М. Бахметьев стал редактором томской социал-демократической газеты «Сибирский рабочий», публиковался в органе Томского совета рабочих и солдатских депутатов «Знамя революции» и органе Томского временного комитета общественного порядка и безопасности «Голос свободы». Осенью 1917 г. он был избран депутатом Томской городской думы, что не умерило его журналистскую деятельность. В марте 1917 г. началось стремительное возвышение в качестве популярного публичного политика юриста П.В. Вологодского. В Томске он вошел в исполнительный орган Временного комитета общественного порядка и безопасности, объявивший себя губернской властью. В июне, вскоре после упразднения Временного комитета и назначения Всероссийским Временным правительством комиссара Томской губернии, П.В. Вологодский работал в исполнительном комитете Народного собрания Томской губернии. В июле Временное правительство назначило его на высший судейский чин на огромной территории Акмолинской области и Степного края — старшим председателем Омской судебной палаты¹.

Сложно складывались отношения с редакцией газеты у юриста М.Р. Бейлина, делегированного в апреле 1917 г. от Томской еврейской общины во Временный комитет общественного порядка и безопасности. Редкие публикации этого автора как личного, так и общественно-политического содержания помещались в рубрике «Письмо в редакцию».

Несколько авторов, поддерживавших своим участием «Сибирскую жизнь» в начале 1917 г., после Февральской революции перестали публиковать свои произведения в газете. «Отношения до такой степени обострились, — утверждал позднее редактор А.В. Адрианов, — что прежняя совместная работа для людей раз-

¹ *Вологодский П.В.* Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925) / Сост. Д.Г. Вульф, Н.С. Ларьков, С.М. Ляндрес. Рязань, 2006. С. 14–15.

номыслящих стала нестерпимой и понадобились свои, отдельные органы печати для отстаивания чистоты принципов партии, класса, профессии»¹. Особенно это касалось социалистов. Февральская революция 1917 г. в одно мгновение открыла для них широкие возможности, в том числе для издания газет и журналов, и изменила их социальный статус.

Эсер И.Г. Гольдберг после Февральской революции возглавил фракцию эсеров в Иркутской городской думе, был одним из основателей иркутской организации областников, в октябре на Втором съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Восточной Сибири был избран членом окружного бюро Советов Сибири. При этом основным средством политической борьбы для И.Г. Гольдберга в период революции стала крупнейшая в Восточной Сибири ежедневная общественно-политическая газета «Сибирь».

Молодой писатель А.Е. Новоселов в 1917 г. был избран членом Омского коалиционного комитета, одним из руководителей Западно-Сибирского областного совета крестьянских депутатов, членом Акмолинского областного комитета партии эсеров, товарищем председателя Войсковой управы Сибирского казачьего войска. Названные должности он совмещал с выпуском официальных повременных органов — «Известий Омского коалиционного комитета» и «Сибирских войсковых ведомостей». В сентябре А.Е. Новоселов был назначен комиссаром Всероссийского Временного правительства Акмолинской области.

Эсер Е.Е. Колосов на волне Февральской революции вернулся к партийной работе и был избран членом исполнительного комитета Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов. При этом важнейшим направлением его общественно-политической деятельности была публицистика и руководство новой ежедневной политической и литературной газетой «Наш голос».

Врач, публицист, областник Вл.М. Крутовский в 1917 г. был комиссаром Всероссийского Временного правительства Енисейской губернии. В то же время он не прекращая выпускать в качестве редактора-издателя журнал «Сибирские записки».

Писатель-фантаст и фельетонист Ф.Ф. Филимонов в Красноярске в марте 1917 г. был избран членом городского комитета

¹ Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. С указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919. С. 17.

партии кадетов. В этом качестве он организовал газету «Свободная Сибирь» и возглавлял ее до закрытия в конце 1919 г.

Редактор-издатель барнаульской газеты «Жизнь Алтая» А.И. Шапошников в марте 1917 г. вступил в партию эсеров. В качестве ее члена был избран гласным Барнаульской городской думы, стал председателем Барнаульского уездного совета крестьянских депутатов, затем депутатом и членом исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов.

Эсер М.Б. Шатилов в марте 1917 г. стал секретарем Томского временного комитета общественного порядка и безопасности, в апреле возглавил газету «Голос свободы». Вскоре он был избран товарищем председателя Томского губернского народного собрания, затем стал помощником Томского губернского комиссара Всероссийского Временного правительства.

Бывший политссыльный С.П. Швецов в результате революции стал председателем Донского совета крестьянских депутатов и редактором «Голоса Донской земли».

Ряд бывших авторов «Сибирской жизни» участие в политической жизни столицы настолько поглотило, что их выступления в сибирских газетах стали спорадическими. В частности, мало стали сотрудничать кадет В.Н. Пепеляев и эсер Н.Я. Быховский, жившие в Петрограде. В марте – июне 1917 г. В.Н. Пепеляев был комиссаром Всероссийского Временного правительства Кронштадта, затем активно занимался организационной и пропагандистской деятельностью по поручению партии народной свободы. Н.Я. Быховский в мае 1917 г. участвовал в Первом Всероссийском съезде советов крестьянских депутатов и был избран в его исполнительный комитет, а в июне вошел в ЦК партии эсеров.

Совсем немногие авторы, писавшие статьи в «Сибирскую жизнь» накануне Февральской революции, порвали связи с газетой. Исчезли со страниц издания фамилии Ш.М. Дволайцкого (Ш. Моисеев), В.П. Денисова (Старый педагог) и М. Немирова. Отошел от журналистской деятельности А.И. Макушин, который весной 1917 г. хлопотал о судьбах родного края в Петрограде, в Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта. Не мог «вырваться из пут войны» Г.Д. Гребенщиков¹. Публично заявил, что

¹ Корниенко В.К. Письма Г.Д. Гребенщикова Г.Н. Потанину // Портал «Русский писатель Г.Д. Гребенщиков». URL: [http://grebenshichov.net/potanin/pane_girikpotanin.html](http://grebenshichov.net/potinin/pane_girikpotanin.html), доступ свободный (дата обращения: 08.04.2015).

никакого отношения к газете не имеет с 5 марта 1917 г. ее бывший редактор Г.Б. Баитов¹.

Восполнить потери в авторском коллективе, связанные с революцией, удалось лишь отчасти. Ведущим публицистом стал И.И. Аносов. Статьи и заметки публиковали корреспонденты М.И. Альтшуллер, С.В. Краскин, Н. Риддерский и А.Ф. Уткин, стихи помещали Д.М. Вифлеемский и С.И. Исаков. Возобновил сотрудничество с газетой старый знакомый А.В. Адрианова и Г.Н. Потанина этнограф, журналист Ф.К. Зобнин. Для издания писали заметки члены семей А.В. Адрианова и А.Н. Шипицына.

В период революции профессиональные траектории журналистов из «Сибирской жизни» в основном шли по восходящей линии. Высокий общественный авторитет, который заслужило раньше большинство публицистов издания, способствовал развитию их профессиональной и общественно-политической деятельности. Газета стала своеобразной кузницей кадров для местной журналистики. В ней появились новые имена. В то же время некоторые сотрудничавшие в издании авторы возглавили новые общественно-политические и партийные газеты, вошли в состав органов власти и самоуправления.

Жизненные траектории сибирских журналистов в 1917 г. давали не только традиционные общественно-политические газеты. Новые веяния в профессии были тесно связаны с учреждением изданий так называемого «нового типа», основной функцией которых была пропаганда.

Одной из первых крупных советско-большевистских газет Сибири стал орган Томского совета солдатских и рабочих депутатов «Знамя революции». Всего в газете за июнь – декабрь 1917 г. насчитывается не менее 150 различных авторских подписей под публикациями, включая псевдонимы и криптонимы. Это сравнимо с количеством журналистов «Сибирской жизни». Однако регулярно писали статьи и заметки в «Знамя революции» в основном профессиональные революционеры, ранее занимавшиеся агитационно-пропагандистской работой: В.Д. Вегман, Д.И. Розенберг, Ф.М. Лыткин и И.Л. Наханович. Постоянными авторами газеты стали солдаты П. Гладышев, В. Крутиков, А. Попов и М. Шарабрин, конторщик К.К. Ансон, монтер З.Ф. Кулинич-Присяжнюк, рабочий-

¹ *Баитов Г.Б.* Письмо в редакцию // Сибирская жизнь (Томск). 1917. 24 сентября.

металлист Г.К. Соболевский и типографский наборщик М.И. Су-мецкий. Если для профессиональных революционеров публикации в газете были знакомым делом, являясь неотъемлемой составляющей политической борьбы, то для «солдат и рабочих» журналистика была достижением в социально-профессиональной сфере и служила своеобразным мостиком в «реальную» политику.

Наплыв непрофессиональных авторов в сибирские газеты и журналы способствовал снижению общей журналистской культуры. Это явление было замечено уже современниками событий. «Много ли, в самом деле, нужно у нас, чтобы прослыть оратором, журналистом и пр.? — задавался риторическим вопросом профессор И.И. Аносов, — Две, три ходких фразы — и дело с концом»¹. Однако в 1917 г. они не успели стать «лицом профессии».

Революция стремительно меняла циркуляцию в обществе. Однако в Сибири в группу профессиональных журналистов, отличавшуюся открытостью и высокой динамикой внутрigrупповых перемещений, она не внесла анархии. Число авторов материалов для прессы возросло, развивалась «карьера» талантливых публицистов. Ядро профессиональной журналистики сохраняло свою целостность на фоне наплыва в газеты профессиональных революционеров, военных, рабочих и учащихся. Вместе с тем журналистика на протяжении марта – октября 1917 г. функционировала как доступный лифт восходящей социальной мобильности, служила ступенькой для попадания в новую политическую и интеллектуальную элиту.

¹ Аносов. О чудесах и «мартовских» // Сибирская жизнь (Томск). 1917. 21 октября.

ПОНЯТИЕ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

В статье рассматривается использование понятия «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России. Делается вывод о том, что понятие «политической культуры» прочно вошло в научный инструментарий российской историографии революции и гражданской войны. Его использование как приносит важные научные результаты, так и сопровождается определенными издержками, свойственными «историографической моде». Констатируется необходимость дальнейшего развития данного концепта, уточнения его внутренней понятийной структуры и внешних связей с близкими понятиями. Необходимо построение исторического понятия политической культуры, в достаточной степени абстрактного и строгого, чтобы выполнять обобщающие функции, и в достаточной степени конкретного, чтобы не превращаться в пустой терминологический «бренд».

Ключевые слова: историография, историческая наука, политическая культура, научная терминология, революция 1917 года, гражданская война в России, методология истории

Политическая история, история правителей и законодателей, история междоусобиц и завоеваний начиная с античности была главной, а зачастую и единственной тематической областью историописания. В XIX веке в «позитивистской» исторической науке господствующее положение политической проблематики было обосновано теоретически и поставлено на надежную фактографическую, событийно-источниковую основу. Однако именно данные основания исторического знания и оказались в эпицентре критики в ходе «историографической революции», происходившей в западной исторической науке большую часть XX века¹.

Сущность радикальных перемен в западном историческом знании описал А.Я. Гуревич, один из первых отечественных сторонников и популяризаторов новой парадигмы. «Историки [...] стремятся пробиться к другому уровню исторической реальности

¹ *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: курс лекций. В 3-х вып. Вып. 2: Становление «новой исторической науки». Томск, 2003. 178 с.; Вып. 3: Историографическая революция. Томск, 2008. 554 с.

— охватить повседневную жизнь людей из разных слоев общества, воссоздать [...] их взгляды и привычки сознания, их системы ценностей, определявшие их поведение, реконструировать картину мира, которая [...] налагала на их мысли и поступки неизгладимый отпечаток». Исследователь резко разделяет «новую историческую науку» и политическую историю: «Общественные отношения и институты, политические события не могут быть поняты, если историк не знает, каково было содержание духовной жизни людей, участвовавших в этих событиях». Далее он еще раз противопоставляет такие предметы исследований, как «решения правителей» и «эмоциональная жизнь людей, их меняющиеся настроения и стереотипы мышления, их верования и формы мировосприятия», отмечая, что «в действительности эти глубинные установки сознания и эмоциональной жизни несравненно более весомы, чем „броуново движение“ политической истории». «Центр тяжести в историческом исследовании явно смещается в сторону изучения человеческого сознания», — заключал А.Я. Гуревич¹.

Впрочем, все это было написано в послесловии к русскому изданию монографии М. Блока «Короли-чудотворцы», впервые опубликованной в 1924 году² и традиционно считающейся краеугольным камнем «новой исторической науки». А ведь это исследование посвящено именно истории политической власти. Потенциал политических «рецессивных генов», входящих в базовый код новой исследовательской парадигмы, в полной мере проявился позднее, когда с 1970-х годов французские, а затем и другие европейские и американские историки на новой основе стали возвращаться к политической проблематике. Выстроенная ими заново политическая история ныне определяет свое предметное поле как «изучение политической культуры общества в ту или иную эпоху»³.

Что касается советской исторической науки, то в ней политическая история всегда занимала центральное место. В марксистско-ленинской парадигме классовая борьба — ключевой

¹ Гуревич А.Я. Марк Блок и историческая антропология // Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии / Пер. с франц. М., 1998. С. 668.

² Bloch M. Les rois thaumaturges, étude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale, particulièrement en France et en Angleterre. Strasbourg; Paris, 1924. VII+542 p.

³ Кром М.М. Историческая антропология. 3-е изд. СПб., 2010. С. 129.

процесс всемирной истории, а главное, самое важное событие в истории этой борьбы — Октябрьская революция, рождение советского государства и победа большевиков в гражданской войне. Это породило огромное количество историко-революционных и историко-партийных исследований, а ретроспективно ставило в центр внимания историю государственности и революционной борьбы на всех этапах развития российского общества.

История культуры занимала значительно более скромное место в общей иерархии исторического знания. Опираясь на тезис об «относительной самостоятельности духовной жизни общества»¹, советские гуманитарии были склонны изучать культуру как «автономную республику» в пространстве исторического прошлого². Пересечение культурных штудий с политической историей имело место прежде всего при изучении деятельности государственных институтов в области образования, искусства, науки и религии, то есть и сама культура понималась прежде всего институционально.

Впрочем, в инструментарий советского обществоведения входило и собственно понятие «политической культуры». Однако оно использовалось прежде всего при описании процесса агитационно-пропагандистского «распределения» идеологического «продукта»³, что воспринимается почти как омоним по отношению к термину западных социальных наук.

После деструкции марксистско-ленинской исторической науки многие отечественные историки в поисках источников методологического обновления обратились к наработкам актуаль-

¹ Марксистско-ленинская философия. Исторический материализм / Ред. А.Д. Макаров и др. М., 1969. С. 193.

² Шрейдер Ю. Культура как фактор свободы // Новый мир. 1993. № 1. С. 242–246.

³ Горбунов В.В. Взгляды В.И. Ленина на становление политической культуры социализма // Вопросы истории КПСС. 1982. № 4. С. 32–34; Коган Л.Н., Вишневский Д.Р., Шапко В.Г. Политическая культура развитого социализма: проблемы и опыт. Свердловск, 1982. 173 с.; Лисенков М.М. Политическая культура советского человека. М., 1983. 95 с.; Политическая культура социализма / Общ. ред. Л.Н. Коган. Фрунзе, 1984. 217 с.; Дегтярева Р.В. Деятельность КПСС по формированию политической культуры научно-технической интеллигенции в условиях развитого социализма. Л., 1985. 144 с.; Кондрусев И.В. Деятельность КПСС по формированию политической культуры рабочей молодежи в восьмидесятые годы: опыт и уроки. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 24 с.; и др.

ного западного гуманитарного знания.

В 2001 г. американская исследовательница Л. Энгельштейн подвела некоторые итоги первого постсоветского десятилетия развития российской историографии. Статью с характерным названием «Повсюду „культура“» она посвятила яркой тенденции данного периода — моде на культуроцентрическую исследовательскую оптику. «Теперь историки склоняются к тому, — писала она, — чтобы видеть в культуре не отражение глубинных социальных структур и властных отношений, а наоборот — источник политических стилей и даже силу, руководящую судьбами наций. В качестве системы ценностей, знаков и условностей культура предоставляет „монтажный щит“ для личного и коллективного опыта... Культурные формации одновременно и стабильны, и изменчивы: они сохраняются во времени, но могут и возвещать об историческом переломе. Таким образом, культура представляется историкам стратегическим первоначальным пластом для их исследований»¹.

Таким образом, в каком-то смысле неизбежно, что концепт «политической культуры» обрел широкую популярность среди российских историков, изучающих историю властных взаимодействий, государственных институтов и общественных конфликтов. В какой-то степени он стал символом обновления теоретического инструментария в отечественной политической истории².

Однако как именно он «живет» в современной отечественной практике исторических исследований теперь, когда новизна его постсоветской интерпретации перестала быть столь яркой? Какие

¹ В английском тексте статьи употреблена иная метафора: там говорится о культуре как «стратегическом пропускном пункте исторических исследований» («strategic point of entry for historical research»). См.: *Engelstein L. Culture, Culture Everywhere: Interpretations of Modern Russia, across the 1991 Divide* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2001. Vol. 2. No 2. Spring. P. 363–393; *Энгельштейн Л.* Повсюду «культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX–XX веков // *Новая русская книга*. 2001. № 3–4. С. 107–121.

² *Кром М.М.* Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // *Исторические записки*. Вып. 4 (122). М., 2001. С. 370–397; *Он же.* Новая политическая история: темы, подходы, проблемы // *Новая политическая история: Сборник научных работ*. СПб., 2004. С. 7–17; *Малинова О.Ю.* «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе // *Полис: Политические исследования*. 2006. № 5. С. 106–128; *Она же.* «Политическая культура» в российском и англо-американском научном дискурсе // *Политическая наука*. 2006. № 3. С. 7–30.

результаты приносит его использование? Как меняется он в историографическом обороте? Цель настоящей статьи — попытаться найти ответы на эти вопросы применительно к исследовательским публикациям последних пятнадцати лет, посвященным традиционно центральной теме политической истории России — истории революции и гражданской войны 1917–1922 гг.

* * *

В 2001 г., незадолго до выхода вышеупомянутой историографической публикации Л. Энгельштейн, вышла из печати монография Б.И. Колоницкого «Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года»¹. Спустя одиннадцать лет книга была выпущена вторым, исправленным и дополненным изданием². Переиздание оправдано: исследование более чем востребовано, оно прочно вошло в научный и образовательный оборот, неоднократно упоминалось и анализировалось в историографических обзорах и специальных рецензиях³. Работу сопоставляли с широко известными исследованиями Л. Хант о французской революции⁴ и Р. Уортмана о политических ритуалах русской монархии⁵.

Как же выстраивает Б.И. Колоницкий понятие политической культуры в своем исследовании?

Вначале он приводит принадлежащую политологу Г. Алмонду и имеющую широкую известность трактовку политической культуры как свойственного каждой политической системе «определенного образца ориентаций на политическое действие».

¹ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2001. 349 с.

² Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. СПб., 2012. 320 с.

³ Витенберг Б.М. История и историки 1917-го: Прежняя жизнь, другая жизнь // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 334–346; Николаева Е. Рец. на кн.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. 350 с. // Новое литературное обозрение. 2002. № 54. С. 385–388.

⁴ Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1984. 251 p. (2th ed. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2004. 272 p.)

⁵ Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. 2 vols. Princeton: Princeton University Press, 1995, 2000. V. 1. 469 p.; v. 2. 512 p. Рус. изд.: Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. М., 2004. Т. 1. 605 с.; т. 2. 796 с.

Элементами этого «образца ориентаций» являются политические знания и представления, политические эмоции, политические оценки и нормы. Б.И. Колоницкий отмечает большой успех и широкое распространение понятийной новации. Причина этого такова: понятие «заполнило известный терминологический вакуум», возникший в изучении дестабилизированных политических режимов, процессы в которых было «невозможно описать, лишь исследуя формальные политические институты». Впрочем, далее констатируется, что единого понимания концепта политической культуры на сегодняшний день так и не выработано: понятие, введенное в оборот Г. Алмондом, трактуется различными авторами «совершенно по-разному»¹.

Однако разноречивость дефиниций не рассматривается Б.И. Колоницким как непреодолимое препятствие: «все же существуют некоторые общие положения, которые разделяются большинством ученых». Таких общих положений автор выделяет два: первым «важнейшим элементом политической культуры» он называет политическую традицию», другим «важнейшим компонентом» («бесспорной частью») политической культуры — «политические символы». К теоретическому понятию политической традиции автор более не обращается, сосредоточивая свое внимание на втором «компоненте» политической культуры. Автор выделяет пять функций политической символики: 1) идентификационную (символы конституируют политические сообщества); 2) демонстрационную (указывают на факт политических изменений); 3) мобилизации и легитимации (выступают как ресурс привлечения поддержки и оправдания целей и средств политических субъектов); 4) компенсаторную (замещают невозможные по каким-либо причинам реальные политические действия); 5) коммуникативную (выступают средством трансляции идеологием в массовое сознание)².

В обсуждение вопроса о том, какое место занимает сфера символов в политической культуре, автор не вступает. Он лишь указывает на существование точки зрения, рассматривающей политическую культуру как понятие, в целом тождественное политической символике, не поддерживая и не критикуя данную точку зрения. Б.И. Колоницкий предлагает посмотреть на политическую символику эпистемологически: политические символы, с

¹ Колоницкий Б.И. Символы власти... 2-е изд. С. 8.

² Там же. С. 11.

его точки зрения, служат «своеобразными ключами для интерпретации политических культур» для любого, изучающего политическую историю¹.

Исследователь выделяет также три обстоятельства, дополнительно обосновывающие необходимость изучения политической символики для историков революционной эпохи. Во-первых, в ситуации социальных потрясений имеет место «архаический синдром» — сужение сферы рационального и, напротив, рост значения чувственно-эмоционального восприятия окружающей действительности, не делающего разницы между символом и тем, что он обозначает. Во-вторых, наряду с архаизацией общество революционной эпохи тяготеет к своего рода «знакомии», вызванной тем, что оно напряженно ищет для поддержания социальных связей «новые формы». Символы как раз и закрепляют, оформляют эти новые социальные практики. В-третьих, политическая борьба как таковая, а также ее этапы, особенности и техника отражаются в динамике системы господствующих символов, а символы выступают как инструмент и как фактор реальных политических конфликтов². Таким образом, Б.И. Колоницкий видит в исследовании политической символики три важнейшие возможности. На внешнем уровне — изучение политического процесса (почти традиционная политическая история с вниманием к событиям и их механизмам), на внутреннем — изучение глубинного содержания этого процесса в двух его появлениях — деградиационном и творческом.

Впрочем, наибольший интерес представляет то, как данные принципы реализовались в самом исследовании.

Монография состоит из трех глав, каждая из которых посвящена различному кругу проблем. В первой, через призму символики, рассмотрен процесс революционной смены власти. Во второй и третьей исследуются процессы отрицания прежних символов и становления новой символической системы соответственно.

Первая глава имеет сложную тематическую структуру. Собственно февральско-мартовским событиям в Петрограде посвящен лишь ее первый параграф. Следующей темой становится анализ феномена так называемых «праздников свободы» (организованных новыми властями торжественных мероприятий). В заключении главы

¹ Колоницкий Б.И. Символы власти... 2-е изд. С. 10.

² Там же. С. 12–13.

рассматриваются религиозные составляющие в символике «нового режима», и прежде всего — пасхальная метафора революции.

Авторскую логику данного расположения таких на первый взгляд разнородных тематических блоков можно реконструировать следующим образом. Скоротечное восстание в Петрограде рассматривается автором прежде всего через призму двух переплетающихся тем — специфической политико-семиотической топографии города на Неве и «музыки революции» — прежде всего революционных песен. Отсутствие серьезного сопротивления «сил старого режима» с самого начала привело к тому, что для множества участников вовлеченность в революционные действия носила ритуальный, имитационно-символический характер.

Второй параграф описывает этот же процесс, но уже в масштабе всего государства. «Символическая революция», приходя из столицы на места «по телеграфу», и там воспроизводилась как ритуал, как имитация реальности, но не реальность: организованные новыми (а в армии и на флоте — старыми) властями «праздники свободы» должны были придать верхушечным процессам форму *res publica*, «общего дела». Эти «праздники» (функционально сопоставимые с торжествами монархических коронаций) модулировали идейное содержание последующего политического процесса.

Третий параграф, возможно самый новаторский в книге, переводит исследовательское внимание с «целого» политического процесса (восстания ли, распространения ли революции вширь) на его один, но важнейший с точки зрения политической культуры аспект. Он рассматривает религиозные, конкретно — православно-христианские способы «оформления» революционного процесса. Хотя этому материалу могло найтись место и во второй и в третьей главах, нельзя не признать композиционное решение Б.И. Колоницкого удачным: описав возникновение революции и ее распространение «вширь», автор теперь обращается к ее проникновению «вглубь», к основаниям, к фундаментальным уровням российской социокультурной матрицы.

После этого обретает адекватный исторический масштаб материал двух последующих глав: «негативной» и «позитивной», посвященных низвержению старых и утверждению новых символических форм. Здесь для понимания авторской концепции также важна структура повествования.

Вторая глава состоит из пяти параграфов, описывающих низвержение прежних государственных символов, обладавших пра-

новым статусом (герб, флаг, гимн), военных символов (знамена, флаги), «художественных» государственных символов (царских портретов и памятников), «персональных» воинских символов (форма одежды, знаки различия, знаки отличия), а также один из видов языковой символики — официально закрепленным названиям (также штатским и военным).

Первый параграф третьей главы имеет подобную структуру. Автором в нем выделены четыре пункта, описывающие общественную борьбу за новый (красный) флаг, за новый гимн («Марсельеза» vs «Интернационал»), за новое титулование («граждане» vs «товарищи») и вокруг образа «вождя» революции.

В чем бросающаяся в глаза разница описаний двух символических систем? Свергаемая представлена двумя стройными, юридически выверенными, структурно организованными символическими «наборами»: общегосударственным и военным. Утверждаемая — во всех своих частях неизменно «двоится», сам процесс ее становления есть не только борьба со старой системой, но и напряженное противоборство внутри системы новой, между разными версиями революционной символики. Несовпадения отдельных пунктов двух наборов вызваны, скорее, не отсутствием материала, а авторским замыслом. Так, среди свергаемых символов разительно отсутствует фигура царя, предшествующая фигуре революционного вождя. Это, вероятно, вызвано тем, что сложность и значимость данного политического образа потребовали от автора его монографического исследования¹.

Следующая часть третьей главы посвящена коммерческим механизмам распространения революционной символики. В завершение рассматривается проблема восприятия времени в революции. Автору удается наглядно показать, насколько эсхатологической была свойственная послефевральской России концепция «революционного времени». Хотя термин «хронотоп» не используется автором, характерно «обрамление» текста книги темами пространства революции и ее времени. Такая композиция обеспечивает концептуальную «рамку» монографии.

Результаты исследования интересны и глубоко. Б.И. Колоницкий приходит к выводу о совершенно исключительной роли в «символической революции» особого феномена — субкультуры

¹ Колоницкий Б.И. Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. 664 с. (Серия Historia Rossica).

революционного подполья. Эта субкультура — радикальная, эсхатологически настроенная — после Февраля монополизировала символическую сферу России. Либералы не предлагали своим сторонникам в 1917 г. своих особых символов; прежние, монархические государственные символы были глубоко дискредитированы. Субкультура подполья, во взаимодействии с рядом других субкультур (интеллигенции, «сознательных рабочих» и др.) сумела наложить глубокий отпечаток на национальную политическую культуру, в значительной степени переформатировав ее. Успехи большевиков и их союзников в «символической революции» существенно облегчили им борьбу за власть¹.

Итак, с одной стороны, понятие политической культуры в монографии Б.И. Колоницкого играет роль «внешней рамки», «фона» для предмета непосредственного исторического исследования — сферы политических символов. В принципе это отражено и в подзаголовке монографии: формулировка «К изучению политической культуры...» не подразумевает реконструкции всей системы политической культуры изучаемой эпохи в целом. С другой стороны, исследователь выявляет структуру и функции связанной с символами части политической культуры и политической практики. Он отмечает ведущую роль символов в процессах самоорганизации стихийной политической активности масс. Наконец, важным результатом исследования является выделение в рамках национальной политической культуры особых образований — политических субкультур, часть из которых взаимодействуют друг с другом и способны, в определенных исторических условиях, выступить фактором радикальной трансформации политико-культурной сферы в масштабе общества в целом.

* * *

В 2003 г. в Омске была опубликована первая часть исследования А.А. Штырбула под многообещающим названием «Политическая культура Сибири»². Спустя пять лет вышло из печати второе, дополненное издание монографии, включавшее сразу обе части³.

¹ Колоницкий Б.И. Символы власти... 2-е изд. С. 304–311.

² Вторая часть, видимо, тогда так и не была издана. См.: Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX — первая четверть XX века) / Науч. ред. В.Д. Полканов. Ч. 1: Конец XIX века — февраль 1917 года. Омск, 2003. 243 с.

³ Штырбул А.А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной

По содержанию данная публикация представляют собой прежде всего обобщение фактического материала по истории политических партий в Сибири, а в источниковом отношении в значительной степени опирается на работы предшественников. Главная цель исследования сформулирована следующим образом: «проследить в комплексе и взаимосвязи всю историю сибирской многопартийности от ее генезиса до исчезновения, ухода с политической сцены»¹.

В структурном отношении монография разделена на две хронологические части по рубежу февраля 1917 г. Причем первая часть организована по проблемно-хронологическому принципу, а вторая — по чисто хронологическим основаниям. В первой части нашлось место для отдельного рассмотрения вопросов социальной структуры сибирского общества, политического экстремизма и политических компромиссов, региональных аспектов парламентаризма, взаимодействия партийных структур и власти. Во второй части все эти проблемы растворены в хронологически организованном повествовании. Однако нас интересует трактовка автором концепта «политическая культура» и причины обращения к нему.

Термин, вынесенный в заглавие книги, во введении к ней встречается один раз, а именно в следующем определении: «Партийно-политическая деятельность — одно из высших проявлений общественной самоорганизации и политической культуры общества». Далее А.А. Штырбул добавляет следующую ремарку — «Разумеется, в части культуры речь должна идти о более-менее цивилизованных формах проявления этой деятельности»². Это все, что автор сообщает читателю о своем понимании данного концепта. Поразительно, но в тексте заключения понятие «политическая культура» отсутствует вовсе.

В 2015 г. в небольшой публикации, также содержащей в своем названии словосочетание «политическая культура», А.А. Штырбул несколько более подробно высказался о данном понятии. «Политическая культура, — пишет он, — часть общей культуры в целом. К политической культуре относятся традиции и опыт таких явлений, как политический плюрализм (многопартийность), в том числе партийно-политический блоклизм; политическое ли-

многопартийности (конец XIX — первая треть XX в.) / Науч. ред. М.В. Шиловский. Омск, 2008. 612 с.

¹ Штырбул А.А. Политическая культура... Омск, 2008. С. 7.

² Там же. С. 7.

дерство; обеспечение властью политических прав населения и способность самого населения к реализации этих прав на практике (как путем парламентаризма, так и иными путями); социально-политическое (в том числе государственное) творчество».

Затем автор выдвигает далеко небесспорный тезис о том, что «политическая культура страны не в последнюю очередь складывается из политической культуры регионов»¹. Далее следует фактографический очерк истории политических организаций Омска и сопредельных территорий Прииртышья на протяжении первой четверти XX века. Возникает вопрос: а при чем здесь вообще «политическая культура»?

Итак, можно понять, что для данного автора культура приравнивается к некоей стандартной «цивилизованности» и иерархически делится на «высшую» и «низшую». Нельзя не отметить, что подобный подход вступает в конфликт с принципом историзма, с ориентацией на *понимание* исторической реальности и неизбежно ведет к модернизации, к искаженной интерпретации изучаемых явлений.

Кроме того, политическая культура рассекается на региональные «фрагменты». При этом, даже если исходить из авторских формулировок, совершенно неясно, чем «партийно-политический блоканизм», например, на Кавказе в культурном отношении отличался от этого же явления в Сибири? Если существование феномена особой, отличной от других частей России политической культуры в сибирском макрорегионе вызывает сомнение и нуждается в доказательствах, то попытки приписать таковую населению Среднего Прииртышья выглядят уже совершенно фантастическими.

Наконец, сам концепт «политической культуры» очевидным образом используется А.А. Штырбулом лишь в декоративно-имитационном качестве. Он просто не нужен для достижения поставленной цели теми средствами, которыми пользуется автор. Перед нами явный случай злоупотребления «историографической модой».

* * *

Для ряда исследователей характерно желание сузить, конкретизировать понятие политической культуры через исследование ее версий, свойственных отдельным социальным группам.

¹ Штырбул А.А. Политическая культура Омска и Среднего Прииртышья первой четверти XX века // Вестник Омского университета. 2015. № 2 (76). С. 147.

Так, М.В. Пономарев ставит вопрос об исследовании «политической культуры православного духовенства Царицынской епархии» в 1917–1930-х годах¹. Далее он употребляет по отношению к ней термин «субкультура» и говорит о необходимости выявления ее «региональной специфики». Таким образом автор проводит две ограничивающие операции: по критерию социальной стратификации (духовенство) и по территориальному критерию (Царицынская епархия).

В результате к региональной специфике автор относит «склонность к конформизму среди массы клириков, большую степень распространения радикальных идей в среде сельского, а не городского духовенства». Остается совершенно непонятно, как *специфичность* черт такого рода для Царицынской епархии можно убедительно обосновать на материалах *одного* региона.

Иначе ограничивает предмет своего исследования С.В. Макаrchук². Он не только выделяет особую группу — членов социалистических партий, не только берет обширный макрорегион — восток России, составлявший в годы гражданской войны единое политическое пространство, но и выделяет конкретный элемент политической культуры — компромисс как ценностную установку. Такая оптика выглядит более корректной и более перспективной, тем более что региональные ограничения материала не приводят к региональным ограничениям постановки вопросов. К сожалению, С.В. Макаrchуку не удалось избежать другого недостатка — использования модернизирующей, не историчной терминологии. Применение современного термина «толерантность» навряд ли уместно в исследованиях эпохи 1917–1922 гг., по крайней мере без особого обоснования и расшифровки.

Впрочем, вполне возможен и региональный масштаб исследования политической культуры, как это сделано в статье Д.В. Колчинского³. Ограничивая территориальные рамки своего исследо-

¹ Пономарев М.В. Политическая культура православного духовенства России в 1917–1930-е гг.: центр и провинция. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010.

² Макаrchук С.В. Социалисты на востоке России: политическая культура компромисса накануне и в начале гражданской войны // Вестник КемГУКИ. 2013. № 23.

³ Колчинский Д.В. Формы самовыражения массовой политической культуры в 1917 г. (по материалам Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского государственного университета. 2015. Вып. 3 (143).

вания, автор не ставит вопрос о специфике, но в итоге делает вполне обоснованные выводы, хотя и идущие в основном в русле концепции Б.И. Колоницкого.

Перспективен подход, реализуемый в серии публикаций Д.Н. Шевелева¹. Он исследует прежде всего тот аспект сферы политической культуры периода гражданской войны, который связан с «конкурентной борьбой за гегемонию символического производства и формирование информационного, политического, социального, экономического и культурного пространства, соответствующего новой государственной доктрине»². При этом важное внимание уделяется анализу бинарных мифологических оппозиций, свойственных пропагандистскому дискурсу, вообще анализу различных устойчивых образов, составлявших мыслительный каркас как политической пропаганды, так и, в определенной степени, государственной практики.

Итак, понятие «политической культуры» прочно вошло в научный инструментарий российской историографии революции и гражданской войны. Его использование как приносит важные научные результаты, так и сопровождается определенными издержками, свойственными «историографической моде». В процессе использования, концепт претерпел определенные трансформации.

Потенциал его дальнейшего развития, востребованный исследовательской ситуацией, связан прежде всего с уточнением внутренней понятийной структуры и внешних связей с близкими

¹ Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 гг.). Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Томск, 2012. 48 с.; *Он же*. Структурирование политического пространства и формирование национальной идентичности в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: методология, методика и практика исследования: Программа и тезисы. Томск, 2014. С. 225–228; *Он же*. «Мы испытали горькое удовлетворение нашей общей победы»: тема и образы «Великой войны» в официальной и проправительственной периодической печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Былые годы: Российский исторический журнал (Сочи). 2014. № 33 (3). С. 348–353; Шевелев Д.Н., Конев К.А. Тема Великой войны во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // Русин: Международный исторический журнал. Кишинев, 2014. № 3 (37). С. 167–181.

² Шевелев Д.Н. Структурирование... С. 226.

понятиями. Необходимо построение *исторического* понятия политической культуры, в достаточной степени абстрактного и строгого, чтобы выступать в своей обобщающей функции, и в достаточной степени конкретного, чтобы не превращаться в пустой терминологический «бренд». В противном случае ему грозит «большое кладбище концептов, которые долго использовали, а потом похоронили, не проведя аутопсии»¹.

¹ *Лильти А.* Как избавиться от цивилизации: об использовании одного концепта // Как мы пишем историю? М., 2013. С. 195.

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ
ПРАВИТЕЛЬСТВ ВОСТОКА РОССИИ (ОСЕНЬ 1918 – ВЕСНА 1919 Г.):
ПУТЬ ПРОБ И ОШИБОК***

В статье рассматривается этап становления (осень 1918 – весна 1919 г.) правительственных органов осведомления и политической пропаганды государственных образований востока России. Цель исследования заключается в выявлении основных тенденций структурной, организационной и функциональной трансформации информационно-пропагандистских и культурно-просветительных учреждений, подчиненных Совету министров, Ставке Верховного главнокомандующего и Главному штабу. Автор приходит к заключению о том, что, начиная с осени 1918 и вплоть до весны 1919 г., масштабы осведомительной работы значительно возросли, сеть государственных информационно-пропагандистских и культурно-просветительных учреждений расширилась. Ключевыми направлениями их деятельности в этот период стали осведомление заинтересованных гражданских и военных ведомств, «правильно поставленная информация» населения подконтрольных территорий, правительственных и общественных кругов зарубежных стран и культурно-просветительная работа в армии. В целом же влияние пропагандистского аппарата Российского правительства адмирала А.В. Колчака на формирование общественных настроений на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке, а также на правительства стран бывших союзников по Антанте продолжало оставаться незначительным.

Ключевые слова: Сибирь, Гражданская война, белое движение, Временное Всероссийское правительство (Директория), Российское правительство, адмирал А.В. Колчак, политическая пропаганда.

С образованием на Государственном совещании в Уфе в сентябре 1918 г. Временного Всероссийского правительства (ВВП) начался новый этап в истории антибольшевистского движения на востоке России. Принятый в результате компромисса «Акт об образовании Всероссийской верховной власти», известный также как «Уфимская конституция», провозгласил Директорию «един-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»).

ственным носителем верховной власти на всем пространстве государства Российского»¹, впредь до созыва Всероссийского Учредительного собрания.

Новая всероссийская власть, представлявшая собой, по словам канадского историка Н. Перейры, «респектабельную, умеренную по взглядам и явно прозападную группу людей»², ставила перед собой амбициозные цели. «Вступив волею народов России в управление всем государством российским, — провозглашалось в правительственной декларации, — Всероссийское Временное правительство своею первейшей задачей ставит восстановление государственного единства и независимости России. Во имя этой цели, используя твердо и неуклонно всю силу врученной ему верховной государственной власти, правительство раньше всего стремится освободить от советской власти еще стонущие под его игом области России, установив во всем пространстве государства российского торжество права, законности, порядка и обеспеченное пользование гражданскими свободами»³.

На практике же государственное строительство происходило в сложных условиях. «Государственное небытие, распадение власти на ряд областных местных правительств, гражданская война, сжигающая государственную жизнь страны внутри и постепенно переходящая на ее внешних границах в войну внешнюю, хозяйственный распад»⁴, — так охарактеризовало обстановку того времени официальное издание Директории. «Мудрено ли, что при таких условиях надо было много труда и энергии, чтобы только приступить к государственной работе». Особенно трудным оказалось формирование правительственного аппарата нового государственного образования⁵. «Под рукой не было никакого делового аппарата и ощущалось полное отсутствие людей», — вспоминал А.А. Аргунов⁶, являвшийся в то время заме-

¹ Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.): сборник документов и материалов / сост. и научн. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 15.

² Перейра Н. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 80.

³ Временное Всероссийское правительство... С. 26.

⁴ Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 7 ноября

⁵ Шишкин В.И. К истории формирования Совета министров Временного Всероссийского правительства (24 сентября – 13 октября 1918 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 53–57.

⁶ Аргунов А.А. Между двумя большевиками. Париж, 1919. С. 20.

стителем Н.Д. Авксентьева — временного председателя Директории в составе ВВП.

Произошедший в ночь на 18 ноября 1918 г. государственный переворот, в результате которого к верховной власти в Омске пришел адмирал А.В. Колчак, означал окончательный распад и без того непрочной коалиции умеренных социалистов и либерально-консервативных сил. «После изгнания Авксентьева, — писал П.Н. Милюков, — умеренная часть эсеров совершенно ступшевалась, а среди кадетов, после ухода Виноградова, окончательно возобладали правые настроения. Элементы возможного умеренного центра были отброшены переворотом 18 ноября к противоположным полюсам политической жизни. На сцену выступили крайние фланги, немедленно вступившие друг с другом в самую острую борьбу»¹.

Все вышеуказанные обстоятельства так или иначе повлияли на работу правительственных органов осведомления и политической пропаганды.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении основных направлений развития информационно-пропагандистских учреждений Временного Всероссийского и Российского правительств, их структурной, организационной и функциональной трансформации в период с осени 1918 по весну 1919 г. Специальных публикаций, посвященных данной теме, нет. В отечественной литературе последних двух десятилетий данный этап рассматривался лишь фрагментарно, в качестве промежуточного между зарождением системы органов политической пропаганды антибольшевистских правительств и временем его наибольшей активности².

В центре внимания автора — деятельность центрального осведомительного аппарата государственных образований востока России, подразделений, подчиненных Управлению делами ВВП и

¹ Милюков П.Н. Россия на переломе: в 2 томах. Париж, 1927. Т. 2. С. 53.

² Молчанов Л.А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.). М, 2002. 272 с.; Он же. «Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство»: К истории антибольшевистской государственности периода гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 2007. 207 с.; Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: в 5 томах / [В.В. Авдеев, С.В. Козлов, С.Н. Лютов и др.]; Отв. ред. А.Л. Посадков. Новосибирск, 2002. Т. 3. 1917–1930 гг. 435 с.; Хандорин В.Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск, 2010. 368 с.

Управлению делами Совета министров и Верховного правителя (отдел печати), Ставке Верховного главнокомандующего (информационный отдел, Осканверх) и Главному штабу (осведомительный отдел, отдел печати и отделение внешкольного образования и воспитания войск). Временной промежуток с конца сентября 1918 по начало мая 1919 г. можно рассматривать как этап его становления. Для понимания осведомительной работы как особого направления внутренней политики антибольшевистских правительств востока России, инструмента утверждения новой государственной идеологии и новой для того времени политико-административной практики данный этап не менее важен, нежели предыдущий (июнь – сентябрь 1918 г.). По существу речь идет о формировании качественно иной модели государственной пропаганды. Связано это было с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, государственный аппарат осведомления и политической пропаганды приобрел статус «всероссийского», в соответствии с которым была перестроена его организационная структура, расширены штаты, увеличено финансирование. На новый уровень вышел и масштаб решаемых осведомительными органами задач.

Во-вторых, в это время произошла и определенная переоценка политических ценностей, смещение идеологических акцентов от «народовластия», демократических свобод и Учредительного собрания в сторону «единой, нераздельной и великодержавной России», «принципа государственного интереса» и «власти национального вождя».

В-третьих, руководящая роль в формировании новой модели государственной пропаганды от эсеров перешла к кадетам — «партии государственного переворота», отдавшей «все свои силы... на прямую службу правительству»¹.

В-четвертых, в организацию осведомительной работы активно включились военные, которые привнесли в этот процесс свою специфику.

Организационная работа в это время проводилась как по линии Временного Всероссийского, а в дальнейшем — Российского правительства, так и по линии военного ведомства.

Формирование правительственного отдела печати началось еще во время пребывания Директории в Уфе. Занимался этим

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии: в 3 томах. М., 2000. Т. 3. Кн. 2. 1918–1920 гг. С. 68, 72.

управляющий делами А.Н. Кругликов. Заведующим отделом печати им был назначен депутат Всероссийского Учредительного собрания от Саратовской губернии, член Комуча, эсер Александр Аркадьевич Минин. 28 сентября 1918 г. назначение А.А. Минина было утверждено на заседании Временного Всероссийского правительства¹. Днем ранее члены Директории постановили «приступить немедленно (еще в Уфе) к изданию официального органа — „Вестника Всероссийского Временного правительства“»². 10 октября специальной телеграммой «до сведения всей прессы Европейской и Азиатской России» доводилась информация об образовании при Временном Всероссийском правительстве телеграфного агентства с условным обозначением «ВГА» (Всероссийское телеграфное агентство)³.

Двадцать пятого октября 1918 г. А.Н. Кругликов направил членам Директории доклад об организации, структуре и задачах правительственного отдела печати. «Правительство, — говорилось в нем, — заинтересовано в том, чтобы общество было своевременно и надлежащим образом осведомлено о его работах, о тех или иных шагах и мероприятиях как самого правительства, так его органов и агентов». Точно также, по мнению автора доклада, правительство заинтересованно и в «надлежащем освещении тех или иных явлений общественно-политической жизни страны через посредство повременной прессы». Наконец, отмечал управляющий делами ВВП, государственная власть нуждалась в «информационном аппарате, который своевременно и правильно освещал бы перед правительством настроение общественного мнения, поскольку оно выявляется на страницах повременной прессы»⁴.

Таким аппаратом и должен был стать правительственный отдел печати. При этом ему ставилась та же двусторонняя задача «широкого осведомления общества» и «осведомления правительства», что и Информационному бюро Временного Сибирского правительства (ВСП), но теперь уже во «всероссийском» масштабе.

Устройство нового отдела также напоминало Информбюро ВСП: телеграфное агентство — официальный правительственный печатный орган — бюро по обзору печати. Структурно в качестве

¹ Временное Всероссийское правительство... С. 40.

² Там же. С. 36.

³ ГА РФ. Ф.Р-4886. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

⁴ ГА РФ. Ф.Р-952. Оп. 3. Д. 209. Л. 1.

самостоятельного подразделения добавилось бюро печати. В его задачу входило, с одной стороны, собирать или, как говорилось в докладе, «концентрировать» у себя все сведения, поступающие от «правительства, его министерств, департаментов, отделов, канцелярий», «агентов, находящихся на местах (сотрудники, агенты, отделения)», а также от «бюро по обозреванию печати». С другой — отредактированные материалы должны были передаваться непосредственно членам правительства, а также через телеграфное агентство и правительственную газету сообщаться «русскому и заграничному обществу»¹.

Предполагалось существенно расширить масштабы работы правительственного телеграфного агентства. ВТА должно было организовать на территории, подконтрольной Директории (особое значение придавалось Дальнему Востоку), и в зарубежных странах «сеть агентур и отделений», а также наладить деловые связи с иностранными информационными агентствами. Отделения Всероссийского телеграфного агентства планировалось открыть в Оренбурге, Екатеринбурге, Омске, Иркутске и Владивостоке. «Владивостокское и Екатеринбургское [отделения], — отмечалось в докладе, — имеют еще и специальные задания: первое организует связь с иностранными телеграфными агентствами, второе — обслуживает Европейскую Россию и ускоряет получение из нее сведений»².

Согласно представленной смете, ежемесячно на содержание Отдела печати со всеми его отделениями запрашивалось 106 527 рублей 50 копеек³. При этом основная часть расходов (74 932 руб. 50 коп.) приходилась на содержание центрального аппарата телеграфного агентства и его местных отделений.

Второго ноября на заседании Временного Всероссийского правительства, теперь уже в Омске, А.Н. Кругликов вновь вернулся к вопросу «о необходимости приступить теперь же к изданию „Вестника Временного Всероссийского правительства“, назначить редактора этого органа и разрешить вопрос о составлении штатов конторы и редакции». Он представил проект соответствующего постановления и проект положения о правительственном отделе печати. Управляющий делами предложил также объединить Си-

¹ ГА РФ. Ф.Р-952. Оп. 3. Д. 209. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 8.

бирское и Всероссийское телеграфные агентства в одно — ВТА. После непродолжительного обсуждения внесенные А.Н. Кругликовым проекты были приняты без поправок¹.

Полемика развернулась вокруг возможных претендентов на должность редактора официального правительственного печатного органа. Управляющий делами ВВП категорически отверг кандидатуры редакторов «Вестника Комитета членов Учредительного собрания» эсера С.А. Волкова и «Сибирского вестника» кадета В.А. Кудрявцева как «партийных работников с ярко выраженной политической окраской, между тем как во главе правительственного органа, который должен освещать события вполне беспристрастно и объективно, следует поставить лицо беспартийное». В качестве кандидатов на должность редактора «Вестника Временного Всероссийского правительства» А.Н. Кругликов рекомендовал профессорского стипендиата Казанского университета, секретаря редакции журнала «К свету» И.И. Крыльцова и магистранта Московского университета, члена редакции журнала «Голос минувшего», члена совета и секретаря московского издательства «Задруга» А.Л. Фовицкого (Оболенского). В итоге обязанности редактора правительственного «Вестника» временно были возложены на Алексея Леонидовича Фовицкого как «человека науки и абсолютно беспартийного»².

Временное Всероссийское правительство высказалось за слияние СТА с ВТА, причем постановило «приступить к этой работе немедленно». Тогда же один из членов Директории, председатель Совета министров ВСП П.В. Вологодский, предложил наладить взаимодействие Всероссийского телеграфного агентства с международным информационным агентством «Рейтер». С учетом высказанных замечаний было решено доработать положения о «Вестнике» и отделе печати и вновь представить их на рассмотрение Директории³.

Обсуждение состоялось на следующий день. Новая редакция проекта постановления «Об издании „Вестника Временного Всероссийского правительства“» была принята без особых прений, с незначительной поправкой, внесенной В.А. Виноградовым. Наиболее же жаркие споры вызвали вопрос о целесообразности подчи-

¹ Временное Всероссийское правительство... С. 202.

² Там же. С. 202.

³ Там же. С. 203.

нения редакции правительственного «Вестника» отделу печати, а также сама кандидатура его руководителя. По мнению А.Н. Кругликова, включение «Вестника» в состав отдела печати осуществляется исключительно «в целях технического удобства», поскольку «политическое направление газеты будет диктоваться непосредственно волею правительства через Управление делами»¹. После чего обсуждение перешло на личность руководителя правительственной информационной службы, в качестве кандидата на которую был предложен А.А. Минин.

Первым в этом отношении высказался генерал-лейтенант В.Г. Болдырев, указав, что не имеет ничего против А.А. Минина лично, но считает нежелательным назначение А.А. Минина управляющим отделом печати, так как тот является членом партии эсеров и даже входит в состав ЦК (последнее опроверг другой член Директории, В.М. Зензинов), «ввиду чего широкие круги общества будут говорить, что вся официальная печать находится в заведовании партийного человека»². Примерно в том же ключе выступил и П.В. Вологодский, охарактеризовавший А.А. Минина как «ярко выраженную партийную фигуру».

По поводу же структуры правительственной информационной службы мнения разделились: П.В. Вологодский признал целесообразным включение редакции «Вестника» в состав отдела печати, Н.Д. Авксентьев предложил подчинить А.А. Минина и А.Л. Фовицкого параллельно управляющему делами, оставив, таким образом, в отделе печати только три отделения: ВТА, бюро печати и бюро по обзору печати. В итоге проект постановления было решено вновь доработать³.

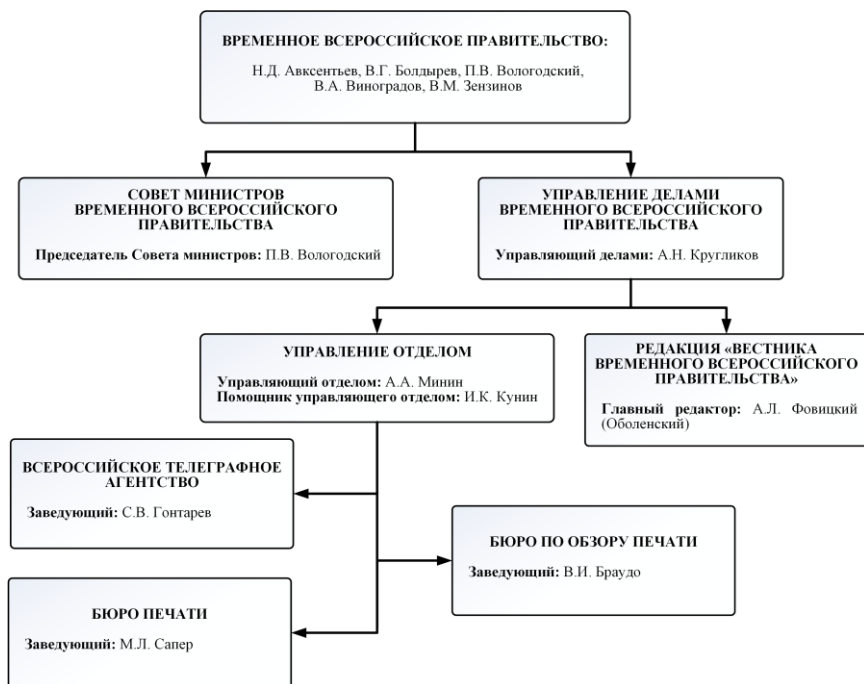
Четвертого ноября Директория окончательно утвердила постановление об отделе печати, который учреждался при Управлении делами ВВП и должен был состоять из трех подразделов: 1) Всероссийского телеграфного агентства, 2) Бюро печати и 3) Бюро по обзору печати. Информационное бюро при ВСП упразднилось. Кредиты и ассигнования, а также обязанности по договорам переносились на отдел печати Директории, а его заведующему поручалось срочно выработать штаты нового учреждения и представить их на утверждение Временному Всероссийскому прави-

¹ Временное Всероссийское правительство... С. 207.

² Там же. С. 208.

³ Там же. С. 208.

тельству¹. К середине ноября 1918 г. структура правительственной информационной службы выглядела следующим образом:

О Т Д Е Л П Е Ч А Т И

Рис. 1. Схема организации правительственного Отдела печати и редакции «Вестника Временного Всероссийского правительства» (ноябрь 1918 г.).

Всего в отделе печати Временного Всероссийского правительства значилось 40 сотрудников².

Однако вплоть до переворота 18 ноября 1918 г. вопрос о передаче всех дел упраздненного Информационного бюро ВСП отделу печати ВВП решен не был, также как не был утвержден новый штат сотрудников и его бюджет.

После прихода к верховной власти адмирала А.В. Колчака Отдел печати ВВП и редакция правительственной газеты перешли в состав Управления делами Совета министров. При этом не-

¹ ГА РФ. Ф.Р-176. Оп. 1. Д. 96. Л. 20; Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 6 ноября

² ГА РФ. Ф.Р-4886. Оп. 1. Д. 11. Л. 26–26 об.

которые подразделения были переименованы: «Вестник Временного Всероссийского правительства» получает название «Правительственный вестник», а ВТА становится Российским телеграфным агентством (РТА)¹. Руководителем РТА был назначен С.Б. Серженский. Структура же отдела была сохранена. С 20 ноября 1918 г. Отдел печати возглавил бывший управляющий Информационным бюро ВСП А.И. Манкевич². 27 ноября он принял от управляющего Отделом печати ВВП А.А. Минина принадлежавшие отделу денежные суммы в размере 90 136 рублей 65 копеек³.

Необходимо отметить, что преобразование отдела и перестройка его работы шли крайне медленно. В начале декабря 1918 г. все еще поступали доклады в адрес Информационного бюро Совета министров, то есть учреждения ВСП, официально упраздненного еще Директорией. Фактически Отдел печати начал формироваться лишь в конце ноября – декабре 1918 г. и лишь к февралю 1919 г. в общих чертах завершил свою организацию⁴. В это время он располагался в Омске по адресу ул. Александровская, дом 19.

Во второй половине декабря 1918 г. для Управления делами Совета министров и Верховного правителя была подготовлена объяснительная записка о деятельности Информационного бюро (Отдела печати) с 10 июля по 15 декабря того же года. Помимо анализа опыта предшествующей работы в документе намечались «дальнейшие перспективы для дальнейшего расширения дела»⁵.

«В настоящий исторический момент, — говорилось в объяснительной записке, — в сложной политической ситуации, когда на целые века вперед определяется судьба стран и народов, роль государственной информации становится чрезвычайно важной, какую не была никогда до сих пор. Многие державы уже осознали эту роль и отвели информации должное почетное место, — достаточно указать на такие примеры, как грандиозный масштаб работы Американского правительственного бюро печати, или назначение в новой Германии специального комиссара информа-

¹ Приказом от 24 января 1919 г. № 29 Алексей Леонидович Фавицкий был освобожден от исполнения обязанностей главного редактора «Правительственного вестника» с 19 ноября 1918 г. (Правительственный вестник. 1919. 29 января).

² ГА РФ. Ф.Р-952. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.

³ Там же. Л. 7.

⁴ ГА РФ. Ф.Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 36–38.

⁵ Там же. Л. 14.

ции, включенного в состав министерского кабинета. Политической необходимостью диктуется и для России иное отношение к этой отрасли государственного дела. В этих целях являются весьма ценными: полнота, согласованность, цельность и стройность информации, солидная постановка ее в целом»¹.

С целью улучшения работы правительственного Отдела печати был намечен ряд мер. Во-первых, предполагалось приобрести собственную типографию для «печатания “Правительственного вестника” и других официальных изданий». Во-вторых, «для более тесной и разносторонней связи с границей» и широкого осведомления местного населения признавалось крайне необходимым организовать филиал Российского телеграфного агентства на Дальнем Востоке. В-третьих, планировалось создать собственно информационное бюро, для работы в котором привлечь находящихся при управлении Отделом печати группу сотрудников во главе с заведующим информацией.

Кроме того, «в видах экономии, цельности и согласованности» предлагалось «всю информацию от правительства к населению и обратно» сосредоточить в руках Отдела печати. Информационные же подразделения отдельных министерств предполагалось упразднить. При этом «наличный персонал с инвентарем прикомандировывается к отделу печати, по соответствующей специальности, причем отдел печати берет на себя все обязательства информационных органов отдельных министерств»².

Тогда же была выработано новое штатное расписание правительственного отдела печати, которое, как отмечалось в пояснительной записке, «явилось результатом полугодовой деятельности Информационного бюро, двухмесячной — Отдела печати и совместной практики». А.И. Манкевич предполагал увеличить количество сотрудников, как основных (РТА, информационное бюро), так и вспомогательных (контора, экспедиция) подразделений отдела. Планировалось даже создание самостоятельной бухгалтерии (ранее она была общей с канцелярией Совета министров), увеличение числа служащих конторы и экспедиции. Всего же по новому штатному расписанию в отделе печати Управления делами Совета министров и Верховного правителя предусматривалось 103 единицы.

В начале 1919 г. было подготовлено еще одно штатное распи-

¹ ГА РФ. Ф.Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 56.

² Там же.

сание правительственного отдела печати. В сопроводительной записке указывалось, что «главная разница между штатами прежними и новыми заключается в повышении ответственных должностей на один класс». Это было сделано с «целью придания большего веса и большей самостоятельности руководителям отдела печати, ибо работа их, в сравнении с работой первого периода, естественно и широко разрослась и требует увеличения масштаба и соответствующего расширения компетенции руководителей»¹.

Новое штатное расписание зафиксировало и сложившуюся к началу 1919 г. структуру отдела. Наряду с уже известными подразделениями (телеграфное агентство, редакция правительственной газеты и бюро обзоров печати) сформировались новые: информационное бюро, пресс-бюро и бюро иностранной информации. Информационное бюро являлось «центром ведомственной информации, согласовывающее поступающий материал и планомерно его добывающее». Основная задача пресс-бюро заключалась в проведении «агитации и пропаганды в тылу, на фронте и в Советской России», распространении циркулярных статей для газет, а также в издании пропагандистской литературы (брошюр, листовок). Бюро иностранной информации должно было регулярно осуществлять авторитетную и широкую информацию Европы, Америки и Японии путем ежедневной отправки в адрес специальных правительственных корреспондентов в Париж, Лондон, Нью-Йорк и Токио обширного осведомительного материала»².

Организационная работа проводилась и по линии военного ведомства. Сразу же после образования ВВП для руководства всеми вооруженными силами российской контрреволюции на востоке страны была создана Ставка Верховного главнокомандующего, располагавшаяся в Уфе. В составе штаба Главковерха был организован информационный отдел, который первоначально возглавил ротмистр С.А. Скрябин. «Главными задачами инфотдела, — отмечалось в одном из докладов, — помимо определенной его наименованием, роли осведомительного органа Штаверха является осведомление общественных кругов и воспитание и подготовка общественного мнения в военном отношении. Последнее достигается путем издания органа печати, выпусков брошюр и устранения из периодической печати всего препятствующего возрождению ар-

¹ ГА РФ. Ф.Р-952. Оп. 3. Д. 210. Л. 60.

² Там же. Л. 60 об.

мии. На инфотделе лежат также задачи ориентировки по военным вопросам иностранных миссий и частных лиц и выдача им всевозможных справок»¹. Примечательно, что изначально отдел состоял из четырех отделений: печати, по изданию газеты, иностранных и зарубежных сношений, а также особого подотдела справок².

Двенадцатого ноября 1918 г. распоряжением начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанта С.Н. Розанова «для пользы службы» отдел «во всех отношениях» был подчинен 1-му генерал-квартирмейстеру Ставки подполковнику А.Д. Сыромятникову. «Вся деятельность информационного отдела и газеты „Русская армия“, — говорилось в распоряжении, — должна строго соответствовать всем указаниям генкварверха первого»³.

Формирование информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего происходило медленно в связи с недооценкой роли пропаганды, отсутствием необходимого опыта (причем на всех уровнях военного ведомства) и подходящих для осведомительной работы кадров⁴. «До сего времени, — докладывал С.А. Скрябин в рапорте от 13 октября 1918 г., — деятельность Инфотдела находится в зачаточном состоянии». При этом он назвал три причины, обусловившие такое положение дел: «1. Отдел не имеет необходимых работников, которыми в ближайшее время будет пополнен. 2. Нет оборудования. 3. Нет помещения, и все дела до сих пор решаются на ходу»⁵. К концу месяца ситуация начала выправляться. 23 октября генерал С.Н. Розанов утвердил штат сотрудников информационного отдела. Всего предусматривалось 71 штатная единица⁶. На следующий день в своих должностях было утверждено 16 сотрудников отдела⁷. В дальнейшем структура и состав отдела еще не раз претерпели изменения.

С организацией информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего произошли изменения и в деятельности информационного отделения, действовавшего в составе штаба Сибирь-

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 84. Л. 10.

² Там же. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Шевелев Д.Н. Информационный отдел штаба Верховного главнокомандующего: в поисках оптимальной структуры // История белой Сибири. Кемерово, 2009. С. 142–148.

⁵ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 2.

ской армии. К концу октября военно-исторический отдел был расформирован, а входившие в него подразделения — историческое, информационное и военно-цензурное отделения — переданы в управление генерал-квартирмейстера штаба армии. При этом некоторые функции информационного отделения были переданы информационному отделу при Ставке, а военно-цензурного — военному почтово-телеграфному контрольному бюро штаба Западно-Сибирского военного округа. В новых условиях к ведению информационного отделения стали относиться: «а) обзор печати как материал для разведки и как материал для освещения настроения прессы и общества; б) сбор, разработка и передача в периодическую печать сведений: описание боевых действий и подвигов сибирских частей, приказов по Сибирской армии общественно-популярного характера и прочих выдающихся событий политической и общественной жизни; в) воззвания и обращения к населению; г) воззвания и обращения к армии противника и населению занятых им областей; д) наблюдение за периодической печатью, дабы не оставлять ложных сообщений или показания злонамеренных лиц без опровержения и е) сведения о потерях и отобранных у противника трофеях»¹.

С введением на фронте полевых почтово-телеграфных контор военно-цензурному отделению штаба Сибирской армии была поставлена задача осуществления общего руководства цензурированием писем, телеграмм и посылок, проходивших через все полевые и главную конторы армии. Сотрудники отделения должны были следить за работой цензоров на местах и «через их посредство контролировать настроение как армии, так и тыла»².

Организуя управление антибольшевистскими вооруженными силами на востоке России, адмирал А.В. Колчак следующим образом разграничил полномочия Ставки и военного министерства: «действующая армия с территорией по Иртыш подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба Верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша — военному министру»³. С ноября 1918 до конца февраля 1919 г. в структуре Главного штаба (начальник — генерал-майор В.И. Марковский) было создано несколько подразделений,

¹ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 288. Л. 32.

² Там же.

³ Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С. 54.

деятельность которых относилась к сфере осведомления и политической пропаганды.

Рис. 2. Подразделения осведомления и политической пропаганды Главного штаба (февраль – март 1919 г.).

В конце 1918 г. при Главном штабе начинается формирование отделения по внешкольному образованию в войсках. По сообщению газеты «Русская армия», его задачи заключались в следующем: 1) заполнить отдых солдат «разумными развлечениями»; 2) «развить в нем (т. е. в солдате. — Д.Ш.) понимание прекрасного вообще», что, по мнению организаторов, «несомненно, должно отразиться на его моральном уровне»; 3) «пробудить в русском солдате интерес и любовь к национальному русскому искусству, в котором выявляется богатство души русского народа»¹. При этом грамотная и целенаправленная организация культурного досуга должна была, по мнению сотрудников отделения, разбудить в русском солдате «нормальное чувство патриотизма, любви к своему национальному, русскому, особенности и величие которого открывает русское искусство»².

Кадровой основой этого подразделения стали сотрудники внешкольного отделения Главного управления Генерального штаба военного ведомства (начальник — полковник А.П. Слижи-

¹ Русская армия (Омск). 1919. 28 февраля

² Там же.

ков) Самарского Комуча. Отделение входило в состав отдела формирований и непосредственно подчинялось начальнику строевой части, 1 августа 1918 г. было утверждено его штатное расписание¹. В это время в отделении работало всего четыре человека, но, несмотря на такой кадровый дефицит, его сотрудники развернули активную культурно-просветительную работу в войсках.

Перевод отделения в Омск вызвал ряд трудностей, связанных с расширением штатного состава, поиском подходящего для работы помещения, отсутствием необходимых наглядных пособий. «Перенесение деятельности в Сибирь, — отмечалось в отчете о работе отделения, — потребовало также значительного времени на установление связи с сибиряками, встретившими работы отделения, как незнакомые, с недоверием и даже недоброжелательством»².

Двенадцатого декабря 1918 г. начальником отделения внешкольного образования и воспитания войск был назначен прапорщик Ф.В. Мелехин, 22 декабря в должности его помощника был утвержден подпоручик А.А. Кармилов³. К маю 1919 г. в составе отделения значилось 15 сотрудников, в том числе восемь инструкторов.

В середине весны 1919 г. в сибирских газетах стали распространяться слухи о том, что военное министерство собирается передать отделение внешкольного образования в войсках в ведение Главного управления военно-учебных заведений, ликвидировав его как самостоятельное учреждение. Доказывая нецелесообразность подобного решения, омская «Наша заря», в частности, писала: «Такое подчинение ненормально. Живая работа в солдатской массе будет вестись через учреждение, не имеющее никакой непосредственной связи с армией, через людей, быть может, опытных педагогов, но работавших в совсем другой области воспитания, в других условиях и с другими заданиями»⁴. Главный штаб, однако, не прислушался к мнению прессы, и к началу мая подчинил отделение Главному управлению военно-учебных заведений военного министерства.

В начале 1919 г. в структуре Главного штаба был создан отдел печати во главе с подполковником Н.Н. Стромилковым. Отдел включал в себя печатное, экспедиционное и хозяйственно-

¹ РГВА. Ф. 39466. Оп.1. Д.12. Л. 59.

² Там же. Л. 61.

³ Там же. Л. 15 об.

⁴ Наша заря. 1919. 27 апреля.

издательское отделения. В это время структура центрального военно-осведомительного аппарата кардинальным образом перестраивается. 20 января генерал-майор Д.А. Лебедев подписал приказ о создании при штабе Верховного главнокомандующего нового пропагандистского органа — Особой канцелярии (Осканверха)¹, в связи с чем информационный отдел Ставки расформировывался. Редакция газеты «Русская армия» передавалась в состав отдела печати Главного штаба. Приказом генерала В.И. Марковского от 1 февраля ротмистр С.А. Скрябин был отстранен от должности редактора и переведен в отдел Генерального штаба. В тот же день новым редактором «Русской армии» был назначен делопроизводитель 1-го отделения отдела личного состава Главного штаба подполковник Ю.С. Геркен. По распоряжению начальника Главного штаба с целью «документальной поверки сумм, дел, документов, имущества и инвентаря редакции газеты „Русская армия“ и ее типографии» создается специальная комиссия под руководством подполковника Н.К. Павловского.

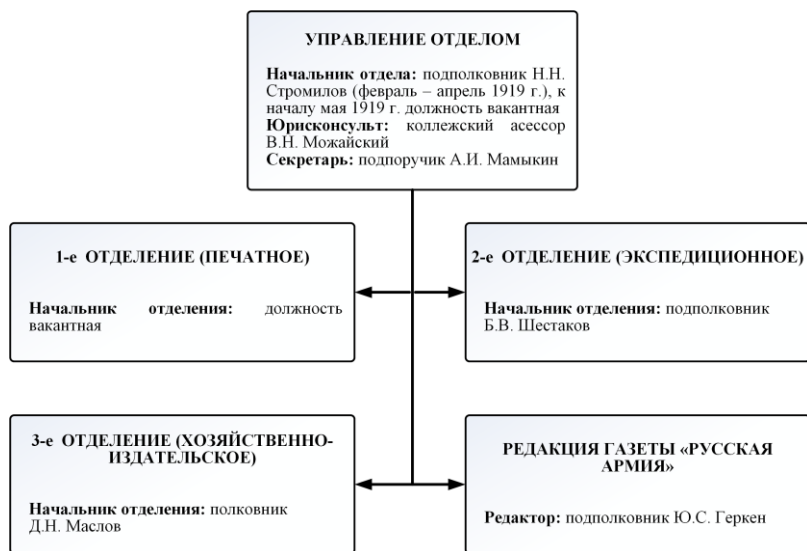

Рис. 3. Схема организации отдела печати Главного штаба (февраль–март 1919 г.).

¹ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 85 от 20 января 1919 г. (Научная библиотека Томского государственного университета — далее НБ ТГУ).

Двадцать шестого февраля 1919 г. были утверждены временные штаты Главного штаба, включавшие в себя несколько новых структурных подразделения. Одним из таких подразделений был осведомительный отдел (освеглавштаб)¹. Первоначально в состав отдела входили четыре отделения: контрразведывательное (центральная часть контрразведки), цензурно-контрольное, информационное и разведывательное (военно-статистическое). С февраля осведомительный отдел возглавил полковник Генерального штаба Л.А. Текелин (Гакенберг), до этого руководивший мобилизационным отделом Главного штаба.

Как и в случае с другими осведомительными подразделениями, формирование отдела шло с трудом. «К великому огорчению, — говорилось в рапорте полковника Л.А. Текелина, направленном 2 марта помощнику начальника Главного штаба, — при формировании осведомительного отдела я встречаю массу препятствий, что подрывает веру в возможность что-либо сделать при данной обстановке. Так, до сих пор никак нельзя остановиться на определенной схеме организации, не освобождаются необходимые для отдела помещения, не снабжают необходимой обстановкой и не отпускают авансы на приобретение ее, приглашенные с Вашего разрешения служащие не уверены, что они получают содержание за март месяц, и многие, давшие ранее согласие, уходят на службу в другие учреждения и, наконец, непосредственные доклады безответственных лиц моим начальникам в области дел, порученных вверенному мне осведомительному отделу, ставят меня в затруднительное положение»². Все это, по мнению Л.А. Текелина, «бодрит врагов порядка, и они собираются напрячь все силы, не брезгуя средствами, чтобы затормозить организацию необходимых государству органов управления на неопределенное время»³.

Только 22 марта 1919 г. руководитель осведомительного отдела направил рапорт своему непосредственному начальнику, в котором сообщал о том, что вверенное ему подразделение Главного штаба «можно считать окончательно сформированным»⁴. К этому времени были одобрены штаты отдела, разработаны временные положения о

¹ Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015. С. 51.

² РГВА. Ф. 39466. Оп. 1. Д. 51. Л. 76 об.

³ Там же. Л. 76–77.

⁴ Там же. Л. 31.

военной контрразведке, о правах и обязанностях чинов военной контрразведки, инструкции для главного цензурно-контрольного бюро, подготовлены и представлены примерные сметы и перечень секретных расходов. «Информационное отделение, — говорилось в рапорте, — при полном отсутствии технических средств приступило к составлению ежедневных обзоров печати».

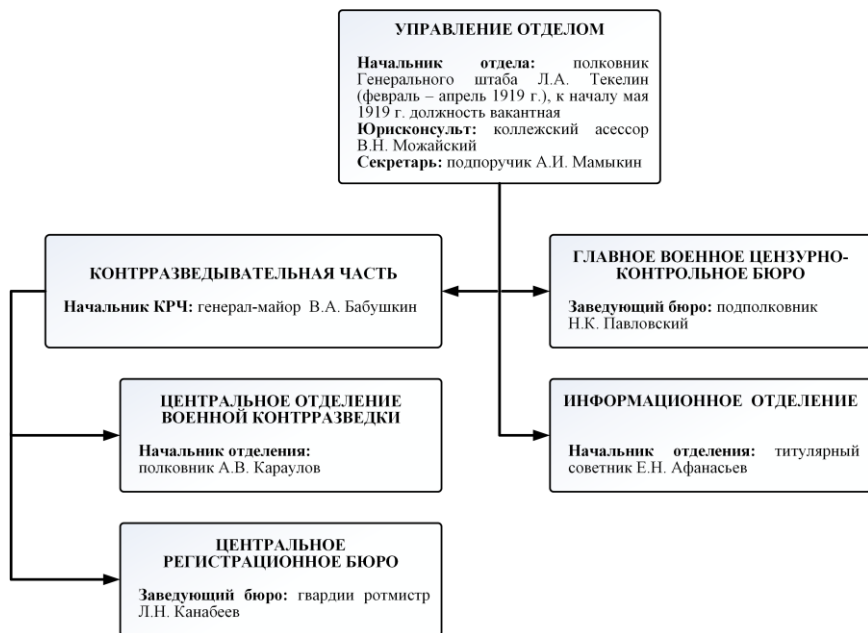

Рис. 4. Схема организации осведомительного отдела Главного штаба (февраль – март 1919 г.).

Как отмечалось выше, в конце января 1919 г. в структуре Ставки была создана Особая канцелярия. Осканверх состоял из четырех отделений: общего, цензурного, осведомительного и политических сношений¹. Штат новой организации предусматривал 18 сотрудников, в том числе 13 офицеров. На организационные расходы первоначально отпускалось 5 тыс. рублей и, кроме того, «натурой 3 пишущие машинки или деньгами их стоимость»².

¹ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 85 от 20 января 1919 г. (НБ ТГУ).

² Там же.

Для издания агитационной литературы Осканверху дополнительным приказом на первые три месяца выделялось 120 тыс. рублей¹. Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 85 от 20 января 1919 г. руководителем Особой канцелярии временно, с 1 января, был назначен штабс-капитан П.Н. Зубов. Должность начальника Осканверха по окладу содержания приравнялась к начальнику дивизии. В своем первом приказе по вверенному ему подразделению штабс-капитан П.Н. Зубов выразил уверенность «в энергичном содействии моих сотрудников и готовности приложить все свои силы и знания к созидательной работе на благо Единой, Великой, Могущественной России и возрождающейся Русской армии»².

Двадцать пятого февраля 1919 г. П.Н. Зубовым был подписан приказ о первых назначениях штатных сотрудников Осканверха. Начальником общего отделения стал бывший старший делопроизводитель Временного Главного управления Красного креста барон А.П. Шлиппенбах, цензурного — бывший помощник начальника штаба 2-й стрелковой дивизии капитан Г.В. Ставров, осведомительного — причисленный к министерству народного просвещения коллежский советник В.Г. Янчевецкий, политических сношений — ранее состоявший в распоряжении коменданта Омска ротмистр гвардейской кавалерии С.М. Толстой-Милославский.

В Омске Особая канцелярия штаба Верховного главнокомандующего располагалась в двух зданиях. Цензурное и осведомительное отделения продолжали оставаться на Костельной улице в доме Липатникова, занимая две комнаты на первом и втором этажах. Два же других отделения 1 февраля переехали в здание Общественного собрания на углу Новой и Дворцовой улиц. Там же расположился и начальник Осканверха штабс-капитан П.Н. Зубов.

Позднее, 13 апреля 1919 г., приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего ранее утвержденный штат Осканверха был пересмотрен. Количество сотрудников было увеличено до 28 человек (из них 17 — офицеры)³.

¹ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 293 от 16 апреля 1919 г. (НБ ТГУ).

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

³ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 326 от 13 апреля 1919 г. (НБ ТГУ).

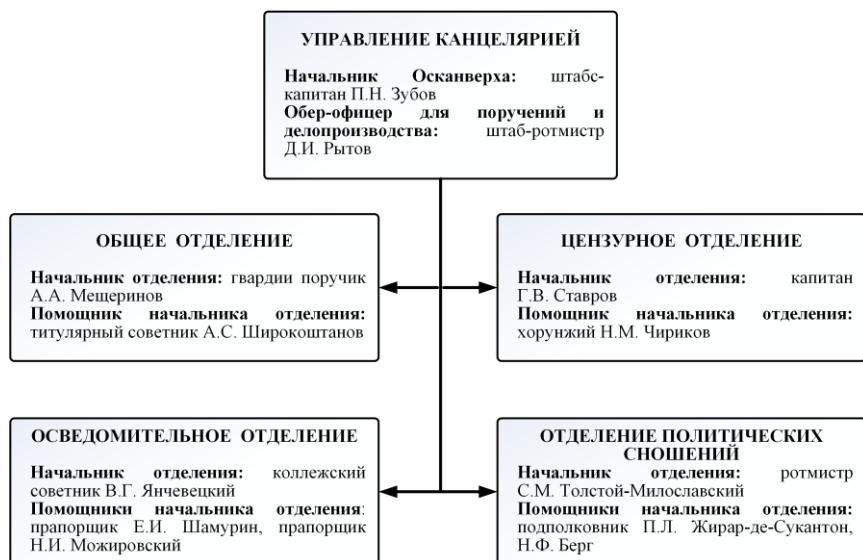

Рис. 5. Схема организации Особой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего (май 1919 г.).

В начале весны произошла новая реорганизация местного осведомительного аппарата. 9 марта 1919 г. агитационные отделы армий были преобразованы в Особые канцелярии армий (осканармы), на организацию каждой из которых предполагалось выделить 10 тыс. рублей. Они создавались с целью «организованного осведомления действующей армии, для пропаганды в ее рядах здоровых государственных идей, а также для распространения среди красноармейцев нашей (т. е. антибольшевистской. – *Д.Ш.*) литературы».

Приложенная к приказу инструкция конкретизировала обязанности осканармов: а) Распространять в своей армии все то, что посылается Особой канцелярией при штабе Верховного главнокомандующего (Осканверх); б) освещать все вопросы, так или иначе волнующие действующую армию, изданием газет для фронта и ближайшего тыла и выпуском брошюр, листовок и телеграмм; в) в важные политические моменты для борьбы с ложными слухами информировать части действующей армии путем посылки в толщу ее лиц для правильного освещения событий; г) посылки в части армии, до рот включительно, лекторов; д) борьба

с большевистскими идеями, распространяемыми на территории действующей армии; е) иллюстрации проводимых Осканармом идей посредством кинематографа; ж) посылки агитаторов в действующую армию Советской России с целью разложения ее; з) распространение прокламаций на территории Советской России»¹.

Кроме того, еще до «организации гражданскими властями органов осведомления жителей территории, занятой колчаковскими войсками», в обязанности Осканарма входило «распространение правильной политической ориентировки среди гражданского населения прифронтовой полосы». Особая канцелярия армии могла иметь собственную типографию и походный кинематограф. Она состояла из пяти человек (три офицера, два вольнонаемных писаря) и подчинялась генерал-квартирмейстеру армии. По отношению к нему канцелярия являлась «органом, собирающим и систематизирующим сведения» о моральном состоянии и политических настроениях как своих, так и советских войск. Помимо этого, в задачу Осканарма входило «подготавливать благоприятное политическое настроение своих войск в предвидении боевых операций».

По линии военной пропаганды («для урегулирования своей деятельности в освещении политических вопросов») работу осканармов курировал Осканверх, для связи с которым использовались специальные курьеры².

Смена на государственном уровне самой модели осведомительной работы скорректировала и круг решаемых информационно-пропагандистскими учреждениями задач. При этом основная схема работы — «одновременная и параллельная работа в двух направлениях: информации правительственной (от центра к периферии) и информации общественной (от периферии к центру)»³, предложенная в свое время Г.А. Вяткиным, — оставалась неизменной. Целевые аудитории, на которые была направлена деятельность центрального осведомительного аппарата государственных образований востока России, показаны на схеме.

¹ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 191 от 9 марта 1919 г. (НБ ТГУ).

² Там же.

³ ГА РФ. Ф.Р-952. Оп. 2. Д. 1. Л. 43.

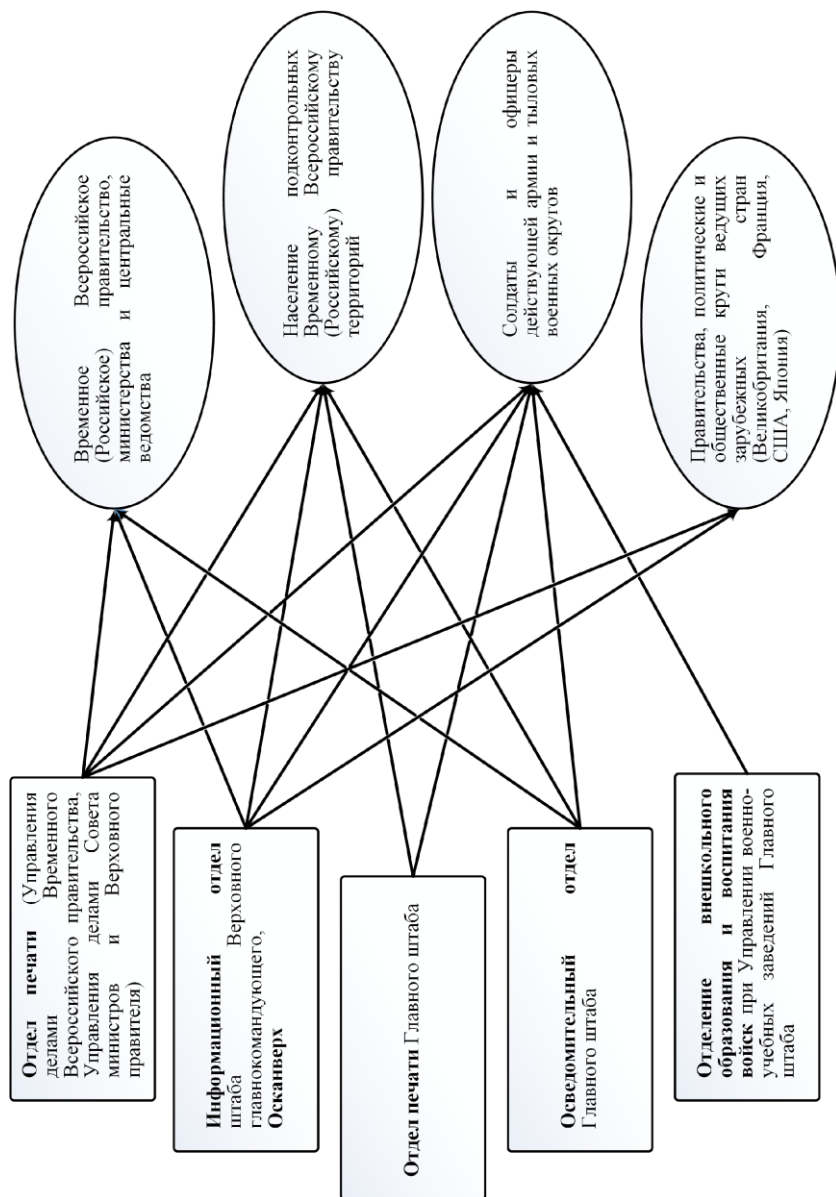

Рис. 6. Целевая аудитория правительственных органов осведомления и политической пропаганды (осень 1918 – весна 1919 г.).

Ключевыми направлениями их деятельности в этот период стали «правильно поставленная информация» населения подконтрольных антибольшевистским государственным образованиям территорий, правительственных и общественных кругов крупнейших зарубежных стран (Великобритания, Франция, США и Япония), осведомление Верховного правителя, Совета министров, руководства всех центральных ведомств о ситуации в стране и за рубежом, культурно-просветительная и воспитательная работа в армии. Распределение функций между отдельными структурными подразделениями представлено на схеме.

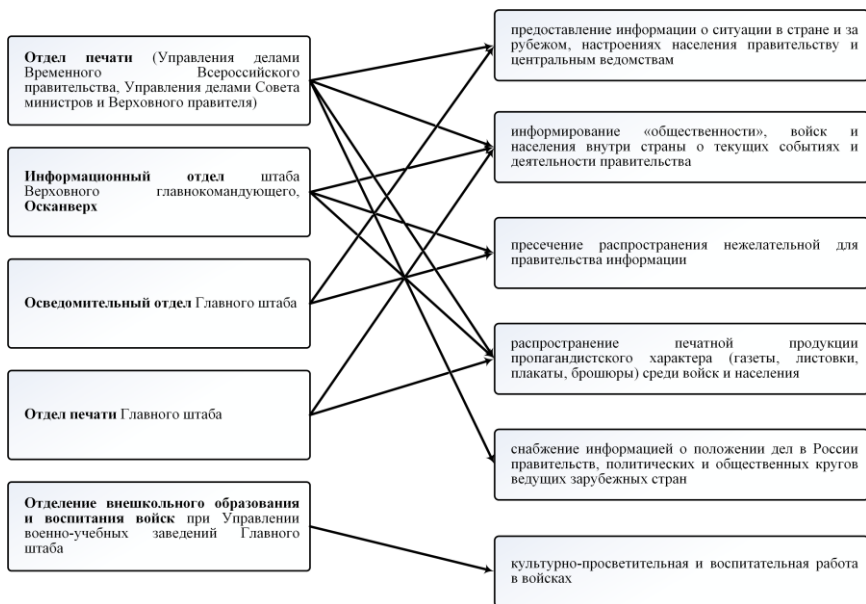

Рис. 7. Функции правительственных органов осведомления и политической пропаганды (осень 1918 – весна 1919 г.)

Принципиально новым направлением стала культурно-просветительная работа в войсках, прежде всего в тыловых округах, осуществляемая централизованно отделением внешкольного образования и воспитания Главного штаба. Характерно, что с установлением на территории Урала, Сибири и Дальнего Востока власти антибольшевистских правительств в периодической печати неоднократно поднимался вопрос о чрезвычайно низком по-

литическом, образовательном и культурном уровне подавляющей части населения. Так, по мнению томской «Нашей мысли», успеху большевистской пропаганды и, в конечном итоге, октябрьского переворота в немалой степени способствовала «беспросветная темнота народных масс, которым примитивные по своей сущности идеи социализма, да еще обработанные на русский манер, оказались весьма понятными»¹. «Революция обнаружила у народных масс отсутствие воспитания, уважения к благам культуры, — указывала другая кадетская газета, — больше того: она открыла в них непонимание и равнодушие к интересам общественным и государственным, и потому народные массы, подстрекаемые „матросами“ революции, встали на путь истребления народного же достояния, народных средств и сил»².

Выход из создавшегося положения виделся в развитии народного образования, «просвещении всех тех, кому грозит опасность подпасть влиянию демагогов»³. Однако в условиях Гражданской войны организация на государственном уровне внешкольного образования и культурно-просветительной работы, которые охватывали бы широкие слои населения, оказались для антибольшевистских правительств востока России задачей невыполнимой. Исключение составила культурно-просветительная работа в действующей армии и тыловых округах. «В работу по созданию армии, — писала в декабре 1918 г. „Русская армия“, — краеугольным камнем входит вопрос морального воспитания воина как гражданина, так и солдата. Здоровые начала патриотизма, рыцарского самопожертвования и благородства должны составлять основу всей воинской психологии. Которая и явится реальным стимулом в борьбе за воссоздание России»⁴. Правда, вплоть до конца 1918 г. как самостоятельное, централизованно управляемое направление политической пропаганды эта работа находилась лишь на стадии обсуждения.

В то же время потребность в мерах культурно-воспитательного характера ощущалась командным составом белых армий на низовом уровне. Начиная с осени 1918 г., офицеры ряда частей с целью «духовного развития солдата» проводили беседы, устраивали спектакли, литературные вечера, проводили корпусные, полковые и

¹ Наша мысль (Томск). 1918. 8 июля.

² Сибирская речь (Омск). 1918. 27 июня.

³ Наша мысль. 1918. 30 июня.

⁴ Русская армия. 1918. 22 декабря.

ротные праздники, организовывали солдатские клубы и культурно-просветительные кружки. Так, уже осенью 1918 г. в 6-м Степном кадровом полку, расквартированном в Тюмени, был организован солдатский клуб. Инициатива создания такой «культурной ячейки» принадлежала командиру полка полковнику Троицкому, который, по словам корреспондента «Русской армии» поручика Степанова, решил создать «такой очаг, где бы солдаты могли, чувствуя себя в родной полковой обстановке, проводить свободное от занятий время с пользой и разумно, не предаваясь пьянству и разврату»¹.

Серьезной преградой, как это уже не раз случалось, стало отсутствие подходящего помещения. «Бесчисленные препятствия к созданию клуба, — писал Степанов, — не остановили энергичных инициаторов. Благодаря колоссальным усилиям и хлопотам было получено помещение для клуба, представлявшее из себя полуразвалившийся жилой дом, предназначенный городской управой к сломке. При участии молодых солдат полка в течение трех недель дом сделался неузнаваемым. Вместо полуразвалившихся комнат выросла сцена и зрительный зал». Группа была организована из артистов местного театра. Репертуар составила в основном русская классика — произведения А.П. Чехова и А.Н. Островского. При клубе действовали парикмахерская и буфет, в котором за «дешевую цену солдат может получить хорошие и свежие кушанья». «Благодаря распорядительности и умелой постановке хозяйственной части при клубе существует образцовая булочная и колбасная. Первая выпекает до 40 пудов хлеба ежедневно или 1500 французских булок. Таким образом, солдаты 6-го полка имеют возможность получить ежедневно французские булки и колбасу по дешевой цене». В дальнейшем планировалось организовать при клубе школу грамоты и библиотеку².

«Все помещения этого полка, — писала „Русская армия“ о подобном начинании в другой части — 1-м Сибирском казачьем Ермака Тимофеева полку, — совместными усилиями господ офицеров и казаков украшены хвойными гирляндами, флагами и разноцветными бумажными кружевами. В обширной роскошно декорированной зале устроена эстрада и сцена». С нового года в части «ведутся беседы религиозно-нравственного и исторического

¹ Русская армия. 1918. 22 декабря.

² Там же.

содержания по текущему моменту, по гражданскому воспитанию и политическому образованию, по естествоведению, медицине и сельскому хозяйству». В полку устраивались также спектакли, литературные вечера с «общим пением, музыкой и танцами». При этом актерами и «вообще действующими лицами как по убранству комнат, так и по устройству спектаклей и вечеров» являлись сами казаки¹.

В ряде частей — 1-м Югославском, 40-м Верхне-Услонском, 2-м Сибирском стрелковых полках — офицеры организовали для солдат с «целью заполнения их досуга разумными развлечениями» культурно-просветительные кружки². Во 2-м Сибирском стрелковом полку силами кружка была поставлена «злободневная пьеса» местного автора Н.И. Суханова «Ледоход», посвященная русскому офицерству. В Новониколаевске активно действовал культурно-просветительный кружок при управлении санитарной части бывшей Северной группы, имевший целью «устройство разумных развлечений для войск и широких кругов населения»³.

Только с 8 по 26 января 1919 г. силами кружка было поставлено восемь спектаклей и устроено два концерта, на которых зрителям бесплатно раздавались «Военные ведомости». Кроме того, кружок по мере возможности снабжал этой газетой военные части и издавал листовки для солдат⁴.

Периодическая печать приветствовала и всячески пропагандировала такого рода «культурные начинания», подчеркивая их положительную роль в снятии напряжения во взаимоотношениях между офицерским и рядовым составом армии. «Солдаты охотно идут в свой клуб, — писал поручик Степанов, — где они себя чувствуют хозяевами, посещают его и офицеры, и там, в родной полковой обстановке, незаметно тает лед между солдатами и офицерами, уступая место братским отношениям, основанным на чувстве уважения и взаимного доверия... Хорошо то, что ни одного типичного объявления, вроде „не бросать окурков на пол“, „не плевать“ и т. п. я не видел, а между тем в клубе царит образцовая чистота и порядок, которые поддерживаются самими солдатами»⁵.

¹ Русская армия. 1919. 11 февраля.

² Правительственный вестник (Омск). 1919. 7 января; Военные ведомости (Новониколаевск). 1919. 30 января.

³ Военные ведомости. 1918. 27 декабря.

⁴ Там же.

⁵ Русская армия. 1918. 22 декабря.

Кроме того, подчеркивалось благотворное влияние такой работы на солдат. «С какой любовью, с каким сосредоточенным вниманием они слушают беседы, — писал о военнослужащих 1-го Сибирского казачьего полка К. Маркович, — являются на вечера, несмотря часто на свою усталость». Был в таких начинаниях офицеров и еще один очень важный аспект, подмеченный поручиком Степановым: «Солдаты видят и чувствуют, что о них заботятся, и жизнь казармы скрашивается»¹.

В некоторых случаях культурно-просветительная работа в армии насаждалась сверху, приказами вышестоящего начальства. Так, начальник красноярского гарнизона полковник М.И. Федорович 18 ноября 1918 г. издал специальный приказ. «В момент создания новой армии, опираясь на вековой опыт всех стран, — говорилось в нем, — необходимо в основу этого созидания заложить твердый фундамент железной дисциплины. Но средств и способов прежних сейчас недостаточно. Помимо полевых судов и страха наказания, необходим во всем личный пример руководителей, а затем, в первую голову, нужно поставить меры культурного воздействия — духовное развитие солдата... Для того, чтобы оживить душу солдата и заставить его полюбить родину, нужно познакомить его с ней»².

М.И. Федорович обязал офицеров гарнизона не менее одного — двух раз в месяц проводить «краткие, самые популярные, доступные пониманию» беседы с солдатами, знакомя их с отечественной историей, географией, этнографией и литературой. Беседы рекомендовалось сопровождать «туманными картинками» при помощи доступного проекционного аппарата того времени — волшебного фонаря. «Я убежден, — заключал начальник гарнизона, — что среди офицеров гарнизона найдутся люди с высшим и достаточным средним образованием, способные в краткой, но яркой и образной речи передать ему все эти несложные знания и таким путем пробудить его ум, оживить душу и заронить искру любви к своей родине. Мы видели, к чему привела темнота народа, нельзя терять ни минуты; офицеры должны вести к свету своего младшего брата — солдата возрождающейся русской армии и вновь ее сделать по-старому могучей и непобедимой, угрозой врагов и оплотом союзников»³.

¹ Русская армия. 1918. 22 декабря.

² Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 21 (8) ноября.

³ Там же.

Кроме того, к воспитанию солдат М.И. Федорович также пытался привлечь культурно-просветительные организации Красноярска (географическое общество, народный университет и т. д.).

В декабре 1918 г. в культурно-просветительную работу в тыловых частях включилось отделение внешкольного образования Главного штаба. Определенный опыт такого рода деятельности у сотрудников отделения уже имелся. В Народной армии Самарского Комуча ими были «оборудованы солдатские клубы, ставились спектакли, концерты, читались лекции, демонстрировались выставки, велись беседы по истории и русской культуре, по мироведению с демонстрацией наглядных пособий, были организованы хоры, струнные оркестры, устраивались спортивные игры, организованы библиотеки». Непосредственно на местах культурно-просветительная работа осуществлялась полковыми инструкторами, для которых были подготовлены программа и инструкции, напечатаны соответствующие методические пособия и бланки для еженедельных отчетов. Сотрудники отделения разработали руководство по организации внешкольной культурно-просветительной работы в войсках, а также дополнения для устава внутренней службы, относившиеся к обязанностям начальников по «препровождению свободного времени в казармах», приступили к организации краткосрочных курсов для подготовки офицеров к такого рода деятельности.

Для работы в тыловых гарнизонах отделение привлекло около ста артистов различных жанров, до двухсот лекторов (включая профессоров только что открывшегося Самарского университета), спортсменов Самарского яхт-клуба, приступило к комплектованию передвижных библиотек, формировало солдатский театр и концертную труппу. Своеобразной вершиной деятельности внешкольного отделения в Самаре стало проведение 8 сентября 1918 г. «Дня просвещения в армии». Для этой акции «были привлечены все местные артистические силы во всех театрах, садах, цирке, на площадке яхт-клуба, в зале консерватории, Народном доме, словом всюду, где было можно устроить спектакли, гуляния, празднества, лотереи, спортивные состязания». К тому же организаторы выпустили однодневную газета «Утро казармы». Чистый доход от проведенного мероприятия составил 53 тыс. рублей¹.

¹ РГВА. Ф. 39466. Оп.1. Д.12. Л. 59–59 об.

Перебравшись в Омск, отделение начало свою работу с публикации объявления о приобретении самого необходимого инвентаря и оборудования: кинематографических аппаратов и принадлежностей к ним, проекционных («волшебных») фонарей, экранов, фильмов и диапозитивов, граммофонов и пластинок к ним, музыкальных инструментов, географических карт, диаграмм и других наглядных пособий, нот, книг и журналов, театральных принадлежностей (декораций, костюмов, грима)¹.

Первого января 1919 г. отделение по внешкольному образованию в войсках организовало в Омске сбор средств для усиления культурно-просветительной работы среди военнослужащих. «В этот день, — писал „Правительственный вестник“, — в увеселительных местах и ресторанах будут повышены цены, причем разница будет отчислена на указанные цели. Необходимо отметить, что почти все владельцы ресторанов, кинематографов и увеселительных мест ответили на призыв помочь делу сбора отчислением от своего дневного дохода от 25 до 75 %. Вообще полное сочувствие всего населения задачам отделения заставляет надеяться, что день сбора пройдет с тем успехом, который так необходим для проведения в жизнь ближайших задач культурно-просветительной работы в армии»².

Все это — и публикация объявления и сбор пожертвований — говорило о том, что отделение начало свою работу фактически на пустом месте, без необходимых средств и оборудования. Такие меры отражали также первоначальные взгляды военного командования на организацию культурно-просветительной работы: максимально возможная экономия казенных средств. Культурно-просветительные кружки, солдатские клубы, театры и библиотеки предполагалось создавать на общественных началах. Правда, незначительные необходимые ассигнования поступали от ряда крупных коммерческих объединений и кооперативов, отчислявших часть своих прибылей на «культурно-просветительные нужды армии». Для этой же цели устраивались сборы пожертвований, благотворительные спектакли, концерты и лекции.

Тринадцатого февраля 1919 г. в служебную командировку для сбора средств на «усиление фонда культурно-просветительной деятельности в войсках» в города Барнаул, Бийск, Новониколаевск и

¹ Правительственный вестник. 1918. 24 декабря.

² Правительственный вестник. 1919. 1 января.

Томск были направлены инструктор отделения внешкольного образования Главного штаба поручик Степанов и заведующий технической частью прапорщик Москалев. 17 февраля с той же целью в Барабинск и Каинск командируется подпоручик Соловьев¹. Весной 1919 г. отделение организовало сбор средств по подписке. «К вам, граждане, в лице нашем, — говорилось в его воззвании, — обращается русская армия, алчущая и жаждущая духовной пищи — просвещения, культуры, знания. Стоящие на страже общегосударственных интересов, защищающие всех нас от произвола и насилия — воины наши — это наши молодые народные силы, оторванные от семей, от обычных условий жизни ради выполнения своего долга перед страной — воинского долга. Наш же долг обязывает нас оказать всякое содействие тому, чтобы за время пребывания в армии граждане-солдаты не исключались из участия в культурной эволюции страны»². Тем не менее, полученных средств для ведения культурно-просветительной работы в намеченном объеме было недостаточно.

«В методах своей деятельности, — отмечала газета „Русская армия“, — отделение руководствуется старой русской пословицей: „Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать“. И поэтому вся его работа основана на принципах наглядности»³.

В Омске для вокального сопровождения устраиваемых в гарнизонных частях музыкальных вечеров и концертов был создан любительский певческий хор. Одновременно отделение внешкольного образования организовало регентско-певческие курсы, готовившее «специалистов по управлению хорами в частях войск». При отделении действовала художественно-драматическая студия, в задачу которой входила подготовка офицеров в качестве «руководителей рациональных художественных постановок спектаклей на местах» при условии прохождения полного курса обучения по всем отраслям театрального дела. В гарнизонном собрании сотрудники отделения организовали для солдат ряд музыкальных вечеров и спектаклей, в которых приняли участие «специальные сотрудники из известных работников столичных театров и студий»⁴.

¹ РГВА. Ф. 39466. Оп.1. Д.15. Л. 67.

² Сибирские стрелки. 1919. 3 апреля.

³ Русская армия. 1919. 28 февраля.

⁴ РГВА. Ф. 39466. Оп.1. Д.12. Л. 60 об.

Художественные инсценировки перевоплощали музыку и песни в живые наглядные образы, как это произошло с «Призывом весны» композитора А.Т. Гречанинова. «Открывается занавес и слушатель одновременно должен стать зрителем. Перед ним чарующая картина русской летней природы, залитой жаркими лучами солнца старого бога Ярилы. И на фоне этой декоративно-выдержанной картины группа поклонников бога шлет ему свои мольбы». Сходным образом, в виде художественных лубков, инсценировались и другие музыкальные произведения. «Русский солдат, — считали организаторы подобных мероприятий, — получая подобную эстетическую пищу в часы своего досуга, который зачастую убивается совершенно непроизводительно, может получить много пользы от соприкосновения со своим русским искусством, будучи ознакомлен с которым одновременно и в доступной, и в художественной форме, несомненно, научится его и любить и ценить»¹.

Со временем в гарнизонах тыловых и внутренних округов была развернута целая сеть местных отделений. Одним из первых отдел внешкольного образования и воспитания появился в Томске. Его усилиями были открыты гарнизонный театр, лекционная аудитория, устроены чайная и кинематограф². Кроме того, отдел издал однодневную газету «Возрождающаяся Россия». В апреле 1919 г. по инициативе Главного штаба и морского министерства местный филиал отделения открылся в Перми при главной базе речной флотилии³.

Второго мая 1919 г. отдел внешкольного образования был учрежден в Новониколаевске. «Придавая большое значение культурно-просветительной работе как одному из могучих воспитательных средств в деле разумного заполнения досуга офицеров и солдат и считая, что дело внешкольного образования и воспитания войск должно быть поставлено на надлежащую высоту, — говорилось в приказе начальника Новониколаевского гарнизона полковника Федорова, — нахожу необходимым создать гарнизонный отдел по внешкольному образованию и воспитанию войск, который будет вести всю культурно-просветительную работу в гарнизоне»⁴. Формирование отдела возлагалось на его начальника

¹ Русская армия. 1919. 28 февраля.

² Русская армия. 1919. 3 июня.

³ Сибирские стрелки (Пермь). 1919. 28 апреля.

⁴ Военные ведомости. 1919. 4 мая.

— статского советника Кривоносова. Его помощниками были назначены штабс-капитан Петров и коллежский регистратор Климович. К лету 1919 г. подобные отделы (отделения, секции) существовали во всех крупных сибирских гарнизонах.

Подведем итоги. Начиная с осени 1918 и вплоть до весны 1919 г. масштабы проводимой антибольшевистскими правительствами востока России осведомительной работы значительно выросли, сеть центральных и местных информационно-пропагандистских учреждений расширилась. При этом осведомление и политическая пропаганда как особое направление внутренней политики находились исключительно в ведении государства. Руководство осведомительной работой в этот период было сосредоточено непосредственно в центральном аппарате правительства (Управление делами Временного Всероссийского правительства, Управления делами Совета министров и Верховного правителя), штабе Верховного главнокомандующего и Главном штабе военного министерства. Информационные подразделения отдельных министерств были ликвидированы, а их сотрудники включены в правительственный Отдел печати. Всего с конца сентября 1918 до начала мая 1919 г. существовало шесть центральных учреждений осведомления и политической пропаганды, из них пять — в структуре военного ведомства. Все они, за одним исключением, являлись учреждениями специализированными и узкопрофильными. Лишь осведомительный отдел Главного штаба сочетал в своей деятельности решение информационно-пропагандистских, разведывательных и контрразведывательных задач.

Организация центрального осведомительного аппарата отражала и основную тенденцию государственного строительства — стремление к всероссийскому масштабу при формировании министерств и ведомств. Стремление к «немедленному развертыванию государственных учреждений в общероссийском масштабе» хорошо видно на примере правительственного Отдела печати. Если в середине ноября 1918 г. в нем значилось 40 сотрудников, то штатное расписание, подготовленное в конце декабря, предусматривало уже 103 вакансии. Аналогичная тенденция была характерна и для других осведомительных органов.

«Для громоздкого аппарата в 15 министерств и нескольких десятков подсобных к ним учреждений, естественно, понадобились обширные специальные помещения, значительные финансовые средства». В итоге, по справедливому замечанию публици-

ста Анатолия Гана (А.Я. Гутман), значительную часть беженцев вместо отправки на фронт «разместили в многочисленных правительственных канцеляриях на спокойное и сытное дело», «худшие элементы военных и военнообязанных находили убежище в этих канцеляриях, как „незаменимые специалисты“»¹. В то же время ощущался дефицит в опытных, квалифицированных руководителях информационно-пропагандистских подразделений. К началу мая были вакантными должности начальников осведомительного отдела, отдела печати и отделения внешкольного образования Главного штаба.

Таким образом, в рассматриваемый период Российскому правительству методом проб и ошибок удалось сформировать вполне работоспособный и адекватный сложившимся условиям информационно-пропагандистский аппарат. Произошло это, невзирая на позднее осознание белыми роли пропаганды в военно-политической борьбе. Проблема заключалась не в этом. Даже к весне 1919 гг. ни политическое руководство востока страны, ни высшее военное командование, ни руководители осведомительных учреждений не разработали сколько-нибудь четкой концепции государственной пропаганды. Кроме того, в отношении развития информационно-пропагандистских служб у военных и политических кругов контрреволюции на востоке России отсутствовал системный подход. В итоге штатное расписание формируемых осведомительных органов длительное время находилось в состоянии разработки и утверждения, что порождало их неопределенное положение. Многочисленные реорганизации, характерные для рассматриваемого периода, говорили о поиске оптимальной организационной структуры. Так, правительственный Отдел печати в течение осени 1918 – весны 1919 г. трижды менял штатное расписание, Информационный отдел штаба Верховного главнокомандующего и Оскан-верх за недолгое время своего существования — дважды.

Довольно противоречивым образом решались на этом этапе вопросы финансирования правительственных органов осведомления и политической пропаганды. С одной стороны, речь шла о максимальной экономии государственных средств. «Нет сомнения в том, что в будущем все расходы на нужды просвещения армии

¹ Ган А. Организация Омской власти // Часовой (Париж). 1934. № 137–138. С. 28–29.

будут относиться за счет государственной казны, — писала по этому поводу „Русская армия“, — но сейчас, когда наш военный бюджет отягощен исключительно материальными нуждами армии, когда армия нуждается во всем — желательно не обременять его ассигнованиями на культурно-просветительное дело, близкое всему народу и, надо думать, этот призыв к общественной поддержке этого дела вызовет полное сочувствие здоровых элементов населения»¹. С другой, — и эта линия в конечном счете возобладала — государственное финансирование увеличилось. Это также хорошо иллюстрирует ситуация с правительственным Отделом печати: по смете, представленной в конце октября 1918 г., ежемесячно на содержание Отдела печати ВВП планировалось отпускать 106 527,5 рублей, составленная же в конце декабря смета предусматривала расходы уже в размере 200 тыс. рублей.

В целом же влияние информационно-пропагандистского аппарата Российского правительства на формирование общественных настроений на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке продолжало оставаться незначительным. «Важными задачами правительства, — говорилось в одном из подготовленных осведомительным отделом Главного штаба обзоров печати, — являются также усиление информации фронта и организация пресс-бюро как вспомогательного аппарата для самого широкого осведомления населения о планах и способах государственного строительства и национального возрождения России»². Особенно неблагоприятно дело обстояло с деревней. «Гражданское население, преимущественно сельское, местностей, освобождаемых от большевиков, — сообщал в середине мая 1919 г. начальник военно-административного района Западной армии, — остается без должной информации, правильно освещающей положение вещей. Среди крестьян на почве неустойчивого настроения распространяются разные провокационные слухи о событиях на фронте и в тылу»³.

Скандалная же для всех антибольшевистских сил ситуация вокруг организации конференции на Принцевых островах, а также постоянное затягивание признания Омского правительства странами — бывшими союзниками России по Антанте, наглядно демонстрировали откровенную слабость и неэффективность государ-

¹ Русская армия. 1918. 13 декабря.

² ГА РФ. Ф.Р-147. Оп. 8. Д. 5. Л. 16.

³ ГА РФ. Ф.Р-4910. Оп. 1. Д. 7. Л. 19.

ственной пропаганды за рубежом. «Теперь, — указывал в обзоре корреспонденции начальник Главного военного цензурно-контрольного бюро подполковник Н.К. Павловский, — говорится не о том, что у нас почти отсутствует хорошо поставленная за границей информация, а речь уже идет о том, что информация за границей носит для нас злостный характер»¹. Все это говорило о необходимости существенной реорганизации и дальнейшего совершенствования правительственного осведомительного аппарата.

¹ ГА РФ. Ф.Р-147. Оп. 8. Д. 5. Л. 45.

**К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
1-ГО ВОЛЖСКОГО АРМЕЙСКОГО КОРПУСА
ГЕНЕРАЛА В.О. КАППЕЛЯ**

В статье рассматривается история формирования 1-го Волжского армейского корпуса, главного стратегического резерва вооруженных сил адмирала Колчака весной 1919 г. Освещены вопросы, связанные с изменениями организационной структуры корпуса, его командным составом, численностью, комплектованием личным составом и выдвиганием на фронт в начале мая 1919 г. Показано, что выявившаяся низкая боеспособность корпуса связана была не только с объективным фактором — ограниченными сроками его формирования, но прежде всего субъективными обстоятельствами — нерасторопностью командиров и начальников, а также допущенными ими многочисленными просчетами организационного и оперативного характера.

Ключевые слова: гражданская война, армия, корпус, дивизия, бригада, полк, мобилизация, офицеры, солдаты.

Гражданская война является сложным и противоречивым периодом российской истории XX века. Ее исход определялся прежде всего на полях сражений, в силу чего причины поражения Белого движения и победы большевиков в гражданской войне следует искать в том числе через изучение системы военного строительства и организации боевых операций. В период гражданской войны Российская армия адмирала А.В. Колчака наряду с Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина являлась основной военной группировкой антибольшевистского противостояния в масштабах всей страны.

Одной из составных частей колчаковской армии был 1-й Волжский корпус генерала В.О. Каппеля. История формирования этого корпуса нашла отражение в исследованиях советских военных историков Ф.Е. Огородникова¹ и Е.А. Болтина². В современной российской историографии разработку данной темы продолжили А.А. Каревский³, Р.Г. Гагкуев¹, А.А. Петров² и Н.Ю. Бринюк³. Тем

¹ *Огородников Ф.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938. 316 с.

² *Болтин Е.А.* Контрнаступление Южной группы Восточного фронта и разгром Колчака (1919 г.). М., 1949. 136 с.

³ *Каревский А.А.* В.О. Каппель и Народная армия: к истории антибольшевистской

не менее ряд вопросов, связанных с формированием организационной структуры корпуса, его численностью, комплектованием личным составом и выдвижением на фронт требует уточнения или дальнейшего рассмотрения.

Напомним, что летом 1918 г. на востоке России силами войск Чехословацкого корпуса и русских антибольшевистских организаций произошло свержение советской власти. Тогда же оформились два военно-политических центра: Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Самара) и Временное Сибирское правительство (Омск), вооруженные силы которых получили наименования соответственно Народной и Сибирской армий. Боевые операции их частей и соединений координировались и направлялись командованием Чехословацкого корпуса. При этом действующие части Народной армии вошли в состав Поволжского фронта, командующим которым состоял начальник 1-й чехословацкой дивизии полковник С. Чечек.

Двадцатого августа 1918 г. полковник Чечек «для удобства управления» разделил подчиненные ему войска на восемь групп, в том числе Казанскую, Симбирскую, Сызранскую, Хвалынскую, Николаевскую, Уральского войска, Оренбургского войска и Уфимскую. Командующим Симбирской группой был назначен полковник В.О. Каппель, которому также поручалось общее оперативное руководство всем правым флангом Поволжского фронта — боевыми операциями не только Симбирской группы, но и Казанской. Тем же приказом предписывалось организовать временный полевой штаб Симбирской группы и сформировать его применительно к штатам неотдельного корпуса. Должность начальника штаба группы занял капитан Л.Л. Ловцевич⁴.

На смену боевым успехам Народной армии и частей Чехословацкого корпуса в конце августа пришли поражения. 10 сентября красные взяли Казань, 12 сентября — Симбирск, а 7 октября — Самару. Большая часть войск Народной армии, от-

борьбы в Поволжье в 1918 г. // Каппель и каппелевцы. М., 2003. С. 304–447.

¹ Гагкуев Р.Г. Генерал Каппель // Каппель и каппелевцы / Ред. и сост. Р.Г. Гагкуев; изд. 3-е, доп. и перераб. М., 2010. С. 9–127.

² Петров А.А. Генерал-лейтенант В.О. Каппель // Белое движение: исторические портреты. М., 2012. С. 690–727.

³ Бринюк Н.Ю. Военно-политическая деятельность Владимира Оскаровича Каппеля (1883–1920 гг.). Автореферат дис. ...канд. ист. наук. СПб, 2013. 24 с.

⁴ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 60. Л. 1, 4.

ступивших из района названных городов в общем направлении на Уфу, была объединена и реорганизована В.О. Каппелем, продолжавшим занимать должность командующего Симбирской группой Поволжского фронта.

Между тем, 23 сентября 1918 г. на Государственном совещании в Уфе произошло объединение антибольшевистских правительств востока России, в результате чего было образовано Временное Всероссийское правительство. Назначенный Верховным главнокомандующим войсками Директории генерал В.Г. Болдырев в начале октября 1918 г. осуществил реорганизацию оперативного командования и создал Западный фронт в составе трех армейских групп: Самарской, Камской и Екатеринбургской. Причем войска Каппеля, продолжая именоваться группой, вошли в состав Самарской группы генерала С.Н. Войцеховского.

По состоянию на 10 ноября 1918 г. Симбирская группа имела в своем составе *Самарскую отдельную стрелковую бригаду* полковника Вишневого (1-й и 2-й Самарские, 3-й Башкирский и 9-й Ставропольский стрелковые полки, 1-й Самарский отдельный легкий артиллерийский дивизион, Самарская гаубичная 48-линейная батарея, Самарский уланский дивизион с конной батареей, Самарская инженерная рота, команда конных разведчиков, инструкторская пулеметная рота), всего 1405 штыков, 132 шашки, 133 пулемета и 13 орудий; *Казанскую отдельную стрелковую бригаду* полковника А.П. Перхурова (1-й, 2-й, 3-й Казанские и Уржумский стрелковые полки, Партизанский отряд атамана В.Н. Свешникова, конвойный эскадрон, Казанский легкий артиллерийский дивизион, Казанская телеграфная рота), всего 726 штыков, 94 шашки, 39 пулеметов и 10 орудий; *Симбирскую отдельную стрелковую бригаду* полковника К.Т. Подрядчика (Симбирский сводный стрелковый полк, Симбирская легкая батарея, Симбирская гаубичная батарея, 1-й взвод 4-го Симбирского конного полка, Симбирская инженерная рота), всего 749 штыков, 20 пулеметов, четыре орудия. Не входили в состав бригад Польский отряд подполковника К.Ю. Румши (1-й Польский стрелковый имени Т. Костюшко полк, Польский эскадрон, Польская легкая батарея) — 1098 штыков, 45 шашек, 20 пулеметов и два орудия, 1-й батальон русско-чешского добровольческого полка — 465 штыков и 12 пулеметов, Батальон имени Всероссийского учредительного собрания — 404 штыка и 17 пулеметов и Отдельный казачий отряд подъесаула М.Ф. Шеина — 390 шашек и восемь пулеметов. Общая численность личного состава Симбирской группы

составляла около 9,2 тыс. человек, в том числе 1255 офицеров и 7925 солдат. Боевой состав насчитывал 5829 штыков, 661 шашку, 249 пулеметов, 25 легких и четыре тяжелых орудия¹.

В целях ликвидации терминологического противоречия, приказом войскам Самарской группы от 29 ноября 1918 г. «впредь до утверждения Ставкой Верховного главнокомандующего нормальной организации войсковых соединений» Симбирская группа В.О. Каппеля была переименована в Сводный корпус. Штаб корпуса предлагалось содержать по штату неотдельного корпуса, а штабы входивших в состав корпуса отдельных стрелковых бригад — по штатам стрелковых дивизий. Приказом по Сводному корпусу от 13 декабря 1918 г. в связи с отбытием капитана Ловцевича в Омск, в Ставку Верховного главнокомандующего, к исправлению должности начальника штаба корпуса был допущен капитан И.Ф. Ромеров². 15 марта 1919 г. в должность начальника штаба корпуса вступил подполковник С.Н. Барышников. Его предшественник капитан И.Ф. Ромеров был перемещен на пост обер-квартирмейстера штаба. Должности инспектора артиллерии корпуса занимали генерал В.Н. Прибылович, капитан С.В. Кузичев (врид с 26 марта 1919 г.) и полковник А.В. Сущинский (с 21 апреля 1919 г.), корпусного инженера — полковник К.Л. Зигерн-Корн³.

После свержения 18 ноября 1918 г. Временного Всероссийского правительства и провозглашения А.В. Колчака Верховным правителем и Верховным главнокомандующим была проведена новая реорганизация антибольшевистских вооруженных сил, в результате которой 1 января 1919 г. войска подлежавшего упразднению Западного фронта были разделены на две отдельные армии: Западную под командованием генерала М.В. Ханжина и Симбирскую под командованием генерала Р. Гайды.

В конце декабря 1918 г. — начале января 1919 г. корпус Каппеля, вошедший в состав Западной армии, был выведен с фронта в тыл для отдыха и переформирования. Тогда же из списков корпуса были исключены временно прикомандированные к нему части, в том числе Польский отряд, казачий отряд подъяесаула Шеина и 2-й Башкирский стрелковый полк. В совокупности эта убыль составила около четверти прежнего боевого состава корпуса.

¹ РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 66. Л. 309–309 об.

² РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 60. Л. 12, 17.

³ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 62. Л. 107, 127, 156, 159.

Таблица 1

Боевой состав I Волжского армейского корпуса на 10 января 1919 г.*

Наименование частей	Офицеров	Штыков	Сабель	Пулеметов	Орудий	Артиллеристов	Инженерных войск
Отдельная Самарская стр. бригада	66	203	—	17	—	—	—
1-й стрелковый полк	62	171	—	11	—	—	—
2-й стрелковый полк	72	152	—	26	—	—	—
3-й Ставропольский стрелковый полк	46	—	—	—	9	433	—
Отдельный Самарский арт. дивизион	4	—	—	—	4	115	—
Гаубичная батарея	15	—	—	—	—	—	142
Инженерная рота	11	—	31	3	—	—	—
Команда конных разведчиков	476	526	31	57	13	548	142
<i>Всего в бригаде</i>							
Отдельная Казанская стр. бригада	94	88	—	6	—	—	—
1-й Казанский стрелковый полк	114	128	—	13	—	—	—
2-й Казанский стрелковый полк	67	238	—	8	—	—	—
3-й Казанский стрелковый полк	86	124	—	2	—	—	—
4-й Уржумский стрелковый полк	17	—	65	5	—	—	—
Отряд атамана Свешникова	2	—	24	—	—	—	—
Казанский отдельный эскадрон	6	—	—	—	—	—	107
Телеграфная рота	35	—	—	—	10	344	—
Артиллерийский дивизион	421	578	89	34	10	344	107
<i>Всего в бригаде</i>							
Отдельная Симбирская стр. бригада	32	183	—	8	—	—	—
Симбирский сводный полк	43	67	—	4	—	—	—
12-й Бугульминский стрелковый полк	7	—	—	—	2	92	—
2-я Симбирская легкая батарея	3	—	—	—	2	88	—
2-я Симбирская мортирная батарея	7	—	—	—	2	92	—
Взвод 2-й Самарской легкой батареи	92	250	—	12	6	272	—
<i>Всего в бригаде</i>							
Части, не входившие в состав бригад	19	—	69	5	—	—	—
Отдельный самарский конный дивизион	47	—	—	—	4	89	—
Конная батарея при нем	24	—	167	6	—	—	—
Добр. дивизион корнета Фортунатова	3	—	73	—	—	—	—
Самарский гусарский дивизион	30	648	—	—	—	—	—
1-й Русско-чешский полк	18	223	—	—	—	—	—
Батальон им. Учредительного собрания	141	871	309	11	4	89	—
<i>Всего частях</i>							
Итого в корпусе	1130	2225	429	114	33	1253	249

* РГВА. Ф. 39512. Оп. 1. Д. 66. Л. 412.

Общая численность войск, находившихся под командованием Каппеля, явно не соответствовала их корпусной организации (см. таблицу 1). По количеству штыков они скорее соответствова-

ли стрелковому полку штатного состава и явно не дотягивали даже до дивизии. Поэтому в целях оптимизации организационной структуры Сводного корпуса командование Западной армии сначала планировало свести все его пехотные части в один Волжский стрелковый полк трехбатальонного состава (1-й Самарский, 2-й Казанский и 3-й Симбирский), затем решило переформировать его в 8-ю Волжскую стрелковую дивизию в составе Самарского, Казанского, Симбирского и Волжского стрелковых полков¹.

Сам Каппель решительно настаивал на сохранении корпуса. Не имея поддержки у руководства Западной армии, он 1 января 1919 г. отправился в Омск, где сумел приобрести благорасположение адмирала А.В. Колчака. В итоге Колчак 3 января 1919 г. приказал переименовать Сводный корпус в I Волжский армейский, который должен был состоять из трех двухполковых отдельных стрелковых бригад: 1-й Самарской, 2-й Казанской и 3-й Симбирской².

Приказ по корпусу о данном переименовании был подписан 7 января 1919 года³. Однако реорганизация затронула лишь входившие в состав корпуса добровольческие отряды, которые по настоянию Ставки и командования Западной армии были обращены на пополнение его регулярных частей. Так, 13 января 1919 г. Батальон имени Учредительного собрания (без команды конных разведчиков) был передан в Самарскую отдельную стрелковую бригаду, второй батальон (4-я, 5-я и 6-я роты) Русско-чешского полка — в Казанскую отдельную стрелковую бригаду, первый батальон (1-я, 2-я и 3-я роты), пулеметная рота, полковой околоток, комендантская команда Русско-чешского полка, а также команда конных разведчиков Батальона имени Учредительного собрания — в Симбирскую отдельную стрелковую бригаду⁴.

С 1 февраля 1919 г. 1-й Волжский армейский корпус был выведен из состава Западной армии и непосредственно подчинен Ставке в качестве резерва Верховного главнокомандующего⁵.

Двадцать седьмого февраля 1919 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего приказал в кратчайший срок укомплектовать и развернуть корпус в составе трех стрелковых дивизий, каждая из которых должна была иметь три стрелковых полка,

¹ Петров А.А. Генерал-лейтенант В.О. Каппель... С. 714.

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 1об.

³ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 14.

⁵ Там же. Л. 38.

егерский батальон, артиллерийский дивизион, отдельную гаубичную (48-линейную) батарею, отдельные конный и инженерный дивизионы, а также ряд вспомогательных частей¹.

В ходе последовавшей реорганизации приказом по корпусу от 11 марта 1919 г. в Казанской дивизии был расформирован 2-й Казанский стрелковый полк, а его личный состав обращен на пополнение других полков дивизии и укомплектование кадровой бригады корпуса. В Симбирской дивизии был образован 11-й Сенгилеевский стрелковый полк. На его формирование передан третий батальон 12-го Бугульминского стрелкового полка (бывший 1-й батальон Русско-чешского полка) и по одной роте (10 офицеров, 100 стрелков) из состава 1-й Самарской и 13-й Казанской дивизий².

Таким образом, в составе корпуса были сформированы:

1-я Самарская стрелковая дивизия под командованием генерала А.С. Имшенецкого (начальник штаба дивизии – подполковник В.О. Шимановский). В состав дивизии входили 1-й Волжский (полковник Б. Бузков), 2-й Самарский (полковник Миронов, затем – полковник В. Калатц) и 3-й Ставропольский (полковник Мельников, с 1 мая – подполковник И.Ф. Ромеров) стрелковые полки, 1-й егерский батальон (капитан М.М. Максимов), инженерный дивизион (капитан Яковлев), 1-й Самарский стрелковый артиллерийский дивизион (временный командующий капитан Шмагайлов, с 22 марта – подполковник Лусунов), отдельная гаубичная батарея и отдельный артиллерийский парк (врид командира – поручик Шлеер). Начальником артиллерии дивизии состоял полковник Прибылович.

3-я Симбирская стрелковая дивизия генерала К.Т. Подрядчика (начальник штаба – подполковник П.К. Гренгаген). В состав дивизии входили 9-й Симбирский (полковник Пугачев), 10-й Бугульминский (полковник Соловьев) и 11-й Сенгилеевский (полковник Я.В. Алышевский) стрелковые полки, 3-й егерский батальон (капитан Бочкарев), конный дивизион (поручик Ульянов), инженерный дивизион (капитан Кононов). 3-й Симбирский стрелковый артиллерийский дивизион (капитан С.В. Кузичев), отдельная гаубичная батарея и отдельный артиллерийский парк (капитан Хвалынский). Начальник артиллерии — подполковник А.А. Шеповальников.

¹ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 16. Л. 277–278.

² РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 62. Л. 102–103.

13-й Казанская стрелковая дивизия генерала А.П. Перхурова (начальник штаба — капитан А.А. Пугаев, с 7 апреля — капитан И.П. Пацковский). В состав дивизии входили 49-й Свяжский (подполковник Л.А. Тарасов), 50-й Лаишевский (подполковник Н.П. Сахаров) и 51-й Уржумский (подполковник В.И. Заседателей) стрелковые полки, 13-й егерский батальон (капитан А.А. Пугаев), конный дивизион (подъесаул В.Н. Свешников), инженерный дивизион (штабс-капитан Шаровский)¹. 13-й Казанский стрелковый артиллерийский дивизион (капитан А.В. Суханов), отдельная гаубичная батарея и отдельный артиллерийский парк. Начальник артиллерии — подполковник П.А. Падчин.

В состав корпуса также вошла отдельная Волжская кавалерийская бригада полковника К.П. Нечаева (начальник штаба бригады — войсковой старшина Н.И. Калаушин). В состав бригады входили Драгунский полк (ротмистр Лебедев), сформированный из Отдельного добровольческого дивизиона корнета Б.К. Фортунатова и отдельной минно-подрывной команды, и Уланский полк (ротмистр Д.В. Фельдман), сформированный из Отдельного Самарского уланского дивизиона, а также отдельная конная Волжская батарея (подполковник В.О. Вырыпаев).

Для подготовки укомплектований корпуса была образована Волжская кадровая стрелковая бригада под командованием полковника Богрецова (начальник штаба бригады — штабс-капитан Колобов), которую составили три кадровых стрелковых полка: 1-й Самарский (полковник В.В. Пересвет-Солтан), 3-й Симбирский (полковник Воскресенский) и 13-й Казанский (полковник П.М. Климочкин), а также отдельная кадровая инженерная рота (штабс-капитан Жеголев), кадровый артиллерийский дивизион (подполковник Копьев) и кадровый эскадрон. Не входили в состав соединений Отдельная полевая тяжелая гаубичная (6-дюймовая) батарея, отдельная телеграфная рота (подпоручик Логинов) и подвижная артиллерийская мастерская².

Первоначально планировалось укомплектовать корпус мобилизованными из тыловых военных округов, находившихся в ведении военного министра Российского правительства. Однако мас-

¹ Согласно приказу начальника штаба Верховного главнокомандующего от 4 апреля 1919 г. 49-й Свяжский и 50-й Лаишевский полки были переименованы соответственно в 49-й Казанский и 50-й Арский (см.: РГВА. Ф. 40213. Оп. 1. Д. 1481. Ч. III. Б. л.)

² РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 16. Л. 277–278.

совый призыв в войска населения в тылу долго затягивался и был проведен лишь в мае 1919 г. В ожидании пополнений прошло около двух с половиной месяцев, пока не было принято решение передать Каппелю пленных красноармейцев, захваченных войсками Сибирской армии в ходе Пермской наступательной операции в декабре 1918 г., а также часть контингента, мобилизованного на территории Ялуторовского и Ишимского уездов, в районе Сибирской армии в марте 1919 г.

К 20 марта, согласно списков, на пополнение корпуса было передано 5479 бывших красноармейцев (в том числе шесть офицеров). Из них больных числилось 1855 чел., умерших — 22 чел., находившихся «в бегах» — 116 чел. Из числа находившихся «налицо» 3480 чел. в 3-ю Симбирскую стрелковую дивизию было направлено шесть офицеров и 552 солдата, в 13-ю Казанскую стрелковую дивизию — 479 солдат, в Отдельную Волжскую кавбригаду — 202 солдата, в управление инспектора артиллерии корпуса — 30 солдат. 2217 солдат оставались в Челябинске и еще не были распределены по воинским частям. Кроме бывших красноармейцев, к этому времени в корпус прибыли 11 офицеров и 2817 мобилизованных солдат из кадровых (запасных) полков, а также 53 офицера, один врач, семь чиновников и 1216 солдат из расформированных воинских частей, всего 70 офицеров, один врач, семь чиновников и 9506 солдат, из которых к указанному времени распределили по воинским частям 5298 солдат¹.

Из числа мобилизованных в районе Сибирской армии в течение 27 марта — 1 апреля на пополнение корпуса прибыли и были распределены по трем его дивизиям 8471 чел., в том числе 27, 28 и 29 марта из Ялуторовского уезда — соответственно 805, 1344 и 843 чел. (все в 13-ю Казанскую дивизию); 31 марта из Ялуторовского уезда — 1200 чел. в 3-ю Симбирскую дивизию; 31 марта из Ишимского уезда — 1250 чел. в 1-ю Самарскую дивизию; 1 апреля из Ишимского уезда — 1125 чел. в 13-ю Казанскую дивизию, 1300 чел. — в 3-ю Симбирскую дивизию и 480 чел. — в 1-ю Самарскую дивизию; 1 апреля из Ялуторовского уезда — 124 чел. (направлены в Курган для распределения по частям). Всего в 1-ю Самарскую дивизию было направлено 1730 чел., в 3-ю Симбирскую — 2500 чел. и в 13-ю Казанскую — 4117 человек².

¹ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 70. Л. 311.

² Там же. Л. 300 а.

Таким образом, до конца марта на пополнение каппелевского корпуса прибыло около 19 тыс. человек. Приведенные данные опровергают тезис А.А. Петрова о том, что укомплектование корпуса началось лишь во второй половине апреля¹. В преддверии выступления на фронт у командования корпусом имелось не несколько дней, а около одного месяца для приведения частей в боевую готовность. Этого не было сделано, в том числе и в силу субъективных обстоятельств.

По авторитетному мнению генерала В.М. Молчанова, в силу своего характера Каппель не соответствовал должности командира корпуса. По оценке В.М. Молчанова, «он был хорошим полевым командиром, но у него не было времени (и он не хотел тратить время) на другие вещи. Но на такой высокой должности как командир корпуса нужно уделять много внимания и таким вопросам, как снабжение, транспорт и так далее, чего Каппель не любил делать». Молчанов также обращал внимание на то, что Каппель не любил держать около себя людей деятельных, предпочитая людей «никчемных»². К числу таковых он относил начальника штаба корпуса полковника С.Н. Барышникова.

Жесткой критике подверг Барышникова и начальник штаба Западной армии генерал С.А. Щепихин. По его мнению, «численный состав кадров Каппеля по разным частям был чересчур разнообразен, чтобы возможно было ограничиться установлением для всех частей одного общего процента предназначенных в часть красноармейцев. Этого сделано не было – злополучный пьяница Барышников подложил всему делу большую свинью, отнесшись халатно, формально к этому основному вопросу. Все части получили 35 % красноармейцев, но не все части их могли переварить в таком количестве»³.

Щепихин не называет конкретных частей, оказавшихся не в состоянии «переварить» бывших красноармейцев, но он явно имеет в виду части 3-й Симбирской стрелковой дивизии, которые (см. таблицы 1 и 2) относительно общей численности добровольцев получили максимальное пополнение своих рядов за счет

¹ Петров А.А. Генерал-лейтенант В.О. Каппель... С. 716.

² Молчанов В.М. Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы. М., 2009. С. 127.

³ Щепихин С.А. Воспоминания о генерале В.О. Каппеле. 1918 г. // Каппель и каппелевцы. М., 2002. С. 187.

бывших красноармейцев и мобилизованного в армию гражданского контингента.

Таблица 2

**Сведения о численном и боевом составе
1-го Волжского армейского корпуса
по состоянию на 27 апреля 1919 г.***

Воинское соединение / часть	Офицеров	Чиновников и врачей	Солдат	Штыков	Сбель	Пулеметов	Орудий
Штаб корпуса	45	17	381	—	—	—	—
1-я Самарская стрелковая дивизия	418	31	5991	2707	43	43	13
3-я Симбирская стрелковая дивизия	219	38	6910	3752	40	62	14
13-я Казанская стрелковая дивизия	364	60	7881	4310	76	53	13
Отдельная Волжская кав. бригада	75	8	1051	—	403	14	4
Отдельная тяжелая гаубичная батарея	12	2	65	—	—	—	2
Отдельная телеграфная рота	11	3	252	—	—	—	—
Подвижная арт. мастерская	3	6	115	—	—	—	—
1-я кадровая Волжская стр. бригада	52	3	381	—	—	—	—
Всего	1199	167	23 027	10 759	562	172	46

* *Сост. по:* Огородников Ф. Е. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938. С. 276; РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 70. Л. 320. В численном составе не показаны больные и находившиеся в командировках: в 1-й Самарской стр. дивизии — 447 солдат, в 3-й Симбирской стр. дивизии — 580 солдат, в 13-й Казанской стр. дивизии — 585 солдат, в Отдельной Волжской кавбригаде — 106 солдат.

К упреку Щепихина в отношении штаба корпуса и, косвенно, в отношении его командира следует добавить и крайне непропорциональное распределение офицеров между частями и соединениями корпуса. Как следует из таблицы 2, в 1-й Самарской дивизии и Отдельной Волжской кавбригаде на одного офицера приходилось 14 солдат, в 13-й Казанской дивизии — 22 солдата, а в 3-й Симбирской дивизии — 32 солдата. По всем формальным показателям именно 3-я Симбирская дивизия являлась самым слабым и ненадежным соединением корпуса.

По свидетельству генерала П.П. Петрова, «наружно, во время реформирования корпуса, все шло хорошо, но внутри было не совсем так: работали агенты большевиков. Каппель надеялся, что

его надежные кадры переделают всех шатающихся и даже красноармейцев. Может быть, это и было бы так, если бы времени для работы было больше и если бы не пришлось выступать на фронт частями, до окончания работ»¹.

Между тем, в начале марта 1919 г. Западная армия, в тылу которой формировался корпус Каппеля, перешла к активным военным действиям и, нанеся ряд поражений частям Красной армии, начала развивать наступление на Самару с целью выйти на линии р. Волга. Дальнейшие перспективы у многих ассоциировались со звоном кремлевских колоколов. Однако в конце апреля 1919 г. наступательный порыв войск Западной армии иссяк, а красные предприняли контрнаступление силами Южной группы Восточного фронта в общем направлении на Бугуруслан — Белебей. Левый фланг и тыл наступавших на Самару соединений белых оказались под угрозой. Назревал перелом, в преддверии которого белое командование решило ввести в бой свой стратегический резерв — корпус Каппеля.

На основании директивы начальника штаба Верховного главнокомандующего со 2 мая 1919 г. 1-й Волжский армейский корпус был включен в состав Западной армии и начал спешно выдвигаться на фронт, в район города и станции Белебей. В это время общая численность его частей и соединений составляла около 24,3 тыс. человек. Его боевой состав насчитывал 10 759 штыков, 562 сабли, 172 пулемета и 46 орудий (см. таблицу 2).

И для командного состава, и для солдат корпуса приказ о наступлении на фронт стал полной неожиданностью. По всей видимости, офицеры и солдаты рассчитывали на то, что они еще около месяца просидят в тылу, а затем, без особых страданий и жертв, примут участие в событиях завершающего этапа разгрома советских войск Восточного фронта и победоносном походе на Москву. Однако вместо триумфального шествия на Первопрестольную корпусу пришлось идти в бой с противником, который отнюдь не был разгромлен, а сам намеревался одержать победу.

Несбывшиеся ожидания и надежды привели к надлому морально-психологического состояния личного состава корпуса. По свидетельству С.А. Щепихина, в начале мая контрразведка Западной армии сообщала, что «эшелоны корпуса Каппеля идут

¹ Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М., 2011. С. 415.

в большом беспорядке — на станциях солдаты скандалят, в вагонах распевают большевистские частушки, похваляются при первом же столкновении уйти к красным». Щепихин передавал эти сведения Каппелю, но тот проинтерпретировал их как «совершенно неверные»¹.

Большевистский агент С.А. Килин, 12–15 мая следовавший из Челябинска в Уфу в одном из эшелонов каппелевского корпуса, в докладе Северному отделению Сибирского бюро ЦК РКП(б) отмечал: «Настроение офицеров подавленное, злые. Солдаты очень недовольны тем, что их бросают на фронт. Им говорили, что они пойдут через месяц брать Москву»². Из этой краткой цитаты явствует, что если бы офицерам и солдатам действительно предстояло идти на Москву, то настроения их были бы совершенно иными.

Вопреки здравому смыслу из трех выступивших на фронт дивизий корпуса в авангарде оказалась потенциально самая слабая из них, 3-я Симбирская стрелковая. В течение 6–7 мая дивизия высадилась из эшелонов в районе юго-западнее Белебея и заняла предназначенный ей участок фронта с ближайшей боевой задачей удара по Туркестанской и в правый фланг 5-й армий красных для содействия дальнейшему наступлению 2-го Уфимского армейского корпуса генерала С.Н. Войцеховского.

Сосредоточение каппелевского корпуса прикрывалось остатками уже разгромленной 12-й Уральской стрелковой дивизии и отдельными частями белых на рубеже реки Ик в окрестностях Самаро-Златоустовской железной дороги³. Все эти части – 12-я Уральская стрелковая дивизия генерала Р.К. Бангерского в составе 47-го Тагильского и 48-го Туринского стрелковых полков, 12-го Уральского егерского батальона и 12-го Уральского артиллерийского дивизиона, 3-й Уфимо-Самарский и 6-й Исетско-Ставропольский казачьи полки, Уфимский гусарский полк, 3-й Украинский имени гетмана Сагайдачного полк, Сербский отряд воеводы Киселева, Броневой дивизион и 33 (4-й) авиационный отряд – с 10 мая 1919 г. были включены состав Волжского корпуса⁴.

¹ Щепихин С.А. Воспоминания о генерале В.О. Каппеле... С. 190.

² Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг. Сборник документов. Ч. I. Новосибирск, 1978. С. 175.

³ Болтин Е.А. Контрнаступление Южной группы Восточного фронта... С. 78.

⁴ РГВА. Ф. 39500. Оп. 1. Д. 62. Л. 174.

С.А. Щепихин как начальник штаба армии признавал и свои собственные просчеты в решении вопроса о сосредоточении корпуса на фронте. Вместо того, чтобы выдвигать его части непосредственно в боевую линию, следовало осуществить их высадку и сосредоточение западнее, в районе станции Чишма, после чего ударить этим резервом по красным¹. Действительно, необстрелянные части наиболее эффективны в наступлении, но не в обороне.

10–11 мая части 24-й и 31-й дивизий красных вошли в соприкосновение с передовыми частями 3-й Симбирской стрелковой дивизии и прикрывавшими их остатками 12-й Уральской дивизии. По словам П.П. Петрова, в то время бывшего начальником штаба 6-го Уральского корпуса, в состав которой входила 12-я Уральская стрелковая дивизия, «Симбирская бригада поднесла страшный сюрприз, произведший ужасное впечатление на измотанные части уральцев, ожидавшие смены, чтобы отдохнуть и одеться. Прибыла она великолепно одетой, люди выглядели хорошо, приказы выполнялись исправно, в общем никаких подозрений. И вдруг начальник штаба бригады днем по телефону говорит: „У нас несчастье, один полк целиком перешел к красным, захватив офицеров“². Речь шла о 10-м Бугульминском стрелковом полке.

По данным советского военного историка Е.А. Болтина, 11 мая 212-й стрелковый полк 24-й дивизии красных в бою у деревни Чегодаево (Троицкое), расположенной в 40 км южнее Белебея, «нанес жестокое поражение» 10-му Бугульминскому полку белых, захватив 700 пленных и девять пулеметов. Под жестоким поражением в данном случае следует понимать добровольный переход большей части полка на сторону противника. Аналогичные случаи, хотя и в меньших масштабах, позднее имели место и в других частях корпуса.

В тот же день, 11 мая, 276-й стрелковый полк 31-й дивизии красных отбросил белых на северо-восток от деревни Новотроицкая (на р. Ик, в 45 км юго-западнее Белебея). В результате части 3-й Симбирской и 12-й Уральской дивизий начали спешно отступать в направлении станции Шафраново, на запад от Белебея. Высадившиеся из эшелонов вслед за симбирцами части 13-й Казанской стрелковой дивизии, получившие задачу оборонять Белебей с

¹ Щепихин С.А. Воспоминания о генерале В.О. Каппеле... С. 193.

² Петров П.П. От Волги до Тихого океана... С. 416.

юго-запада и запада, не успев сосредоточиться, 12 мая атаковали красных в районе станции Абдулино (50 км юго-западнее Белебея), но были отброшены на восток¹.

В ходе последующих операций 1-й Волжский корпус с большими потерями вынужден был отступать по направлению к Уфе. По словам полковника В.О. Вырыпаева, «Волжский корпус, на создание которого было потрачено столько сил и энергии, в короткое время хотя и не был совсем уничтожен, но был сильно потрепан и уже не представлял той грозной силы, какой мог бы быть, если бы все было проведено планомерно [...]. Лишь после больших усилий Каппель собрал измотанные и полууничтоженные части Волжского корпуса на реке Белой»².

Большинство мемуаристов и историков, размышляя о причинах военных неудач каппелевского корпуса, склонны на первое место ставить объективный фактор: ограниченные сроки его формирования. Однако четыре месяца, имевшиеся для решения данной задачи, были вполне достаточными по условиям и меркам гражданской войны. Тем более, что части и соединения корпуса формировались не с нуля, а имели устоявшуюся организационную структуру и костяк из офицеров и добровольцев. Главные причины низкой боеспособности корпуса кроются в нерасторопности командиров и начальников, а также допущенных ими многочисленных просчетах организационного и оперативного характера.

¹ Болтин Е.А. Контрнаступление Южной группы... С. 90–92.

² Вырыпаев В.О. Каппелевцы // Каппель и каппелевцы. М., 2003. С. 174.

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ (1920 г.)

В статье рассматривается история Вооруженных сил Российской восточной окраины, которые наряду с Русской армией генерала П.Н. Врангеля являлись главной группировкой антибольшевистских вооруженных сил в России на протяжении 1920 г. Делается вывод, что у Вооруженных сил Российской восточной окраины не было шансов на боевой успех как в региональном, так и в общероссийском масштабе. Само их существование было непосредственно связано с присутствием на Дальнем Востоке японских интервентов. С их эвакуацией из Забайкалья в октябре 1920 г. была предпринята и судьба белой армии. Разногласия и противоречия в высшем командовании Вооруженных сил Российской восточной окраины связаны были с отсутствием общего стратегического плана дальнейшей борьбы и осознанием ее бесперспективности.

Ключевые слова: Вооруженные силы Российской восточной окраины, Дальневосточная армия, корпус, дивизия, бригада, полк.

После поражения в боях с Красной армией конце 1919 – начале 1920 г. остатки Российской армии адмирала А. В. Колчака вышли в Забайкалье и совместно с дислоцировавшимися здесь войсками атамана Г.М. Семенова образовали Вооруженные силы Российской восточной окраины. Примерно в это же время на базе остатков Вооруженных сил Юга России генерала А.И. Деникина в Крыму была образована Русская армия генерала П.Н. Врангеля. На протяжении почти всего 1920 г. эти две военные группировки оставались единственными крупными белогвардейскими анклавами на территории России.

Однако, в отличие от Русской армии генерала Врангеля, история Вооруженных сил Российской восточной окраины не получила специального освещения в историографии. Отдельные аспекты темы лишь затрагивались исследователями в связи с рассмотрением военно-политической деятельности Дальневосточной республики в 1920 году¹. Из зарубежных русских историков следует отметить

¹ *Шишкин С.Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке. 1918–1922 гг. М., 1957; *Шерешевский Б.М.* Разгром семеновщины (апрель – ноябрь 1920 г.). Новосибирск, 1966; *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) Новосибирск, 1983; *Цыпкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.) Хабаровск, 1996.

Б.Б. Филимонова, который собрал и обобщил ряд сведений по организационной структуре и командному составу антибольшевистских вооруженных формирований в Забайкалье в 1920 году¹.

Историю Вооруженных сил Российской восточной окраины как самостоятельного объединения антибольшевистских вооруженных формирований следует вести с конца декабря 1919 г., когда адмирал Колчак, как Верховный правитель и Верховный главнокомандующий, полностью потерял связь с подчиненными ему войсками. Забайкалье, находившееся под контролем атамана Г.М. Семенова, в это время воспринималось единственным относительно стабильным регионом в условиях общего краха Белой государственности на востоке России.

24 декабря 1919 г. «с целью объединения всех вооруженных сил Дальнего Востока и Иркутского военного округа для обеспечения государственного строя и порядка в глубоком тылу армии» адмирал А.В. Колчак повелел атаману Г.М. Семенову вступить в главнокомандование войсками Забайкальского, Приамурского и Иркутского военных округов на правах главнокомандующего армиями фронта с подчинением ему командующих войсками названных округов. В тот же день Г.М. Семенов объявил о вступлении в должность, передав командование войсками Забайкальского военного округа генерал-лейтенанту Д.Ф. Семенову². Последним своим указом, датированным 4 января 1920 г., Колчак передал Семенову всю полноту военной и гражданской власти на территории Российской восточной окраины³.

10 января 1920 г. «временно, впредь до восстановления нарушенной связи» с находившимся в Иркутске Российским правительством, атаман Семенов как главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа объявил о принятии на себя всей полноты государственной власти во вверенном ему районе. Своими помощниками он назначил врид главного начальника снабжений генерал-майора М.И. Афанасьева и управляющего Забайкальской областью С.А. Таскина, первого — по военной, а второго — по гражданской части⁴.

¹ Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака. М., 1999.

² Казачье эхо. 1919. 28 (15) декабря.

³ Фотокопия указа Верховного правителя от 4 января 1920 г. // Сергеев В.Л. Очерки по истории Белого движения на Дальнем Востоке. Харбин, 1937. Фотокладка между страницами 82 и 83.

⁴ Вестник Забайкалья. 1920. 18 января.

Власть атамана Семенова и созданного им правительства распространялась лишь на территорию Забайкалья. Удержать за собой весь Дальний Восток и, прежде всего Приморскую область с Владивостоком и Хабаровском ему не удалось. 29 января восстал белогвардейский гарнизон в Никольске-Уссурийском. В город вошли партизаны, руководимые большевиками, которые вместе с восставшим гарнизоном взяли власть. В тот же день Объединенный оперативный штаб партизан сообщил о свержении колчаковской власти в Никольске и объявил о переходе власти во Владивостоке к земской управе. Командующий войсками Приамурского военного округа генерал С.Н. Розанов, ввиду полного разложения своих войск, оказался не в состоянии противостоять смене власти во Владивостоке. В такой обстановке 31 января 1920 г. Приморская земская управа объявила о принятии на себя всей полноты власти. Японцы, поддерживавшие генерала Розанова, не решились этому воспрепятствовать, поскольку остальные союзные войска заняли нейтральную позицию, а международная милиция, руководимая американцами, повсюду выставила свои посты и сопровождала вступившие во Владивосток партизанские войска¹.

11 февраля 1920 г. на станцию Мысовая в Забайкалье, совершив ледяной поход, прорвались остатки колчаковских войск и соединились с частями атамана Семенова. Колчаковцы, которыми командовал генерал С.Н. Войцеховский, по имени умершего в походе последнего командующего Восточным фронтом генерала В.О. Каппеля стали называть себя «каппелевцами».

В связи с прибытием в Забайкалье каппелевцев 13 февраля Семенов принял титул Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. Соответственно созданный ранее штаб Главнокомандующего всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа, возглавляемый генералом С.А. Зубковским, был переименован в Штаб помощника по военной части Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины и подчинен генералу М.И. Афанасьеву².

По мнению генерала П.П. Петрова, «вооруженные силы атамана Семенова к моменту прихода каппелевцев ни по количеству, ни по качеству не представляли надежной опоры его власти. Неудачи

¹ Светачев М.И. Империалистическая интервенция... С. 206.

² РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.

под Иркутском, крушение фронта на востоке отразились и на них в сильной степени. В штабе у него считали, что на 20 января было около 7200 штыков и 8880 шашек, а за месяц до 20 февраля разбежалось 2700 штыков и 1900 шашек, причем насчитывали в оставшихся надежных только около 2000 штыков и столько же шашек¹.

Приказом № 75/а от 20 февраля 1920 г. *главнокомандующий* всеми вооруженными силами Российской восточной окраины генерал Г.М. Семенов назначил главнокомандующего Восточным фронтом генштаба генерал-майора С.Н. Войцеховского *командующим* войсками Российской восточной окраины. В тот же день Войцеховский подписал приказ № 1, в котором объявил о своем назначении, а 21 февраля официально вступил в командование войсками².

Для организационного обеспечения деятельности Войцеховского 27 февраля Семенов отдал приказ о создании штаба командующего войсками Российской восточной окраины, для чего предписал передать во вновь формируемый штаб из штаба своего помощника по военной части оперативное, разведывательное, общее и хозяйственное отделения, типографию штаба, управление коменданта штаба, духовенство, медицинскую часть и комендантскую команду. Таким образом, в Чите начали одновременно функционировать сразу два высших штаба — штаб командующего войсками и штаб помощника по военной части главнокомандующего. Тем же приказом получили назначение генерал С.А. Щепихин — начальником штаба войск Российской восточной окраины, генерал С.А. Зубковский — врид генерал-квартирмейстера штаба (с оставлением в прежней должности начальника штаба помощника главнокомандующего по военной части), полковник Ганеев³ — дежурным генералом штаба, генерал Г.И. Зольднер — инспектором артиллерии при командующем войсками. Главным начальником снабжений вооруженных сил Российской восточной окраины 29 февраля был назначен генерал Д.В. Филатьев, его помощником — генерал С.Н. Барышников⁴.

По словам Г.М. Семенова, «...общая численность пришедшей из Сибири армии достигала одиннадцати тысяч бойцов, находившихся в строю, и примерно такого же числа больных тифом в

¹ Петров П.П. Роковые годы. 1914–1920. Калифорния, 1965. С. 252

² Вестник Забайкалья. 1920. 3 марта.

³ 27 марта 1920 г. вместо полковника Ганеева, убитого в заграничный от-
пуск, дежурным генералом штаба войск был назначен генерал Л.А. Гафнер

⁴ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 100, 101.

различных его формах и стадиях. Эта незначительная по численности группа войск изображала из себя три армии, кои путем больших усилий мне удалось свести в два корпуса»¹.

По настоянию Семенова Войцеховский осуществил реорганизацию всех белых войск. 22 февраля он приказал переформировать войска 2-й и 3-й армий Восточного фронта с приданными им частями соответственно во 2-й и 3-й отдельные стрелковые корпуса с присвоением их командирам прав командующих неотдельными армиями. Переформирование предписывалось осуществить путем расформирования численно слабых частей и отдельных отрядов, вливая их в наиболее сохранившиеся части с прочными боевыми традициями и крепкой спайкой. Численность пехотных полков должна была составить не менее 600 и не более 1200 штыков во всех ротах, не считая команд. Команды специального назначения — пулеметные, пеших разведчиков и связи, в общей сложности не должны были численно превышать одной трети состава штыков в полках. По возможности предлагалось в каждой дивизии и полку иметь дивизионную и полковую конницу. Позднее были объявлены организационные нормы формирования артиллерийских частей².

Приказом от 10 марта 1920 г. находившиеся в распоряжении атамана Семенова 1-я Забайкальская казачья дивизия, 1-я отдельная Забайкальская казачья бригада с подчиненными им самоохранными казачьими полками и Сводная Маньчжурская атамана Семенова дивизия были объединены в 1-й отдельный корпус под командованием генерала Д.Ф. Семенова³ с подчинением Войцеховскому. Таким образом, в 1-й корпус вошли семеновские части и соединения, во 2-й и 3-й корпуса — каппелевцы. Общая численность всех антибольшевистских войск в Забайкалье к концу марта 1920 г. составляла 2337 офицеров, 8383 пехотинца и 9041 кавалериста при 496 пулеметах и 78 орудиях⁴.

¹ Атаман Семенов. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 202.

² РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 29. Л. 1, 13. Согласно приказу от 25 марта: батарея — двухорудийного состава с пулеметным взводом при каждой из них; при стрелковых дивизиях — двух- или трехбатареиный легкий дивизион; при отдельных стрелковых бригадах — двухбатареиный легкий дивизион; при кавалерийских (казачьих) дивизиях и отдельных бригадах — двухбатареиный конно-артиллерийский (казачий) дивизион.

³ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 29. Л. 13.

⁴ Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке... С. 134–136.

«Семеновцы и каппелевцы, — свидетельствует П.П. Петров, подчинялись общему командованию в лице генерала Войцеховского, как командующего Дальневосточной армией, и главному командованию в лице атамана Семенова. Предполагалось, что в Чите для управления всеми армейскими вопросами будет один штаб, почему командующий армией считался одновременно начальником Штаба Главкомандующего. Но всё же оставался как бы другой штаб — помощника атамана по военной части — генерал-юрист Афанасьев и, кроме того, начальник личной канцелярии атамана Власьевский. Через этих приближенных атаман развил такую систему назначений, наград и чинопроизводства, что окончательно развратил военнослужащих. Всякий, кто хотел и умел, мог добиться производства за неведомые заслуги. Войцеховский добивался, чтобы всякие награды делались по его представлению, но все это обходилось. Атаман на словах охотно соглашался с доводами Войцеховского, а на деле все шло, как раньше. Были такие недоразумения, что давали повод думать, как будто атаман не понимает пределов своей власти и не считается с военными узаконениями»¹.

Уже в марте 1920 г. в белой армии созрел антисеменовский заговор, организаторами которого были каппелевские генералы С.Н. Войцеховский, Г.А. Вержбицкий, В.М. Молчанов, И.С. Смолин, П.П. Петров и др. Не желая быть марионеткой в руках японцев, но и не собираясь складывать оружия перед советской властью, С.Н. Войцеховский начал искать контакты с Приморской земской управой, действуя через генерала В.Г. Болдырева, являвшегося командующим войсками земской управы.

Войцеховский направил нелегально во Владивосток своих представителей во главе с полковником Петровым. На переговорах речь шла о перспективах ареста Семенова и перехода армии Войцеховского под юрисдикцию Приморской земской управы. Но участникам переговоров не удалось обеспечить необходимой секретности. Так, консул США в Харбине Дженкинс сообщал 10 марта, что Войцеховский ведет переговоры с Приморьем, и что он отодвинул Семенова на задний план. Бывший российский консул в Харбине Попов считал соглашение между Войцеховским и приморским земством «единственным выходом из создавшегося положения, в

¹ Петров П.П. Роковые годы... С. 252–253.

котором очутилась армия Войцеховского, ибо продолжение войны с Советской Россией привело бы ее к гибели»¹.

Но, каппелевские генералы не склонны были вступать в тесный контакт с японцами, в связи с чем последние отказались от возможной ориентации на Войцеховского. С помощью японцев Семенову удалось раскрыть этот заговор. Генерал Войцеховский был уволен с поста командующего войсками Российской восточной окраины. Атаман расправился с рядом офицеров, замешанных в заговоре, но не решился репрессировать каппелевских генералов. Но с этого времени раскол белой армии на семеновцев и каппелевцев стал открытым и острым².

Атаман Семенов рисует иную версию заговора и называет организаторами кампании против себя генералов М.К. Дитерихса, К.К. Акинтиевского, Ф.А. Пучкова и Н.Т. Сукина. По его словам, «Войцеховский не особенно стремился привести в порядок подчиненную ему армию, так как в то время он уже решил перейти на службу в чешскую армию и вследствие этого был мало заинтересован в исходе борьбы с красными в Сибири. Войцеховский, безусловно, обладал всеми качествами выдающегося военачальника, и при желании он мог бы крепко держать армию в своих руках, но вскоре он вышел в отставку и выехал на службу в Чехословакию».

Перед отъездом, Войцеховский, якобы, подробно изложил атаману причины волнений среди части командного состава и как на главнейшую указал на вредную работу небольшой группы лиц из высшего командования армии, агитировавших за непризнание Указа Верховного правителя о передаче власти Семенову. Войцеховского, по словам Семенова, также пытались втянуть в эту кампанию, но он от участия в ней уклонился самым категорическим образом³.

Приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины генерала Г.М. Семенова № 311 от 27 апреля 1920 г. 1-й отдельный сводный корпус был переименован в 1-й Забайкальский, 2-й и 3-й отдельные стрелковые — в 2-й и 3-й стрелковые. Их командирам предоставлялись права командиров корпусов, входящих в состав армии фронта. Тем же приказом

¹ *Светачев М.И.* Империалистическая интервенция... С. 220–222.

² *Ципкин Ю.Н.* Белое движение на Дальнем Востоке... С. 18–20, 23.

³ *Атаман Семенов.* О себе... С. 202–204.

названные корпуса были сведены в Дальневосточную армию под командованием генерал-лейтенанта Н.А. Лохвицкого с предоставлением ему прав командующего отдельной армией¹. Должность начальника штаба армии сначала занимал генерал К.К. Акинтьевский, а с 28 июля — генерал Ф.А. Пучков, генерал-квартирмейстера штаба армии — генерал Ф.А. Пучков, с 30 июля — генерал В.Д. Косьмин. Дежурным генералом штаба армии был назначен генерал Л.А. Гафнер, инспектором артиллерии армии — генерал Г.И. Зольднер, начальником снабжения армии — генерал П.П. Петров².

В целях оптимизации системы высшего военного командования, 2 июня 1920 г. генерал Лохвицкий был назначен начальником штаба Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины Г.М. Семенова с оставлением в должности командующего Дальневосточной армией³. Семенов, однако, сохранил собственные, независимые от каппелевцев структуры военного руководства. Он провозгласил себя походным атаманом всех казачьих войск Российской восточной окраины и создал для себя особый штаб. Своим указом от 4 июля 1920 г. атаман Семенов включил начальника штаба походного атамана всех казачьих войск генерала М. И. Афанасьева в состав Совета управляющих ведомствами на правах управляющего ведомством по делам казачьих войск⁴.

Из-за разногласий с атаманом Семеновым Лохвицкий 23 августа 1920 г., отказался от командования армией и был заменен генералом Г.А. Вержбицким⁵. Характеризуя Лохвицкого, Г.М. Семенов писал: «Новый командующий армией быстро попал под влияние группы генералов-оппозиционеров и повел политику отчуждения меня от моих коренных частей [...] Лохвицкий потребовал от меня удаления из армии генерала барона Унгерна, поставив вопрос так: или он, Лохвицкий, или барон. Я предложил Лохвицкому поехать в отпуск и сдать армию командиру 2-го корпуса генерал-лейтенанту Вержбицкому. Генерал Вержбицкий не принял решительных мер против интриганов, и искусственно раздуваемая в армии рознь между «каппелевцами» и «семеновца-

¹ Вестник Забайкалья. 1920. 7 мая.

² РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 4. Л. 127, 132.

³ Там же. Д. 3. Л. 17.

⁴ Вестник Забайкалья. 1920. 23 июля.

⁵ РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 4. Л. 172.

ми» не прекратилась и при нем¹.

По свидетельству поручика Б.Б. Филимонова, разделение на «каппелевцев» и «семеновцев», приведшее очень скоро к полному расколу, явилось скорее результатом соревнования начальников, чем антагонизма масс. Несмотря на ряд эксцессов, отношение общей массы офицерства и солдат, как каппелевцев к семеновцам, так и семеновцев к каппелевцам, было вполне терпимо².

* * *

Организационная структура Вооруженных сил Российской восточной окраины сложилась в марте-апреле и в последующее время претерпела лишь незначительные изменения.

1-м Забайкальским корпусом командовали генералы Д.Ф. Семенов, с 23 июля 1920 г. — Г.Е. Мациевский. Начальником штаба корпуса состоял полковник К.Л. Соболев. Должность обер-квартирмейстер штаба корпуса занимал полковник Е.М. Дубинин, дежурного генерала штаба — полковник Н.Ф. Шильников, инспектора артиллерии — генерал Д.И. Коцарев. В состав корпуса входили Забайкальская казачья дивизия, 1-я отдельная Забайкальская казачья бригада и Сводная Маньчжурская атамана Семенова дивизия.

Забайкальская казачья дивизия (начальник дивизии — генерал Г.Е. Мациевский, с 27 июля 1920 г. — генерал Т.И. Артамонов; начальник штаба — полковник Е.Л. Трухин) включала 1-й Забайкальский казачий полк (полковник Г.Д. Почекунин), 2-й Забайкальский казачий полк (полковник М.Ф. Рюмкин, затем — войсковой старшина В.Н. Сорокин), 3-й Забайкальский казачий полк (войсковой старшина А.Д. Размахнин), 4-й Забайкальский казачий полк (полковник И.А. Фомин, затем — войсковой старшина М.И. Ваулин) и 1-й Забайкальский казачий артиллерийский дивизион (войсковой старшина Ф.К. Мыльников).

Отдельная Забайкальская казачья бригада (начальник бригады — генерал А. Г. Сабеев, начальник штаба — подполковник М.В. Куклин) включала 5-й Забайкальский казачий полк (есаул Н.А. Аникьев), 6-й Забайкальский казачий полк (войсковой старшина Т.И. Литвинцев), Отдельный Забайкальский казачий пластунский батальон (есаул Бакшеев) и 2-й Забайкальский казачий артиллерийский дивизион (есаул А.С. Новиков)³.

¹ Атаман Семенов. О себе... С. 204.

² Филимонов Б.Б. Белая армия адмирала Колчака... С. 73.

³ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 4. Л. 24. Л. 40; Ф. 39729. Оп. 1. Д. 16. Л. 8–9.

В отличие от войсковых соединений Забайкальского казачьего войска, организационная структура Маньчжурской сводной атамана Семенова дивизии претерпевала неоднократные изменения. Приказом командующего войсками Российской восточной окраины от 21 марта 1920 г. дивизия была переформирована в Маньчжурскую стрелковую атамана Семенова бригаду в составе 1-го Маньчжурского стрелкового атамана Семенова полка, 2-го Маньчжурского стрелкового полка, 1-го конного атамана Семенова дивизиона, 1-го Маньчжурского стрелкового артиллерийского полка, Маньчжурского инженерного дивизиона и комендантской роты. Еще до переформирования дивизии в бригаду ее начальник генерал А.И. Тирбах покинул свой пост, передав временное командование соединением генералу Б.П. Васильеву.

Приказом войскам Дальневосточной армии от 8 мая 1920 г. из частей Маньчжурской стрелковой атамана Семенова бригады и 1-й отдельной кавалерийской бригады была сформирована 1-я сводная Маньчжурская атамана Семенова дивизия в составе 1-й стрелковой Маньчжурская атамана Семенова бригады — 1-й стрелковый Маньчжурский атамана Семенова полк (полковник В.П. Малакен), 2-й стрелковый Маньчжурский полк (полковник В.Т. Глазков), отдельный гусарский Бурятский дивизион (полковник Фиалковский), легкий Маньчжурский артиллерийский дивизион (полковник Н.А. Бебенин) и 2-й конной бригады — 1-й конный атамана Семенова полк (генерал Г.А. Правохенский, с 30 августа 1920 г. — полковник А.Г. Бычков), отдельный драгунский Казанский дивизион (полковник Е.Ф. Язвин), отдельный уланский Симбирский дивизион (полковник Остроумов), отдельный уланский Екатеринбургский дивизион (полковник Михайлов), 1-й конно-артиллерийский дивизион (полковник Костров). Начальником вновь сформированной дивизии был назначен генерал В.А. Кислицын, (2 сентября его сменил генерал К.П. Нечаев) а командирами стрелковой и конной бригад — соответственно генералы Б. П. Васильев и А.М. Хрущов¹. Приказом главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины от 1 июня 1920 г. всем частям дивизии было присвоено имя атамана Семенова².

¹ РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 2. Л. 36; Д. 4. Л. 179, 181; Д. 16. Л. 9; Д. 24. Л. 40. Приказом войскам Дальневосточной армии от 28 июня 1920 г. штабы бригад были расформированы.

² Путеводитель по фондам белой армии. М., 1998. С. 137.

2-м стрелковым корпусом командовали генералы Г.А. Вержбицкий, с 23 августа 1920 г. — И.С. Смолин. Начальником штаба корпуса состоял генерал В.Н. Касаткин, с 8 октября 1920 г. — полковник А.В. Сулавко. Должность обер-квартирмейстер штаба корпуса занимал полковник Н.Г. Волков, дежурного генерала штаба — полковник Завьялов. В состав корпуса были включены Иркутская и Омская стрелковые дивизии, Отдельная добровольческая бригада.

Иркутская стрелковая дивизия¹ (начальник дивизии — генерал А.В. Бордзиловский; начальник штаба — полковник И.И. Попов, затем — полковник М.В. Кириченко) включала Иркутский стрелковый полк (полковник В.А. Ракитин), Воткинский стрелковый полк (полковник Б.Э. фон Вах), Тобольский стрелковый полк (полковник К.Д. Атавин), Красноуфимский конный дивизион (полковник Хромов) и Воткинский артиллерийский дивизион (полковник Смолянинов).

Омская стрелковая дивизия² (начальник дивизии — генерал И.С. Смолин, с августа 1920 г. — полковник А.Г. Аргунов) включала 13-й Омский (полковник Н.А. Мельников), 16-й Ишимский (полковник А.Г. Метелев) и 3-й Барнаульский (полковник В.А. Богословский) Сибирские стрелковые полки, конно-егерский дивизион полковника М.М. Манжетного. Дивизии был придан Сибирский казачий полк полковника Ф.Л. Глебова, сформированный из остатков частей Сибирского казачьего войска. В марте-августе 1920 г. этот полк вместе с 11-м Оренбургским казачьим полком (полковник А.Т. Сукин) входил в состав Сводно-казачьей бригады под командованием полковника А.В. Катанаева.

Отдельная добровольческая бригада³ (начальник бригады — генерал П.П. Крамаренко, затем — генерал В.Г. Осипов) включала 1-й Добровольческий стрелковый полк (полковник Дзантьев, затем — полковник Е.В. Черкес), 3-й Сводно-добровольческий (полковник В.Б. Урняж), отдельный конный дивизион (полковник Бахте-

¹ Иркутская стрелковая дивизия сформирована из остатков бывших 3-й Сибирской (Иркутской), 15-й Воткинской и 7-й Сибирской (Тобольской) стрелковых дивизий.

² Омская стрелковая дивизия сформирована из остатков бывшей 4-й Сибирской стрелковой дивизии и 3-го Барнаульского полка бывшей 1-й Сибирской дивизии.

³ Отдельная добровольческая бригада сформирована из остатков Добровольческой дивизии и приданных ей частей.

рев) и артиллерийский дивизион (полковник Смирнов)¹.

3-м стрелковым корпусом командовали генерал К.В. Сахаров, с 25 марта 1920 г. — В.М. Молчанов. Начальником штаба корпуса состоял полковник Е.К. Кронковский, с 25 марта 1920 г. — генерал С.Н. Барышников, позднее — полковник Л.Л. Ловцевич. Должность обер-квартирмейстера штаба корпуса занимал полковник В.М. Корженко, дежурного генерала штаба — полковник В.Н. Купленников, с 23 марта 1920 г. — полковник Г.В. Енборисов, позднее — полковник Калашев, инспектора артиллерии корпуса — генерал К.Г. Тарнопольский. В состав корпуса вошли Уфимская и Сводная стрелковые дивизии, Волжская сводная им. ген. Каппеля бригада, Енисейская и Отдельная Оренбургская казачьи бригады.

Уфимская стрелковая дивизия² (начальник дивизии — генерал Р.К. Бангерский, начальник штаба — полковник Н.И. Ивановский), включала 4-й Уфимский стрелковый полк (полковник Г.К. Сидамонидзе), 8-й Камский стрелковый полк (полковник В.Е. Сотников, затем — полковник Воробьев), 12-й Уральский стрелковый полк (полковник Мусницкий), Уфимский конный полк (полковник Саблин, затем — полковник Л.А. Зеленцов) и Уфимский артиллерийский дивизион (полковник В.Я. Романовский). 8 сентября 1920 г. командующий армией приказал расформировать 12-й Уральский полк, обратив его личный состав на пополнение остальных частей дивизии. Тем же приказом в состав Уфимской дивизии был включен Отдельный Алтайский конный дивизион³. По инициативе начальника дивизии к 14 сентября расформированный полк и конный дивизион были объединены в Урало-Алтайский конный полк (полковник Лебедев)⁴.

Сводная стрелковая дивизия⁵ (начальник дивизии — генерал В.М. Молчанов, затем — генерал А.В. Круглевский: начальник

¹ РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 16. Л. 9–10; *Филимонов Б. Б.* Белая армия... С. 92–93.

² В состав Уфимской стрелковой дивизии вошли остатки бывших 4-й Уфимской, 8-й Камской, 12-й Уральской стрелковых и 2-й Уфимской кавалерийской дивизий.

³ Алтайский конный дивизион был сформирован из Отряда особого назначения Алтайской губернии, находившегося под командованием полковника Де Липе-Липского (см.: Война и революция. Из воспоминаний полковника л. гв. 2-го стрелкового Царскосельского полка Н.И. Де-Липпе-Липского // Памятные дни. Из воспоминаний гвардейских стрелков. Таллин, 1939. С. 52–116.

⁴ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 24. Л. 30; Ф. 39729. Оп. 1. Д. 4. Л. 195, 207.

⁵ В состав частей Сводной стрелковой дивизии вошли остатки бывших Ижевской, 11-й Уральской стрелковых дивизий и Егерского отряда.

штаба — полковник Н.П. Рыбаков) имела в своем составе Ижевский стрелковый полк и кавалерийский дивизион (полковник А.Г. Ефимов), Уральские стрелковый полк и кавалерийский дивизион (генерал А.В. Круглевский, с марта 1920 г. — полковник А.Г. Доможиров), Егерские полк и кавалерийский дивизион (полковник П.Е. Глудкин), Сводный артиллерийский дивизион (полковник Л.Х. Бек-Мамедов).

Волжская сводная имени генерала Каппеля бригада¹ (начальник бригады — генерал Н.П. Сахаров, начальник штаба — полковник Б.И. Попов), включала Волжский стрелковый полк (генерал М.Ф. Ястребцов, затем — полковник В.Я. Белянушкин), Волжский драгунский полк (генерал К.П. Нечаев, затем — полковник Якушко) и Волжский артиллерийский дивизион (полковник Горинов).

Енисейская казачья бригада (начальники бригады — генерал А.И. Феофилов, с 17 марта 1920 г. — генерал И.Н. Потанин, позднее — полковник В. И. Розанов; начальник штаба — полковник П.Н. Суслов, затем — войсковой старшина Г.К. Бологов) имела 1-й Енисейский казачий полк (есаул А.Н. Муратов) и 2-й Енисейский казачий полк (есаул И.М. Шабалин) и Енисейскую казачью отдельную артиллерийскую батарею (есаул Н.И. Войщев).

Отдельная Оренбургская казачья бригада² (начальник бригады — генерал В.М. Панов, начальник штаба — полковник Кононов) включала 1-й конный полк (генерал В.А. Бородин), 2-й конный полк (полковник И.Г. Корольков), пеший дивизион (полковник Н.Н. Титов) и артиллерийскую батарею (полковник М.Ф. Воронин). 11-й Оренбургский казачий полк полковника А.Т. Сукина, следовавший в Забайкалье по Ангаре и Лене, и прибывший в Забайкалье только 11 марта 1920 г., первоначально не был включен в состав этой бригады, а, как упоминалось выше, совместно с Сибирским казачьим полком составил Сводно-казачью бригаду 2-го корпуса. Этот полк сохранил свой номер, полученный еще в 1918 г., до оставления Забайкалья. Приказом войскам Дальневосточной армии от 12 августа 1920 г. 11-й Оренбургский казачий полк, «в целях

¹ В состав частей Волжской бригады вошли остатки бывших 1-й Самарской, 3-й Симбирской, 13-й Казанской, 13-й Сибирской стрелковых дивизий и Отдельной Волжской кавалерийской бригады.

² Отдельная Оренбургская казачья бригада была сформирована из разрозненных групп, принадлежавших к составу 2-го, 3-го, 5-го, 6-го, 12-го, 17-го, 18-го, 34-го и 4-го запасного Оренбургских казачьих полков, а также нескольких конных сотен, батарей и пеших частей.

объединения родственных казачьих частей», был выведен из состава Сводно-казачьей бригады 2-го корпуса и передан в 3-й корпус на присоединение к Оренбургской казачьей бригаде¹.

Сибирский партизанский отряд. В отличие от 2-й и 3-й армий, прошедшие ставший впоследствии героическим Сибирский ледяной поход, 1-я армия Восточного фронта, официально именовавшаяся Сибирской, полностью разложилась и распалась еще в декабре 1919 г. Из ее состава, в Забайкалье оказались лишь отдельные лица и группы лиц, в том числе и бывший командующий армией генерал А.Н. Пепеляев. Единственной воинской частью 1-й Сибирской армии, прибывшей в Забайкалье, и при этом полностью сохранившей внутреннюю организацию, был 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк под командованием полковника А.И. Камбалина. Однако Камбалин предпочел не иметь никаких дел со своим бывшим командармом, и инициировал включение полка в состав Омской стрелковой дивизии генерала Смолина².

Тем не менее, Пепеляев был настроен сформировать вокруг себя воинскую часть, которая соответствовала бы его чину генерал-лейтенанта и прежнему статусу командующего армией. В этом направлении он вел переговоры и с Войцеховским, и с Семеновым. 11 марта 1920 г. генерал Войцеховский приказал из частей бывшей 1-й армии Восточного фронта сформировать Сибирский партизанский отряд под командой генерала Пепеляева с присвоением ему прав начальника отдельной дивизии и непосредственным подчинением командующему войсками Российской восточной окраины. К временному исполнению должности начальника штаба отряда был допущен полковник Остроумов. Командирам 2-го и 3-го корпусов предписывалось выделить личный состав для формирования партизанского отряда, но «только те части и отдельных чинов бывшей 1-й армии, которые заявят о таком своем желании»³.

Однако отношение старших начальников и штабов к генералу Пепеляеву и его Партизанскому отряду было «очень недовер-

¹ РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Д. 16. Л. 10–11; *Зуев А.В.* В борьбе за Родину (Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом). 1918–1922 гг. Очерки. Харбин, 1937. С. 84, 95; Слово из Армии (ст. Борзя). 1920. 14 сентября.

² *Камбалин А.Е.* 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе // Сибирские огни. 2010. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2010/2/>

³ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 29. Л. 17.

чивое и почти враждебное»¹. Еще свежи в памяти были эксцессы, связанные с разложением 1-й Сибирской армии, а ее командующий многими воспринимался одним из главных виновников краха антибольшевистского фронта в Сибири в конце 1919 г. Но, по словам генерала К.В. Сахарова, «...Пепеляев, робкий вначале от сознания своей огромной вины, смелел день ото дня; окруженный своими сторонниками из революционных офицеров и партийных дельцов, он начал скоро выступать уже открыто; печатать аршинные афиши, призывавшие каждого «честного сына Родины вступить в партизанскую дивизию имени народного героя генерала Пепеляева». Так и печаталось, без всякого стеснения, с присущей демократии наглостью дурного тона. Сам Пепеляев и его компания выступали на устраиваемых ими секретных митингах, заманивая к себе молодых офицеров и солдат, то обещаниями дать новое обмундирование, то указаниями на то, что в «партизанской дивизии» будет установлена «революционная дисциплина, без каких-либо признаков и отрывков старого режима»².

Деятельность Пепеляева вскоре вызвала резкое неприятие генерала Войцеховского. 24 марта он запретил выпуск в армии любых агитационных листовок, призывающих офицеров и солдат переходить из одной воинской части в другую, и приказал немедленно прекратить ранее разрешенное им выделение частей и отдельных чинов из 1-го, 2-го и 3-го корпусов в отряд генерала Пепеляева³.

Сформировать сколько-нибудь крупное войсковое соединение и занять достойное место в военной иерархии вооруженных сил Российской восточной окраины генералу Пепеляеву не удалось. К 6 апреля в его Сибирском партизанском отряде были организованы 1-й и 2-й отдельные Сибирские партизанские батальоны, в каждом из которых числилось по две стрелковые роты и команды — пулеметная, конных разведчиков, пеших разведчиков и нестроевая, 1-я и 2-я отдельные партизанские сотни, отдельная батарея (два орудия), отдельная инженерная рота, отрядная команда пеших разведчиков, отрядная пулеметная команда, конвой

¹ Камбалин А.Е. 3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк... URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2010/2/>

² Сахаров К.В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918 – 1920 гг.). Мюнхен, 1923. С. 306.

³ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 29. Л. 48.

начальника отряда и отрядный подвижной околосок¹. Осознав, что «авторитет его сильно поколеблен», Пепеляев 18 апреля отбыл в двухмесячный отпуск в Харбин² и больше уже не вернулся в Забайкалье.

Приказом войскам Дальневосточной армии от 29 мая 1920 г. «Сибирский партизанский имени генерал-лейтенанта Пепеляева отряд» был расформирован. Временно командующему отрядом полковнику Я.П. Бармину предписывалось выделить 80 человек в особый отряд, который в будущем должен был поступить в распоряжение генерала Пепеляева. Впредь до предполагавшегося прибытия Пепеляева Особый отряд передавался в распоряжение командира 1-го Забайкальского корпуса. Прочих чинов отряда предлагалось распределить по частям 2-го стрелкового корпуса³. Летом 1920 г. они влились в ряды Конно-егерского дивизиона Омской стрелковой дивизии⁴.

Сибирский партизанский отряд, состоявший при штабе 1-го Забайкальского корпуса, приказом по Дальневосточной армии от 5 ноября 1920 г. Был передан в распоряжение командира 2-го стрелкового корпуса для укомплектования Тобольского полка Иркутской дивизии⁵. Ко времени расформирования командиром отряда состоял полковник И.Г. Сивко.

Азиатская конная дивизия генерала барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга находилась на особом положении в составе Вооруженных сил Российской восточной окраины. По словам генерала П.П. Петрова, эта дивизия, дислоцировавшаяся в районе станции Даурия, «представляла собой скорее угрозу для власти, чем опору, так как барон был ни с кем не считавшийся, своего рода военный авантюрист. Его в Чите называли соловьем-разбойником на пути в Харбин»⁶.

До прибытия в Забайкалье каппелевцев воинские формирования, находившиеся под командованием Унгерна, именовались Отдельной азиатской конной бригадой. Приказом атамана Семёнова от 5 февраля 1920 г. бригада была переименована в Азиатскую конную дивизию со следующим составом: 1-я бригада — 1-й

¹ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 29. Л. 93.

² Там же. Л. 147.

³ РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 2. Л. 123.

⁴ *Филимонов Б. Б.* Белая армия адмирала Колчака... С. 86–88.

⁵ РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

⁶ *Петров П.П.* Роковые годы. 1914–1920. Калифорния, 1965. С. 252

и 2-й Татарские конные полки, Монгольский конный дивизион; 2-я бригада — 1-й и 2-й Бурятские конные полки, Монголо-Бурятский конный полк, Азиатский конно-артиллерийский дивизион. На начальника дивизии, барона Унгерна, возлагались также обязанности инспектора всех инородческих формирований. Азиатская конная дивизия не вошла в состав корпусов, находившихся в ведении генерала Войцеховского, а 17 марта была в строевом и оперативном отношениях подчинена непосредственно атаману Семенову¹.

В численном отношении войска Унгерна далеко не соответствовали дивизионной организации. 7 августа 1920 г. атаман Семенов приказал Азиатскую конную дивизию переформировать в партизанский отряд с непосредственным подчинением командующему Дальневосточной армией². Ко времени переформирования в отряд, по состоянию на 9 августа 1920 г. в дивизии числилось 53 офицера, 1213 бойцов, 165 нестроевых солдат, шесть орудий и 16 пулеметов. Боевой состав насчитывал около 900 сабель. В состав дивизии входили 1-й Татарский полк (командир — подполковник Лихачев), 2-й Анненковский полк (подполковник Циркулинский), три Даурские стрелковые сотни (капитан Мысяков), Азиатский конный дивизион, пулеметная команда, артиллерийский дивизион, японская конная рота (капитан Судзуки), комендантский дивизион, обоз и санитарная часть³.

В условиях надвигавшегося краха войск Дальневосточной армии, Унгерн разорвал все отношения с ее командованием и отправился со своими войсками в Монголию. В приказе войскам Дальневосточной армии от 29 сентября 1920 г. сообщалось, что начальник партизанского отряда генерал барон Унгерн, «не соглашаясь с политикой последних дней главнокомандующего атамана Семенова, самовольно ушел с отрядом к границам Монголии в район юго-западнее города Акши». В связи с вышеизложенным генерал Унгерн и его отряд исключались из состава Дальневосточной армии⁴. Позднее, в первой половине 1921 г. Унгерн пы-

¹ РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 23. Л. 31, 150.

² Там же. Д. 25. Л. 26.

³ Торновский М.Г. События в Монголии-Халхе в 1920–1921 годах. Военно-исторический очерк (воспоминания) // Легендарный барон: неизвестные страницы гражданской войны. Сост. С.Л. Кузьмин. М., 2004. С. 197–198.

⁴ Русская армия (Чита). 1920. 6 октября.

тался использовать Монголию как плацдарм для продолжения вооруженной борьбы против Советской власти в Сибири.

Сводная Уссурийская бригада. 12 августа атаман Семенов приказал полковнику Н.И. Савельеву¹ сформировать из добровольцев Сводную Уссурийскую бригаду в составе 1-го пешего стрелкового полка и конного дивизиона двухсотенного состава с зачислением ее на все виды довольствия при штабе главнокомандующего всеми вооруженными силами и походного атамана всех казачьих войск Российской восточной окраины. Полковнику Савельеву с находившейся в его распоряжении группой офицеров предписывалось выехать к месту службы на станцию Гродеково².

Для укомплектования бригады офицерскими кадрами планировалось использовать окончивших 8-месячный курс обучения юнкеров Омского артиллерийского училища и школы генерала Нокса, для чего атаман Семенов объявил о производстве в подпоручики всех поступивших на службу в бригаду юнкеров со старшинством со дня поступления на службу в бригаду. На вооружение формируемой бригады Семенов выделил четыре пулемета и 2 тыс. винтовок с надлежащим количеством патронов³.

Дивизия бронепоездов. В условиях активизации пробольшевицкого партизанского движения в Забайкалье, войска атамана Семенова реально контролировали лишь железную дорогу и примыкавшие к ней местности. В этом отношении в обеспечении безопасности районов дислокации войск Дальневосточной армии важную роль играла Дивизия бронепоездов. Организационно она подразделялась на дивизионы и отдельные бронепоезда.

Начальником дивизии состоял генерал Н.Ф. Богомолец, с 1 сентября 1920 г. — генерал К.Г. Тарнопольский. В сентябре 1920 г. в составе дивизии числились бронепоезда «Атаман» (командир — штабс-капитан Баранов), «Тагил» (капитан Труфимов), «Семеновец» (подполковник Богданов), «Каратель» (капитан Лорд-Кипанидзе), «Отважный» (капитан Закржевский), «Грозный» (штабс-капитан Байков), «Витязь» (капитан Москаленко), «Забайкалец»

¹ За боевые отличия и за особые услуги, оказанные делу возрождения Родины приказом атамана Семенова от 25 октября (8 ноября) 1920 г. начальник Отдельной Сводной Уссурийской бригады полковник Н. И. Савельев произведен в генерал-майоры.

² РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 26. Л. 3, 6.

³ Там же. Л. 2, 4, 5.

(штабс-капитан Клементьев), «Резвый» (капитан Беккер), «Истребитель» (капитан Москалев), «Всадник» (капитан Сидоров)¹.

Авиационные отряды. К 24 марта в составе вооруженных сил Российской восточной окраины были сформированы три авиационных отряда. 1-й авиаотряд поступил в распоряжение генерал-квартирмейстера штаба командующего войсками, 2-й авиаотряд — командира 2-го отдельного корпуса и Особый Маньчжурский авиаотряд — командира 1-го отдельного корпуса. 1-м авиаотрядом командовал поручик Гусев, затем — капитан Тихомиров, 2-м авиаотрядом — войсковой старшина К.П. Кочурин, Маньчжурским авиаотрядом — полковник Плешков. Начальником управления авиационными частями с 11 марта 1920 г. состоял полковник В.Н. Кусов, затем — полковник Д.А. Макаров².

В целях придания авиационным частям большей боеспособности, 15 сентября 1920 г. командующий армией приказал свести 1-й и 2-й авиаотряды в один авиаотряд с присвоением ему наименования «Армейский авиационный отряд Дальневосточной армии». 10 ноября, накануне ухода белых в Китай, последовал приказ о расформировании Маньчжурского авиационного атамана Семенова отряда и передаче его личного состава и материальной части в Армейский авиаотряд³.

На конец сентября 1920 г. боевой состав войск Дальневосточной армии, включая резервы, составлял 11 786 штыков, 14 640 сабель, 369 пулеметов и около 100 орудий⁴.

* * *

К началу 1920 г., когда создавались вооруженные силы Российской восточной окраины, регулярная Красная армия подошла к Байкалу, но приостановила активные боевые операции, так как в Забайкалье и далее на восток располагались части Японской императорской армии. С осени 1918 г. они с согласия и при взаимодействии Великих держав — США, Англии и Франции — контролировали почти всю территорию российского Дальнего Во-

¹ РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 4. Л. 172; Д. 16. Л. 7. В другом списке бронепоездов, датированном октябрём 1920 г., не упоминаются «Каратель», «Резвый», «Истребитель», и «Всадник», но дополнительно названы «Храбрый», «Генерал Корнилов», «Справедливый», «Бесстрашный», «Генерал Капель» (РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.)

² РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 29. Л. 19, 49, 151; Ф. 39729. Оп. 1. Д. 16. Л. 7.

³ РГВА. Ф. 39729. Оп. 1. Д. 4. Л. 16, 206.

⁴ *Шерешевский Б.М.* Разгром семеновщины... С. 208.

стока. Правительство РСФСР во главе с В.И. Лениным, не желая военного столкновения с Японией, инициировало создание на Дальнем Востоке «буферного» государственного образования, которое было создано в Верхнеудинске 6 апреля 1920 г. как независимая демократическая Дальневосточная республика. Главной задачей правительства ДВР являлось объединение всего Дальнего Востока в единое государство, а для этого, прежде всего, необходимо было устранить так называемую «Читинскую пробку». Для решения этой задачи была организована Народно-Революционная армия ДВР, командование которой не только формировало собственные части и соединения по образу и подобию РККА, но и осуществляло координацию всего пробольшевистского партизанского движения на Дальнем Востоке.

10–13 апреля 1920 г. Народно-революционная армия ДВР предприняла первую, а 25 апреля – 5 мая 1920 г. вторую попытку захватить Читу. Несогласованность между войсками НРА и партизанами привела к тому, что белые сумели, совершая маневры по внутренним операционным направлениям, остановить наступление, а 3–5 мая отбросить главные силы НРА на запад. В начале июня части Дальневосточной армии силами 1-го и 2-го корпусов перешли в наступление против партизан Восточно-Забайкальского фронта, достигли ряда частных успехов, но решительной победы не добились.

Летом политическое и стратегическое положение белого Забайкалья существенно ухудшилось. 14 мая 1920 г. правительство РСФСР официально признало Дальневосточную республику. Решение о признании ДВР 21 мая приняло объединенное заседание ревкома и Центрального бюро профсоюзов Амурской области. Временное правительство Приморской земской управы 30 мая объявило декларацию о полном согласии с Верхнеудинским правительством и о поддержке его в ликвидации «Читинской пробки».

24 мая 1920 г. начались переговоры между представителями Верхнеудинского правительства и японским командованием. 3 июля 1920 г. правительство Японии опубликовало декларацию, в которой извещало о решении эвакуировать свои войска из Забайкалья. 17 июля на станции Гонгота было подписано соглашение о прекращении военных действий и установлении нейтральной зоны к западу от Читы между войсками Народно-революционной армии

и японо-белогвардейцами. Эвакуация японских войск из Читы и Сретенска началась 25 июля, и продолжалась до 15 октября¹.

По свидетельству генерала П.П. Петрова, на совещании высшего командного состава армии было признано, что с уходом японцев удержать Читу и все Восточное Забайкалье не удастся. Поэтому было принято решение сосредоточить главную массу войск за рекою Онон в районе станции Маньчжурия, оставив в Чите арьергард, а охрану железной дороги от Читы до станции Борзя возложить на бронепоезда. К 20 августа Дальневосточная армия выполнила намеченную перегруппировку, отойдя за р. Онон. В Чите были оставлены части Уфимской дивизии. 1-й Забайкальский корпус занял район ст. Мацевская — Даурия; 2-й корпус — район ст. Оловянная и 3-й корпус (без Уфимской дивизии) — ст. Борзя².

Растянутое положение Дальневосточной армии давало возможность Амурской группе красных прорвать ее расположение в любом пункте. 16 октября красные перешли в решительное наступление и в ночь на 19 октября заняли станцию Карымская, отрезав Читу от основных сил Дальневосточной армии. Главнокомандующий атаман Семенов и командующий армией генерал Вержбицкий со своими штабами оказались отрезанными в Чите. Командиры трех корпусов, вынуждены были самостоятельно принимать меры по защите своих районов. Общее руководство было потеряно. 20 октября войска Читинской группы попыталась пробить себе дорогу на восток вдоль железнодорожной магистрали, но были отброшены от Карымской. В этих условиях атаман Семенов на аэроплане вылетел из Читы на станцию Даурия, где объявил о вступлении в непосредственное управление войсками. Генерал Вержбицкий со штабами присоединился к общей колонне Читинской группы войск, которая походным порядком двинулась на юг через город Акша на соединение с главными силами армии. Бронепоезда, находившиеся в районе Читы и Карымской, были сожжены, эшелоны — брошены³.

6 ноября генерал Вержбицкий прибыл в Борзю и отдал приказ о вступлении в командование армией, подчеркнув, что в армии должны исполняться только его приказы. Это распоряжение явля-

¹ Шишкин С.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке... С 162–164.

² Петров П.П. Роковые годы... С. 254–255.

³ Там же. С. 256–257.

лось знаком явного расхождения во взглядах командующего армией с атаманом Семеновым. И Семенов, и Вержбицкий все свои усилия направляли на то, чтобы, ведя арьергардные бои, с минимальными потерями вывести армию на китайскую территорию. 20 ноября стало последним днем вооруженной борьбы в Забайкалье.

По соглашению с китайскими властями остатки войск Дальневосточной армии должны были разоружиться и по Китайско-Восточной железной дороге перебазироваться на территорию Приморской области. 21 ноября атаман Семенов в вагоне японского полковника Изоме выехал со ст. Маньчжурия в Гродеково, где располагалась Сводная Уссурийская бригада генерала Н.И. Савельева, оставив генералу Вержбицкому письмо о том, что едет позаботиться о приеме армии¹.

По прибытии в Гродеково, 25 ноября Семенов приказал штабы и учреждения Дальневосточной армии считать расформированными и назначил генерала Савельева своим заместителем в отношении воинских частей этой армии, прибывавших в Приморскую область. 28 ноября атаман возложил на него реформирование частей армии, по следующей схеме: все казачьи части свести в одну казачью дивизию под командованием генерала Мацеевского; все кавалерийские части, входившие в состав корпусов Дальневосточной армии — в одну кавалерийскую бригаду под командованием генерала Нечаева, а все пехотные части — в одну пехотную дивизию, начальника которой предлагалось назначить по усмотрению генерала Савельева². Приказ о расформировании армии был воспринят каппелевцами как ничем не оправданное издевательство над ними³.

В дальнейшие планы Семенова входил захват власти в Приморской области, куда он намеревался перебросить все воинские части, вышедшие из Забайкалья в полосу отчуждения КВЖД. Переворот предполагалось осуществить одновременно в Никольске Уссурийском и Владивостоке. 5 декабря 1920 г. Семенов тайно прибыл во Владивосток для консультаций с японским командованием. Но в штабе японского экспедиционного корпуса он узнал, что оставшиеся в Маньчжурии каппелевские генералы Г.А. Вержбицкий, П.П. Петров, И.С. Смолин и В.М. Молчанов накануне заявили о

¹ Петров П.П. Роковые годы... С. 258–260.

² РГВА. Ф. 39532. Оп. 1. Д. 26. Л. 14, 15, 17.

³ Петров П.П. Роковые годы... С. 260

своим отказе от дальнейшего подчинения Семенову как главнокомандующему. По их поручению генерального штаба полковник Л.Л. Ловцевич сделал соответствующее официальное заявление начальнику японской военной миссии в Харбине генералу Хамомоте. Готовящийся военный переворот в Приморье тем самым был сорван. 5 декабря Семенов со своим штабом оставил Владивосток и выехал на Гензан – Сеул. 9 декабря он прибыл в Порт-Артур, где намеревался продолжить организационную работу по подготовке выступления весной 1921 года¹.

Вооруженные силы Российской восточной окраины имели компактную и стройную организационную структуру. Во главе их стояли опытные военачальники, прошедшие 1-ю мировую и гражданскую войны. Личный состав представляли испытанные бойцы, подавляющее большинство которых являлось активными участниками вооруженной борьбы с Советской властью в течение всего периода широкомасштабной гражданской войны на востоке России.

Но в 1920 г., когда главные ударные группировки Белого движения, армии Колчака и Деникина, были разгромлены, у Вооруженных сил Российской восточной окраины уже не было шансов на боевой успех как в общероссийском, так и в региональном масштабе. Само их существование было непосредственно связано с присутствием на Дальнем Востоке японских интервентов. С их эвакуацией из Забайкалья в октябре 1920 г. была предрешена и судьба белой армии. Разногласия и противоречия в высшем командовании Вооруженных сил Российской восточной окраины связаны были с отсутствием общего стратегического плана дальнейшей борьбы и осознанием ее бесперспективностью.

¹ *Атаман Семенов. О себе...* С. 219–222.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОММУНИСТОВ СИБИРИ О ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РКП(б) – ВКП(б) в 1920-е ГОДЫ

В статье рассмотрены политические представления сибирских коммунистов о демократизации большевистской партии в 1920-е годы. На основе опубликованных стенограмм партийных съездов и конференций, материалов периодической печати и архивных источников выяснено, что понимало под «внутрипартийной демократией» высшее партийное руководство, показано, как трансформировалось это понятие на протяжении 1920-х годов, вскрыты различия в трактовке «внутрипартийной демократии» ответственными работниками разных уровней и рядовыми коммунистами. Сделан вывод о том, что партийное руководство Сибири полностью восприняло те представления о демократизации партии, которые транслировал ЦК, но не сумело, однако, добиться того же от местных партийных организаций.

Ключевые слова: РКП(б), ВКП(б), Сиббюро ЦК, Сибкрайком, внутрипартийная демократия, политические представления, политическая повседневность.

Российская (с декабря 1925 г. — Всесоюзная) коммунистическая партия большевиков на протяжении почти семи десятилетий являлась единственной правящей партией в советской России. Политические представления и установки, ценностные ориентиры и поведенческие практики членов РКП(б) – ВКП(б) стали неотъемлемой частью советской политической повседневности. Представления о сущности коммунистического режима, о стоявших перед большевистской партией целях и задачах, о механизмах власти и её носителях служили основополагающими факторами, определявшими политику высшего партийного руководства. Проведение этой политики в жизнь в свою очередь зависело от того, насколько успешно транслировавшиеся из Центра идеи, ценности и установки воспринимались ответственными работниками и рядовыми членами партии на местах.

После взятия большевиками власти важнейшим программным требованием РКП(б) являлось построение государства на принципах «пролетарской, или советской демократии». Программа РКП(б), утвержденная в марте 1919 г. VIII партийным съездом, провозгласила главной задачей большевистской партии проведение в жизнь «высшего типа демократизма, требующего для своего

правильного функционирования постоянного повышения уровня культуры, организованности и самостоятельности масс»¹. Решению этой явно непростой задачи должно было способствовать соблюдение демократических принципов внутри самой РКП(б). Несмотря на то, что большевистская партия со времени ее создания являлась жестко централизованной организацией вождистского типа, завершение гражданской войны и укрепление политических позиций большевиков в России позволили руководству РКП(б), тем не менее, поставить вопрос о внутрипартийной демократии. С начала 1920-х годов этот термин стал неотъемлемой составляющей политического дискурса, а обсуждение на различных партийных собраниях методов и результатов проведения внутрипартийной демократии в жизнь приобрело едва ли ни ритуальный характер.

Значение, придаваемое большевиками внутрипартийной демократии, обусловило неподдельный интерес к ней со стороны советских историков. Наглядным подтверждением этого факта является как наличие многочисленных специальных исследований², так и целых разделов в публикациях, посвященных истории коммунистической партии и отдельных её организаций³. Рас-

¹ Программа Российской коммунистической партии (большевиков) // Коммунистическая партия Советского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 76.

² *Гаврилов А.М.* Внутрипартийная демократия в большевистской партии. М., 1951. 144 с.; *Макаева А.Т.* Развитие внутрипартийной демократии в РКП(б) в восстановительный период (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953. 17 с.; *Коптева Е.А.* Борьба КПСС за развертывание внутрипартийной демократии в период между XIV и XV съездами (1926–1927 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1960. 24 с.; *Клочко В.Ф.* Внутрипартийная демократия и партийная дисциплина. М., 1967. 61 с.; *Карев М.В.* Развитие внутрипартийной демократии в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. 20 с.; *Поспехов В.П.* Деятельность Московской партийной организации по дальнейшему развитию внутрипартийной демократии в годы первой пятилетки (1928–1932 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. 30 с.; *Паршиков Н.А.* Борьба за развитие внутрипартийной демократии в начальный период социалистической реконструкции народного хозяйства СССР (1926–1929 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 24 с.; и др.

³ См., например: *Андрухов Н.Р.* Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.). М., 1977. С. 145–224; *Он же.* Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР (1917–1937 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1978. С. 32–42; *Молеготовов И.А.* Сибкрайком. Партийное строительство в Сибири (1924–1930 гг.). Новосибирск,

смотрев формы и методы работы партийных органов, их деятельность по выдвижению рабочих и крестьян, а также вопросы о критике и самокритике в партии, советские авторы констатировали, что в 1920-е годы в РКП(б) – ВКП(б) происходило «последовательное расширение и углубление партийной демократии». Они утверждали, что эта тенденция являлась воплощением одного из главных ленинских принципов, и приводили в доказательство цитату из небольшой брошюры, опубликованной В.И. Лениным еще в январе 1907 г. В ней Владимир Ильич писал: «Российская социал-демократическая рабочая партия организована демократически. Это значит, что все дела партии ведут, прямо или через представителей, все члены партии, на равных правах и без всякого исключения; причем все должностные лица, все руководящие коллегии, все учреждения партии — выборные, подотчетные, сменяемые»¹. Приняв это определение за непреложную и неизменную истину и закрыв глаза на несоответствие декларированного принципа советским реалиям, исследователи стремились доказать, что партийное руководство было подлинно коллективным, а взаимоотношения между партийными органами разных уровней — по-настоящему демократическими.

В начале 1990-х годов ситуация заметно изменилась. Методологический плюрализм и доступ к новым, неизвестным прежде историческим источникам позволили историкам установить новые факты и пересмотреть прежние выводы. В научный оборот был введен обширный материал, свидетельствующий о том, что в РКП(б) – ВКП(б) имелись серьезные разногласия по вопросам о состоянии партии, возможности и своевременности допущения внутрипартийной демократии, о формах и методах проведения её в жизнь². Вскрыв противоречие между большевистской пропаган-

1978. С. 250–304; *Мельников В.П.* Коммунистическая партия в 20–30-х годах: опыт и противоречия внутрипартийной работы. М., 1991. С. 94–123; и др.

¹ *Ленин В.И.* Социал-демократия и выборы в думу // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1972. Т. 14. С. 252.

² *Земцов Б.Н.* Оппозиционные группировки 20–30-х годов (саморазрушение революции). М., 1992. 126 с.; *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992. 198 с.; *Он же.* «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // *Из прошлого Сибири.* Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 101–123; РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923: Документы и материалы / Отв. сост. В.П. Вилкова. М., 2004. 462 с.; *Павлюченков С.А.* «Орден мечаосцев»: партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. 463 с.; и др.

дой и реально существовавшими в РКП(б) – ВКП(б) бюрократическими и олигархическими тенденциями, исследователи, тем не менее, по-разному объясняли и объясняют трансформацию, произошедшую с большевистской партией на протяжении 1920-х годов. Одни полагают, что при В.И. Ленине в партии наметилась некая демократическая тенденция, которая, однако, оказалась пресечена в результате укрепления политических позиций И.В. Сталина и его победы над внутрипартийной оппозицией, привела к установлению тоталитарного режима¹. Другие исследователи рассматривают ленинский политический курс как одну из предпосылок сталинизма, непосредственно предопределившую свертывание внутрипартийной демократии².

Признавая аргументированность как первой, так и второй концепций, нужно вместе с тем отметить, что исследователи оставили в стороне сразу несколько принципиальных вопросов. Какой смысл вкладывало высшее партийное руководство в само понятие «внутрипартийная демократия»? Трансформировалось ли оно с течением времени? Как интерпретировали его ответственные работники областного, губернского и уездного уровня и каким образом воспринимали этот термин рядовые коммунисты? Представляется, что без ответов на эти вопросы невозможно в полной мере оценить ни сущность и результаты внутрипартийных дискуссий, ни состояние РКП(б) – ВКП(б) в целом и наличие в ней демократических норм.

* * *

Созданная в начале XX века в виде узкой организации профессиональных революционеров, действовавших в основном нелегально, большевистская партия претерпела к началу 1920-х годов существенные изменения. Взятие большевиками государственной власти, установление советского режима на большей части бывшей Российской империи и затем победа в гражданской войне карди-

¹ *Роговин В.З.* Была ли альтернатива? «Троцкизм»: взгляд через годы. М., 1992. 400 с.; *Он же.* Власть и оппозиции. М., 1993. 400 с.; *Демидов В.В.* Политическая борьба и оппозиция в Сибири, 1922–1929 гг. Новосибирск, 1994. 165 с.; *Гусев А.В.* Левокоммунистическая оппозиция в СССР в конце 1920-х годов // Отечественная история. 1996. № 1. С. 85–103; и др.

² *Олех Г.Л.* Поворот, которого не было: борьба за внутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992. 198 с.; *Павлова И.В.* Сталинизм. Становление механизма власти. Новосибирск, 1993. 251 с.; *Назаров О.Г.* Сталин и борьба за лидерство в большевистской партии в период НЭПа. М., 2000. 204 с.

нально изменили положение РКП(б) в стране и в обществе, превратили ее в привлекательную структуру для политически активных слоев населения. В результате численность партийных рядов резко выросла. С января 1917 по декабрь 1919 г. количество членов партии увеличилось с 23,6 тыс. до 431,4 тыс. человек¹. Причем теперь в РКП(б) вступали не только идейные революционеры, но и люди, одни из которых были далеки от политики в силу своей политической неграмотности, тогда как другие таким путем стремились внедриться во властные структуры. Показателем обеих отмеченных тенденций в некоторой степени может служить её социальный состав². По данным на январь 1920 г., РКП(б) состояла из 188,8 тыс. рабочих (43,8 % всей численности), 108,4 тыс. крестьян (25,1 %), 134,2 тыс. служащих и «прочих» (31,1 %)³. С одной стороны, такое соотношение позволяло квалифицировать РКП(б) как рабоче-крестьянскую партию, что в общем и целом соответствовало тому имиджу, который старалось поддерживать её руководство. С другой стороны, многие новоиспеченные ее члены, особенно из крестьянской среды, не только плохо знали и понимали Программу и Устав РКП(б), но и зачастую были элементарно безграмотными, не умели даже читать и писать, а многие служащие и так называемые бывшие «буржуазные специалисты» не разделяли коммунистическую идеологию.

Политическая и элементарная неграмотность рядовых коммунистов, стремление высшего партийного руководства к удержанию власти путем ужесточения внутрипартийной дисциплины, централизация аппарата, сохранение милитаристских методов работы привели к углублению внутрипартийных проблем и нарастанию негативных тенденций. Не случайно состоявшаяся в сентябре 1920 г. IX конференция РКП(б) признала свершившимся фактом наличие в партии «верхов» и «низов», бюрократизацию партаппарата, отсутствие должных условий для свободы критики.

Одной из наиболее важных внутрипартийных проблем, обсуждавшихся на конференции, стал вопрос о неравенстве в РКП(б).

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 144. Л. 3; Оп. 68. Д. 145. Л. 102.

² Из-за слабости системы учёта в первые годы Советской власти партийные органы фиксировали только так называемое «социальное положение» коммунистов, под которым большевики понимали социальный статус на момент вступления в партию, т.е. «социальное происхождение», что далеко не всегда соответствовало реальному социальному положению.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 235. Л. 210.

Выступивший с докладом «Об очередных задачах партии» кандидат в члены Политбюро ЦК и председатель исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев заявил, обращаясь к делегатам конференции: «Не надо обманывать себя тем, что мы здесь сейчас собрались от „низов“. Мы, все вместе взятые, как партийный слой, и есть „верхи“, на этот счет не нужно заблуждаться»¹. Большинство ЦК и представители так называемой «рабочей оппозиции» прямо обращали внимание на колоссальную разницу в условиях жизни ответственных работников и основной «трудающей массы». В резолюции, принятой по докладу Г.Е. Зиновьева, было зафиксировано, что «это неравенство нарушает демократизм и является источником разложения партии и понижения авторитета коммунистов»².

Примечательно, однако, что ни докладчик, ни делегаты, выступившие в прениях, даже приблизительно не сформулировали, что они вкладывают в термин «демократизм». Их понимание внутривнутрипартийной демократии проявилось исключительно в противопоставлении её таким явлениям как неравенство, назначенчество, бюрократизм, разложение партии.

Для преодоления названных негативных явлений IX конференция РКП(б) предложила принять ряд мер, среди которых были названы регулярное проведение общих партийных собраний, организация пропагандистской работы, учреждение при «Известиях ЦК РКП(б)» и при аналогичных печатных органах губернского уровня специальных дискуссионных листков, в которых, по выражению Г.Е. Зиновьева, «каждый член партии имел [бы] возможность изложить свой взгляд»³, систематические кадровые переброски, замена назначений рекомендациями. Признав, таким образом, необходимость постепенной демократизации партийной жизни, высшее партийное руководство вместе с тем продемонстрировало свою неготовность к кардинальным переменам в РКП(б). Формальный отказ от назначенчества, как справедливо отметил Г.Л. Олех, на самом деле означал лишь замену одного термина другим, а сама резолюция «оставляла широкий простор для бюрократических маневров»⁴.

Практика назначения кадров была не только сохранена, но и

¹ Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 г. Протоколы. М., 1972. С. 146.

² Там же. С. 281.

³ Там же. С. 148–149.

⁴ Олех Г.Л. Поворот, которого не было: борьба за внутривнутрипартийную демократию 1919–1924 гг. Новосибирск, 1992. С. 54.

заметно расширена, выборы на руководящие должности в уездных, губернских и областных организациях носили декоративный характер, а свобода критики допускалась, как правило, в ограниченном виде. Например, вместо «дискуссионных листков», которые предполагалось издавать в качестве приложений к печатным органам губкомов партии, были учреждены лишь небольшие «дискуссионные отделы» внутри некоторых, но далеко не всех, партийных газет и журналов.

В Сибири первый такой отдел был учрежден в октябре 1920 г. в областной партийной газете «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)». С 17 октября по 16 декабря 1920 г. в этой рубрике были напечатаны в общей сложности семь статей, четыре из которых принадлежали двум членам самого Сиббюро ЦК: начальнику Сибирского политического управления путей сообщения В.Н. Яковлевой и заведующему агитационно-пропагандистским отделом Сиббюро ЦК Е.М. Ярославскому¹. Это означало, что большинство публикаций, которые выдавались за дискуссионные, на самом деле отражали точку зрения высшего партийного органа Сибири и были нацелены не столько на обеспечение свободы критики, сколько на пропаганду идей, транслировавшихся из ЦК. Однако даже в таком искаженном варианте «дискуссионный отдел» не получил широкого распространения. Из шести сибирских губкомов примеру Сиббюро ЦК последовал только Томский, учредивший в начале 1921 г. аналогичную рубрику в «Известиях Томского губернского комитета РКП(б)»².

Тогда же, в середине января 1921 г., Сиббюро ЦК предприняло попытку реформатировать «дискуссионный отдел» «Известий Сиббюро ЦК» в полноценный «дискуссионный листок». В номере от 17 января для этого были выделены две полосы, вместившие сразу четыре публикации. Анализ их содержания наглядно демонстрирует неоднородность и противоречивость имевших место в РКП(б) политических представлений. Так, один из авторов писал:

¹ *Ярославский Е.М.* Надо оживить работу (к вопросу о способах оживления «верхов» и «низов» и коммунистического воспитания членов партии) // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1920. 21 ноября; *Яковлева В.* Все о том же // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1920. 28 ноября; *Она же.* Еще о профсоюзах // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1920. 16 декабря.

² *В.М.* Неотложные задачи в деле укрепления партии // Известия Томского губернского комитета РКП(б). Томск, 1921. № 1. С. 14; *П. В[ерхотуров]* В. О «верхах» и «низах» // Там же. С. 15.

«Рабочая демократия, это означает — долой бюрократию, где бы то ни было, — в партии, совете или профессиональном союзе. Рабочая демократия — это означает, прежде всего, самостоятельность рабочих масс в какой бы организации они не состояли. И принципы рабочей демократии отнюдь не надо смешивать с принципами обязательного равноправия в деле питания, жилья, одежды, средств сообщения и т.д.»¹. Такое понимание рабочей демократии отличалось от положений, выдвинутых IX конференцией РКП(б), как минимум в двух аспектах. Во-первых, оно допускало распространение рабочей демократии на советы и профсоюзы, тогда как конференция обсуждала возможности демократического развития пока только внутри РКП(б). Во-вторых, в резолюции партконференции неравенство связывалось именно с разницей в уровне жизни, что так решительно отрицал автор дискуссионной статьи.

И всё же эти разночтения казались не столь серьезными на фоне опубликованной в том же «дискуссионном листке» статьи бывшего военного комиссара 26 и 35-й стрелковых дивизий А.Л. Шифреса, откомандированного осенью 1920 г. на партийную работу на Черемховские копи. Характеризуя состояние партии, автор прямо обвинил высшее партийное руководство в «бланкизме», под которым подразумевал единоличное управление узкой группы революционеров, установление военной дисциплины, отстранение широких партийных и беспартийных масс от принятия политических решений². Критика сложившегося положения была столь жесткой, что статью было решено напечатать только в «сопровождении» почти равной ей по объему публикации Е.М. Ярославского, доказывавшего ошибочность и вредность изложенных А.Л. Шифресом идей³.

Допуская такие статьи к печати, редакция «Известий Сиббюро ЦК» прямо выполняла директиву IX партийной конференции. Однако опасность оказаться виновными в распространении взглядов, противоречивших линии ЦК, была столь велика, что члены редколлегии готовы были использовать любую возможность для того, чтобы избавиться от столь тяжелой ответственности.

¹ *Файнгольд Б.* О рабочей демократии и профессиональных союзах // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1921. 17 января.

² *Шифрес А.* К кризису русского рабочего движения // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1921. 17 января.

³ *Ярославский Е.М.* Отрывка махаевщины в коммунизме // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1921. 17 января.

Заметно ускорили решение об отказе от публикации дискуссионных статей кадровые перемены. Отъезд из Сибири сначала В.Н. Яковлевой, отозванной в распоряжение ЦК еще в декабре 1920 г., а затем Е.М. Ярославского, выехавшего в Москву в феврале 1921 г. для участия в работе X съезда партии, лишили редакцию «Известий Сиббюро ЦК» двух основных авторов, способных направлять ход дискуссии в нужное русло и, как в случае с А.Л. Шифресом, умело оспаривать положения, не соответствовавшие точке зрения областного руководства. С этого времени в официальном печатном органе Сибирского бюро ЦК больше не было напечатано ни одной дискуссионной статьи. С апреля 1921 г., ориентируясь на областной печатный орган, отказались от этой практики также и «Известия Томского губкома РКП(б)».

Закрытие «дискуссионного листка» и даже «дискуссионных отделов», требования железной дисциплины от всех членов партии, откомандирование и назначение на ответственные посты партийных работников из других краев и областей советской России свидетельствовали о прочном укоренении в РКП(б) милитаристских форм и методов работы. Но завершение гражданской войны на большей части территории России и постепенный переход к мирной жизни с новой силой актуализировали вопрос о развитии внутривнутрипартийной демократии. Впервые прямо и определенно он был поставлен на состоявшемся в конце марта — начале апреля 1921 г. X съезде РКП(б), выявившим несколько различных точек зрения на эту проблему.

Наиболее осторожную позицию занял кандидат в члены Политбюро ЦК и главный редактор газеты «Правда» Н.И. Бухарин, выступивший на съезде с докладом о партийном строительстве. Оправдывая сложившееся в РКП(б) положение условиями военного времени, Н.И. Бухарин, тем не менее, признал необходимость постепенной демократизации партийной жизни. «Мы сейчас, — говорил Н.И. Бухарин, — должны стоять в общем за формы рабочей демократии внутри партии, которые могут выразиться в выборности, широких дискуссиях и т.д. и т.д. [...] Предварительная центральная задача, которая перед нами выдвигается и разрешения которой требует момент, это — вопрос о формах организации партии, и эта задача должна быть разрешена установлением рабочей демократии»¹.

¹ Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 233.

Первое, что обращает на себя внимание в приведенной цитате, как и в докладе о партийном строительстве в целом — это использование в качестве синонимов двух в сущности разных терминов: «внутрипартийная демократия» и «рабочая демократия». По всей видимости, члены РКП(б), позиционировавшей себя «авангардом пролетариата», действительно воспринимали эти понятия как тождественные. Однако для Н.И. Бухарина, активно оперировавшего именно вторым вариантом, такая взаимозаменяемость терминов имела свое практическое значение. Ассоциируя демократию прежде всего с рабочим классом, докладчик предложил наиболее активно проводить её в партийных организациях с высоким процентом рабочих и ограничивать в тех, в которых преобладали другие социальные категории. Кроме того, Н.И. Бухарин настойчиво предостерегал делегатов съезда от распространения демократических методов работы за пределы РКП(б), а также акцентировал внимание на том, что при изменении политической ситуации демократия может быть незамедлительно свернута и внутри самой партии.

Гораздо более радикально были настроены представители оппозиционных течений. Странник так называемой «рабочей оппозиции», член партии с 1912 г. Е.Н. Игнатов утверждал: «Партия должна решительно встать на сторону принципов рабочей демократии, отбросить мелочную опеку и пойти на доверие к сознательности “низов”». Необходимым условием проведения внутрипартийной демократии «рабочая оппозиция» считала отмену «назначенства» и обеспечение подлинной выборности на партийные должности. Отстаивая эту точку зрения, Е.Н. Игнатов беспелляционно заявил: «С этим институтом уполномоченных и назначенцев нужно покончить!»¹.

С не меньшим упорством необходимость курса на внутрипартийную демократию отстаивала группа «демократического централизма». Выступивший от её имени член партии с 1903 г. В.Н. Максимовский солидаризировался с Н.И. Бухариным в том, что «в обстановке боя, конечно, нельзя применять никаких демократических форм», но в то же время выступил с категорическим протестом против механического перенесения «военных приемов в ту область, где они не нужны»². По мнению В.Н. Максимовского, именно введение демократических форм работы являлось неотъемле-

¹ Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 240–242.

² Там же. С. 246–247.

мым условием повышения уровня политической подготовки и сознательности рядовых коммунистов. Основным предложением «децистов» по вопросу о проведении внутрипартийной демократии в жизнь являлось обеспечение свободного обсуждения внутри партии разных вопросов и создание «свободы мнений для отдельных товарищей и групп» в РКП(б)¹.

Результатом дискуссии о партийном строительстве стала резолюция, утвержденная съездом 16 марта 1921 г. Именно в этом документе впервые в истории большевистской партии было четко сформулировано официальное определение внутрипартийной демократии. «Под рабочей внутрипартийной демократией, — гласил 18 пункт резолюции, — разумеется такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве». Далее уточнялось: «Форма рабочей демократии исключает всякое назначенчество, как систему, а находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т.д.»². Это определение, носившее во многом компромиссный характер, объединило в себе как осторожную позицию Центрального комитета, так и довольно радикальные идеи «рабочей оппозиции», выступавшей за абсолютный отказ от назначения на ответственные посты.

Формально удовлетворив тем самым требования оппозиционно настроенных делегатов, X партийный съезд в то же время принял решение, серьезно ограничивавшее возможности проведения внутрипартийной демократии в том виде, в котором это предлагалось в выше названной резолюции. Решающее значение имело заявление В.И. Ленина, провозгласившего с трибуны съезда, что коммунистическая партия не является дискуссионным клубом³. Призвав делегатов к дружной и сплоченной работе, В.И. Ленин провел через съезд резолюцию «О единстве партии». Седьмой пункт этой резолюции, не подлежавший опубликованию в печати, предоставлял Центральному комитету полномочия «применять в

¹ Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933. С. 254.

² Там же. С. 609.

³ Там же. С. 527.

случае нарушения дисциплины или возрождения или допущения фракционности все меры партийных взысканий вплоть до исключения из партии»¹. В итоге сложилась парадоксальная по своей сути ситуация. Документально закрепив в резолюции о партийном строительстве право всех членов партии на участие «в обсуждении всех вопросов», съезд в то же время предостерегал коммунистов от «неделовой и фракционной критики», к которой на практике могло быть приравнено любое нежелательное для высшего партийного руководства высказывание.

Двойственность решений X съезда, который, казалось бы, дал четкое определение внутривнутрипартийной демократии, привела в замешательство низовые партийные организации. Поведение губернских и уездных комитетов во многом зависело от того, какую из двух противоречивших друг другу резолюций они принимали в качестве руководства к действию. В середине июля 1921 г. член Сибирской контрольной комиссии, член партии с 1905 г. Л.Б. Суница, анализируя сложившееся в Сибири положение, писал о существовании здесь сразу двух крайностей: с одной стороны, «демократического» преклонения перед «волей масс», грозящего ослаблением партийного руководства, а с другой — ситуации, когда парткомы «зажимают рот», причем не только представителям оппозиции, но «подчас и всей периферии»².

Стремясь преодолеть такие явления, Сиббюро ЦК направляло на места специальные директивы, осуществляло непосредственное инструктирование губернских и уездных работников, активно использовало для пропаганды «правильных» представлений о внутривнутрипартийной демократии партийную печать. Однако явное несоответствие принятой X съездом резолюции «О партийном строительстве» политическим реалиям времени неизбежно вело к нарастанию недовольства в РКП(б) и возникновению серьезных разногласий между партийными органами разного уровня. Одним из наиболее резонансных оказался конфликт, развивавшийся между Омским губкомом РКП(б) и Сибирским бюро ЦК с января по май 1922 г. и известный в историографии как «Омское дело»³.

¹ Резолюция о единстве партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2: 1917–1922. М., 1983. С. 336–337.

² Суница Л. Внутривнутрипартийная демократия // Известия Сиббюро ЦК РКП(б) (Омск). 1921. 15 июля.

³ Подробнее см.: Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 101–123.

Несмотря на резолюцию X съезда РКП(б), формально провозгласившую выборность всех партийных органов, основным методом проведения кадровой политики в партии по-прежнему оставалось назначение на руководящие должности. ЦК РКП(б) продолжал «рекомендовать», а фактически именно назначать ответственных работников на все более-менее значимые посты вплоть до секретарей губернских комитетов. Состав губкомов, формально избиравшихся на губернских партийных конференциях, на самом деле формировался по рекомендации областных комитетов партии, предлагавших на голосование список подлежащих избранию кандидатур. Поэтому когда в январе 1922 г. Омская губернская партийная конференция отклонила список кандидатов, рекомендованных Сиббюро ЦК, и самостоятельно избрала состав нового губкома, областной центр воспринял случившееся не иначе как недопустимое нарушение внутривнутрипартийной дисциплины.

Иного мнения придерживалось новое руководство омской партийной организации. Избранные в состав губкома бывший секретарь Омского уездного комитета РКП(б) И.Е. Потемкин, а также бывшие члены районных комитетов РКП(б) города Омска Н.А. Максимов и Ф.М. Шемис отстаивали необходимость активного проведения внутривнутрипартийной демократии путем обеспечения выборности должностных лиц, свободы мнений внутри РКП(б), орабочения партийного аппарата и временного откомандирования ответственных работников на производство, благодаря чему все трое оказались в числе сторонников «рабочей оппозиции».

И хотя перечисленные требования, по справедливой оценке Г.Л. Олеха, «ничуть не выходили за рамки официально декларированных в 1920–1921 гг. принципов и форм демократизации партийного режима»¹, высшее и областное партийное руководство применили к «непокорному» губкому самые жесткие санкции. В апреле 1922 г. Оргбюро ЦК постановило отозвать из Омска членов президиума губкома и заново сформировать последний из партийных работников, рекомендованных Сиббюро ЦК и Центральным комитетом. В мае того же года по решению Сиббюро ЦК вся губернская партийная организация была подвергнута основательной чистке, по итогам которой 176 членам партии были объявлены выговоры и 18 коммунистов оказались отозваны из губер-

¹ Олех Г.Л. «Омское дело» 1922 г.: хроника и смысл событий // Из прошлого Сибири. Новосибирск, 1994. Вып. 1. Ч. 1. С. 119.

нии¹. На заседании Центральной контрольной комиссии, которое состоялось в Москве 2 июня 1922 г., бывшее руководство Омской организации было обвинено в невыполнении решений вышестоящих органов, И.Е. Потемкин и Ф.М. Шемис — исключены из рядов РКП(б), а другие члены оппозиционного губкома получили различные партийные взыскания.

Меры, принятые по отношению к омскому руководству, действовавшему под лозунгом демократизации партийной жизни, наглядно свидетельствовали о том, что сформулированное X съездом РКП(б) определение внутрипартийной демократии имело в действительности мало общего с истинными представлениями высшего и областного партийного руководства о том, как должны строиться взаимоотношения внутри партии. Продолжая пропагандировать идею развития рабочей демократии, ЦК и его Сибирское бюро последовательно блокировали этот процесс на практике. Применявшиеся для этого административно-репрессивные меры, конечно, не могли снять расхождения между теорией и практикой и только усиливали существовавшее в партийной среде недовольство.

Напряженность, продолжавшая нарастать внутри РКП(б), нашла очередной выход в середине октября 1923 г., когда сорок шесть «старых» большевиков обратились с письменным заявлением в Политбюро ЦК. Наряду с известными оппозиционерами — В.Н. Максимовским, Е.А. Преображенским, Г.Л. Пятаковым, Т.В. Сапроновым, в числе подписантов оказались и те коммунисты, которые прежде последовательно и рьяно проводили линию ЦК. В своем заявлении они констатировали факт хозяйственного и финансового кризиса в СССР, неправильность партийного руководства, разделение РКП(б) «на секретарскую иерархию» и «мирян». «Свободная дискуссия внутри партии, — говорилось в письме, — фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло». Охарактеризовав установившийся режим как совершенно нестерпимый и убивающий «самодеятельность масс», подписанты предлагали как можно скорее заменить его «режимом товарищеского единства внутрипартийной демократии»².

¹ Энциклопедия города Омска: в 3 т. / Под ред. Г.А. Павлова, Л.В. Новоселовой, С.Г. Сизова. Т. 1: Омск: от прошлого к настоящему. Омск, 2009. С. 300.

² «Заявление 46-ти» в Политбюро ЦК РКП(б). 15 октября 1923 г. // РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923: Документы и материалы. М., 2004. С. 180–186.

Новость о письме сорока шести коммунистов довольно быстро вышла за пределы Центрального комитета. Не имея возможности далее скрывать назревшие разногласия, ЦК РКП(б) был вынужден вынести вопрос на всеобщее обсуждение. Чтобы хоть как-то оправдать почти трехнедельное замалчивание тех претензий, которые были сформулированы оппозиционно настроенными коммунистами, высшее партийное руководство мастерски приурочило дискуссию к очередному юбилею Октябрьской революции. 7 ноября 1923 г. газета «Правда» опубликовала статью Г.Е. Зиновьева с оценкой текущего состояния РКП(б)¹, сообщив при этом, что все затронутые автором вопросы редакция «ставит на дискуссию». Рядовым коммунистам и даже беспартийным рабочим было предложено обращаться в газету со своими письмами, статьями и заметками на заявленную тему². Таким образом, впервые вопрос о внутрипартийной демократии, ранее обсуждавшийся, самое большее, на съезде партии, оказался официально вынесен на широкую дискуссию.

В течение ноября газета регулярно публиковала поступавшие в редакцию отклики на статью Г.Е. Зиновьева, создавая тем самым видимость свободы мнений. Однако на первых порах местные партийные организации не проявили заинтересованности и активности. «Дискуссия по внутрипартийным вопросам, — писал член президиума ЦКК А.А. Сольц, — застала провинцию врасплох. Общая растерянность, выжидательное настроение — вот что характерно и для аппарата, и для отдельных ответственных работников»³. Так, ни один губернский партийный журнал Сибири в течение ноября не счел нужным проинформировать своих читателей о ходе дискуссии. В Сибирской партийной организации состояние партии и меры проведения внутрипартийной демократии в жизнь стали предметом открытого обсуждения только в декабре 1923 г., когда в столице дискуссия фактически была завершена.

Её итогом стала резолюция «О партийном строительстве», принятая объединенным пленумом ЦК и ЦКК 5 декабря 1923 г. В документе утверждалось, что интересы партии требуют изменения политического курса в сторону «действительного и систематиче-

¹ Зиновьев Г.Е. Новые задачи партии // Правда. 1923. 7 ноября.

² Отклики на статью Г.Е. Зиновьева, напечатанные «Правдой» в течение ноября 1923 г., опубликованы в книге «РКП(б). Внутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923» (М., 2004. С. 278–281).

³ А.С. Дискуссия и провинция (впечатления) // Правда. 1923. 5 декабря.

ского проведения принципов рабочей демократии». Далее приводилось пояснение: «Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свободу дискуссий по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху»¹.

Взяв таким образом за основу определение демократии, предложенное X съездом РКП(б), высшее партийное руководство внесло в него не очень явное, но весьма существенное изменение. Подтвердив право всех без исключения коммунистов на свободу мнений, ЦК и ЦКК отказали им в самом главном — «активном участии в партийном строительстве». Зато вынесенный X съездом запрет на создание фракций и группировок был полностью подтвержден. Резолюция почти дословно воспроизвела заявление В.И. Ленина, сделанное им в марте 1921 г. с трибуны X съезда, еще раз подтвердив, что партия «не может быть рассматриваема как дискуссионный клуб для всех и всяческих направлений»².

Большинство краевых и областных партийных организаций безоговорочно поддержали резолюцию ЦК и ЦКК. В Сибири 29 декабря 1923 г. состоялось специальное заседание Сиббюро ЦК РКП(б), посвященное вопросу «о внутривнутрипартийном положении в связи с дискуссией». По итогам обсуждения Сиббюро постановило, что «единогласно поддерживает курс, взятый Политбюро ЦК и ЦКК в резолюции о партстроительстве»³.

Стремясь добиться аналогичных решений от нижестоящих парткомов, областное партийное руководство направило на места письмо с разъяснением своей позиции, а также развернуло пропаганду через газеты и журналы. Вышедший в конце декабря 1923 г. номер «Известий Сиббюро ЦК» открывался статьей, сообщавшей о завершении дискуссии: «По сути дела дискуссия можно бы считать законченной, ибо решение принято и решение, объединяющее большинство партии, и теперь остается только последовательное проведение начал демократии в наших организациях»⁴. В завершение статьи Сиббюро выражало надежду на то, что все

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 398. Л. 13; Из резолюции ЦК и ЦКК РКП(б) «О партстроительстве». 5 декабря 1923 г. // РКП(б). Внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы, 1923: Документы и материалы М., 2004. С. 288.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 398. Л. 14.

³ ГАНО. Ф.П-1. Оп. 3. Д. 41. Л. 284.

⁴ На повороте // Известия Сиббюро ЦК РКП(б). Новониколаевск, 1923. № 65–66. С. 3–5.

без исключения партийные организации Сибири примут резолюцию ЦК и ЦКК к немедленному исполнению, а также «целиком и полностью» смогут обеспечить её проведение в жизнь.

Наиболее оперативно на призывы Сиббюро ЦК отреагировал Енисейский губернский комитет. Уже 3 января 1924 г. секретарь губкома Р.Я. Кисис направил телеграмму одновременно в ЦК и в Сиббюро, в которой сообщал об одобрении губкомом нового курса. В подтверждение абсолютной солидарности с позицией высшего партийного руководства Р.Я. Кисис сообщал: «Считая необходимым широкое и свободное обсуждение по всей организации вопросов внутрипартийной жизни и строительства, а также и всех других вопросов политики партии, пленум [Енисейского губкома РКП(б)] решительно отвергает мысль о допустимости создания в партии фракций и группировок, могущих поколебать её единство»¹.

В январе 1924 г. правильность политической линии, принятой Центральным комитетом, была формально подтверждена решениями XIII конференции, а в мае 1924 г. — резолюцией XIII съезда РКП(б). Однако уже в ходе этих партийных форумов сталинским большинством было сформулировано совсем другое и более обобщенное понимание внутрипартийной демократии. В своем выступлении на XIII партконференции генеральный секретарь ЦК И.В. Сталин обвинил оппозицию в стремлении к свободе группировок и отождествлении демократии с фракционностью. «Мы не так понимаем демократию, — объяснял И.В. Сталин. — Мы демократию понимаем как поднятие активности и сознательности партийной массы, как систематическое втягивание партийной массы в дело не только обсуждения вопросов, но и в дело руководства работой»². Настаивая вслед за В.И. Лениным на невозможности превращения партии в «дискуссионный клуб», генсек утверждал: «Партийная масса понимает демократию как создание условий, обеспечивающих активное участие членов партии в деле руководства нашей страной, а пара интеллигентов из оппозиции понимает дело так, чтобы дали ей возможность создать фракцию»³.

На первый взгляд может показаться, что предложенная формулировка являлось лишь возвращением к понятию, сформулиро-

¹ ГАНО. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 380. Л. 2.

² Тринадцатая конференция Российской коммунистической партии (большевик). М., 1924. С. 154.

³ Там же.

ванному X съездом РКП(б): речь снова шла не только о свободе мнений, но и о возможности принимать участие в партийной работе при условии запрета внутрипартийных фракций. Однако на самом деле определение, данное И.В. Сталиным, являлось глубочайшей ревизией всех прежде существовавших представлений. Вместо свободы обсуждения важнейших вопросов «всеми членами партии», в число которых автоматически входили бы и представители оппозиции, на первый план оказалось выдвинуто «повышение активности и сознательности партийной массы», что было интерпретировано, в конечном счете, как необходимость дальнейшего расширения партийных рядов и ведения политико-просветительной работы среди рядовых коммунистов.

Такое смещение акцентов имело принципиальный характер. Вопреки позиции В.И. Ленина, неоднократно предостерегавшего своих товарищей от стремительного количественного роста коммунистической партии, XIII партийная конференция объявила необходимым в течение года «из числа коренных пролетариев привлечь в ряды РКП(б) не менее чем 100 тыс. новых членов»¹. Мощным катализатором этого процесса, позволившим скорректировать заявленные темпы, стала смерть В.И. Ленина. 29 января 1924 г. пленум ЦК принял постановление «О приеме рабочих от станка в партию», определившее трехмесячный срок проведения кампании². С этого времени, оставаясь вождистской по своей сути, РКП(б) вместе с тем приобрела черты массовой политической партии, под лозунгом расширения внутрипартийной демократии неуклонно продолжая принимать в свои ряды всё новых и новых членов.

Благодаря предельной простоте и идеологической привлекательности понимание внутрипартийной демократии, предложенное И.В. Сталиным на XIII партконференции, оказалось довольно жизнеспособным. Оно надежно закрепилось в представлениях высшего партийного руководства и было, что принципиально важно, быстро усвоено на более низких этажах партийной иерархии.

Свидетельством последнего являются циркулярные письма, разосланные губкомами партии подотчетным им организациям в

¹ Резолюция «Об итогах дискуссии и о мелкобуржуазном уклоне в партии» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М., 1984. С. 157.

² Постановление «О приеме рабочих от станка в партию» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3: 1922–1925. М., 1984. С. 184.

конце января – начале февраля 1924 г. В одном из них Енисейский губком разъяснял: «Проводя курс на внутрипартийную демократию, мы должны добиваться непрерывного идейного роста массы членов партии и их активного участия во всей практической работе»¹. Аналогичную позицию занял Омский губком, предлагавший нижестоящим парткомам и партийным ячейкам в числе мер по практическому проведению внутрипартийной демократии особый упор сделать на воспитательную работу среди членов партии, а также на активное и «неотложное» вовлечение беспартийных рабочих в РКП(б)².

Однако рассылка на места директив о проведении внутрипартийной демократии ни в коей мере не могла гарантировать единства взглядов среди всех членов Сибирской партийной организации. Некоторые партийные комитеты, ответственные работники, а уж тем более — рядовые коммунисты, мало вникавшие в сущность процессов, происходивших на партийном Олимпе, по своему интерпретировали этот термин. Многие восприняли взятый партией курс на развитие внутрипартийной, или рабочей, демократии прежде всего как расширение собственных прав. Так, в начале февраля 1924 г. в омской губернской газете «Рабочий путь» была опубликована статья, автор которой, некий И. Шамов, писал: «Рабочая демократия, как я её понимаю, обозначает такое построение партии и всех её организаций, при котором обеспечивается, с одной стороны, полная самостоятельность всех частей партийного организма, активное участие в жизни партии и ее строительстве широких слоев, обсуждение всех вопросов партийного строительства и тактики с полной свободой внутрипартийной критики; с другой [стороны, ...] подчинение по всем вопросам общепартийной политики всему партийному целому»³.

Об отношении краевого партийного руководства Сибири к такой точке зрения наиболее ярко свидетельствует экземпляр информационного отчета о работе Кузнецкого окружного комитета ВКП(б), подготовленного, судя по всему, осенью 1925 г. и 3 декабря поступившего в Сибирский краевой комитет ВКП(б). По вопросу о проведении в жизнь внутрипартийной демократии окружком выделил шесть «основных моментов»: 1) расширение состава бюро

¹ ГАНО. Ф.П-1. Оп. 2. Д. 400. Л. 20.

² Там же. Л. 10–15.

³ Шамов И. Еще о современных задачах партии // Рабочий путь (Омск). 1924. 3 февраля.

парткомов и ячеек; 2) отчетность парторганов перед партийной массой; 3) работа партийных комиссий; 4) рассылка постановлений и протоколов на места; 5) освещение деятельности парторганов в печати и 6) «автономность мест в разрешении местных вопросов». Если первые пять пунктов не вызвали возражений Сибкрайкома, то «автономность мест» была подчеркнута и сопровождалась выведенным на полях вопросом: «внутрипарт[ийная] демократ[ия]?»¹. К сожалению, авторство этой записи на сегодняшний день установить не удалось. Однако не вызывает сомнения, что она в полной мере отражала позицию краевого комитета в целом.

Члены бюро Сибкрайкома, лишь формально избравшиеся на пленумах, на самом деле рекомендовались, а в большинстве случаев еще и командировались в Сибирь Центральным комитетом. Являясь номенклатурой ЦК ВКП(б), они в полной мере восприняли представления высшего партийного руководства и прилагали все усилия для того, чтобы не допустить каких-либо отклонений от принятого партией курса. В феврале 1926 г. в краевом партийном журнале «Известия Сибкрайкома ВКП(б)» заведующий организационно-распределительным отделом и член бюро краевого комитета Р.Я. Кисис писал: «[...] Зачастую проведение этой демократии, углубление и расширение массовой работы толкуется, в особенности низовыми партийными ячейками, как прямое ослабление партийного руководства и даже отказ от него»². Полагая, что такое представление о внутрипартийной демократии может нанести «величайший вред» партийной работе, Р.Я. Кисис призвал партийные организации Сибири бороться с любыми отклонениями от линии ЦК и приложить все усилия для выполнения решений недавно завершившегося партийного съезда.

Ссылка на XIV съезд ВКП(б) была не случайной. Этот форум, состоявшийся в декабре 1925 г., в очередной раз подтвердил курс на демократизацию партийной жизни, причем в сталинском её понимании. Выступивший на съезде с организационным отчетом ЦК кандидат в члены Политбюро В.М. Молотов лишь немного дополнил и уточнил ту формулировку, которая была предложена И.В. Сталиным еще в январе 1924 г.: «Именно в активности масс, в критическом отношении партийных масс ко всей партийной ра-

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 667. Л. 125.

² Кисис. Вопросы оргработы // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1926. № 2. С. 21.

боте и в том числе к руководящим органам, в коллективной проверке своих решений, всей работы своей организации — в этом заключается внутрипартийная демократия»¹. Представление о внутрипартийной демократии как о «растущей самодеятельности масс» было также закреплено в резолюции, принятой по докладу Центральной контрольной комиссии².

С целью разъяснения решений XIV съезда ВКП(б) в январе 1926 г. официальный орган Центрального комитета журнал «Известия ЦК ВКП(б)» опубликовал передовую статью. В ней были перечислены основные мероприятия, проведение которых должно было, по мнению высшего партийного руководства, обеспечить проведение внутрипартийной демократии в жизнь. Среди них назывались «поднятие активности широких партийных масс в деле обсуждения и разрешения важнейших вопросов политики и работы партии», выборность партийных органов, выдвижение на руководящую работу новых кадров, поднятие теоретического уровня партактива, политическое просвещение рядовых коммунистов. Осознавая проблемы, связанные с неоднородностью политических представлений, ЦК акцентировал внимание на необходимости разъяснительной работы в низовых партийных организациях и особенно — в партийных ячейках³.

Для того, чтобы выяснить, верно ли местные партийные работники поняли директивы ЦК, и установить, насколько успешным было проведение этих директив в жизнь, высшее и краевое партийное руководство прибегало к специальным обследованиям. В Сибири первое такое обследование было проведено краевой контрольной комиссией в августе 1926 г. по программе ЦКК⁴. Его объектами стали шесть районных комитетов ВКП(б): по два в Новосибирской, Омской и Томской окружных организациях. Итоги проведенной проверки наряду с регулярной отчетностью окружных и районных парткомов были положены в основу специального обзора, составленного Сибкрайкомом 5 октября 1926 г.

Со ссылкой на директивы пленума и бюро краевого комитета в обзоре были обозначены основные направления, развитие которых, с точки зрения краевого руководства, должно было спо-

¹ XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). М., 1926. С. 85.

² Там же. С. 965.

³ Внутрипартийная демократия (к реализации решений XIV партсъезда) // Известия ЦК ВКП(б). М., 1926. № 3–4. С. 1.

⁴ ГИАОО. Ф.П-6. Оп. 1. Д. 70. Л. 91–103.

собствовать расширению демократии в РКП(б). Первым из них являлось «создание широкого партактива», вторым — «повышение политического и культурного уровня партийцев», а завершало этот краткий перечень «обеспечение выборности руководящих партийных органов»¹.

Признавая необходимость углубления работы по всем перечисленным направлениям, Сибкрайком вместе с тем возражал против ограничения внутрипартийной демократии каким-либо одним из них. «На местах, — говорилось в обзоре, — еще не все члены партии правильно понимают внутрипартийную демократию, часть коммунистов и ячеек весь вопрос сводят к проведению выборности руководящих партийных органов». Примеры такого рода искажений были зафиксированы в Бурят-Монгольской, Омской и Новосибирской партийных организациях. Для того, чтобы добиться исправления ошибок и недочетов, обзор, напечатанный в 46 экземплярах, был разослан не только представителям краевого партийного руководства, но и всем секретарям окружных комитетов.

Показателем того, насколько важное значение придавал Сибкрайком вопросу о внутрипартийной демократии, стала постановка этого вопроса на заседании бюро краевого комитета, состоявшемся 14 декабря 1926 года². Докладчиком выступил член Сибирской контрольной комиссии Я.П. Зоссе. Говоря о достижениях и ошибках парткомов в области проведения внутрипартийной демократии, Я.П. Зоссе, несомненно, представил тот подход, которого придерживалось краевое партийное руководство в целом. В качестве базовых критериев для оценки того, насколько активно и успешно парткомы проводят внутрипартийную демократию, им были избраны наличие «живой» связи между партийными комитетами и низовыми организациями, под которой подразумевались главным образом командировки членов парткомов на места; частота проведения конференций и партийных собраний; обновление состава партийных комитетов; выборность партийных органов; выдвижение на руководящие должности рабочих и крестьян; свобода или, напротив, ограничение свободы критики³.

Наиболее значительными достижениями в области развертывания внутрипартийной демократии Я.П. Зоссе назвал проведение

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 151. Л. 52.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 10. Л. 186.

³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 135. Л. 2–36.

окружками открытых заседаний бюро, на которых присутствовали не только их члены, но и так называемый партийный актив, политико-просветительную работу среди рядовых коммунистов, а также вовлечение последних в обсуждение внутрипартийных вопросов. В ряду выявленных контрольной комиссией недостатков оказались «излишние переброски выборных товарищей», плохо организованная отчетность парткомов перед соответствующими парторганизациями, слабо поставленная работа по выдвижению кадров, боязнь критики. Однако самой существенной проблемой участники заседания признали наблюдавшееся в некоторых ячейках понимание внутрипартийной демократии «в такой плоскости, что не всегда надо выполнять постановления вышестоящих партийных организаций»¹. В резолюции по докладу Я.П. Зоссе, принятой 21 декабря 1926 г. на очередном заседании бюро Сибкрайкома, говорилось: «Неправильное понимание сущности внутрипартийной демократии в некоторых случаях приводит к извращению внутрипартийной демократии, проявляющемуся в хвостизме и ослаблении руководящего влияния выборных органов»².

Тем самым обзор, составленный Сибкрайкомом в сентябре 1926 г., и доклад, заслушанный двумя месяцами позже, выявили две противоположные крайности в понимании внутрипартийной демократии: с одной стороны, сужение её до одной только выборности партийных органов, а с другой — напротив, расширенное толкование термина, грозящее ослаблением партийной дисциплины. В январе 1927 г. в очередной статье заведующий орграспредотделом Сибкрайкома Р.Я. Кисис подтвердил факт существования таких ошибочных, с его точки зрения, представлений, назвав наряду с ними и третье: отождествление демократии со свободой фракций и группировок в ВКП(б)³. Осудив все три названных подхода, Р.Я. Кисис объяснял: «Демократия заключается в создании широкого актива партии, новых кадров работников, которые могли бы широко участвовать в руководящей работе парткомитетов как в деле выработки партийных директив и решений, так и в деле их проведения в жизнь»⁴. Утверждая, что выборность партийных органов

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 135. Л. 23.

² По вопросу о выполнении парторганизациями директив о внутрипартийной демократии // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1927. № 1. С. 37.

³ Кисис Р.Я. К дальнейшему проведению внутрипартийной демократии // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1927. № 1. С. 3.

⁴ Там же С. 4.

«ни в коей мере не исчерпывает всей задачи постепенного вовлечения все более широких масс рабочих и крестьян в социалистическое строительство», Р.Я. Кисис прямо поддержал позицию сталинского большинства.

Осознавали ли члены Сибкрайкома ту колоссальную пропасть, которая лежала между пропагандируемым курсом на развитие демократии и реально существовавшими в ВКП(б) тенденциями? Вероятнее всего, да. Более того, они сами постоянно способствовали её углублению. Неоднократно предлагая нижестоящим парткомам «поднять активность партийных масс, вовлекать их в обсуждение и разрешение основных вопросов партийной политики»¹, члены бюро Сибкрайкома, разумеется, не намеревались ни передавать им свои посты, ни прислушиваться к мнению рядовых коммунистов. Это противоречие между декларируемыми установками и реальными устремлениями партийно-советской элиты создавало немалые трудности на пути выбора наиболее оптимальных форм и методов деятельности. Краевое руководство было вынуждено идти на всевозможные «ухищрения», чтобы одновременно внедрять в массовое сознание идею демократизма и не допустить ни малейшего ослабления партийной дисциплины.

Руководствуясь указаниями Сибкрайкома, окружные партийные комитеты вели разъяснительную работу на местах. Понимая под внутривнутрипартийной демократией прежде всего «повышение политической активности членов партии» и «большее их вовлечение в практическую партийную и общественную работу», Барнаульский окружком ВКП(б) на протяжении 1927 г. направил в подотчетные ему райкомы ряд директив². Их текстологический анализ обнаруживает не просто наличие идеологических штампов, в целом характерных для делопроизводства 1920-х годов, но и обширные заимствования из вышеназванной статьи Р.Я. Кисиса. Ссылаясь в своих письмах на требование краевого комитета «более строго и четко проводить здоровую рабочую демократию», руководство Барнаульской окружной парторганизации обращало внимание райкомов на недопустимость «ослабления руководящего влияния выборных органов»³.

¹ *Лепя А.К.* XIV съезд ВКП(б) // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новониколаевск, 1926. № 1. С. 9.

² ГААК. Ф.П-4. Оп. 2. Д. 85. Л. 58; Д. 91. Л. 2–3, 122–123.

³ ГААК. Ф.П-4. Оп. 2. Д. 91. Л. 123.

Директивы краевого и окружных партийных комитетов постепенно давали результат. Так, сводка Бийского окружного комитета, направленная в краевой комитет в начале августа 1927 г., содержала довольно оптимистичную оценку ситуации: «Большинство райкомов утверждают, что основная масса партийцев правильно понимают внутрипартийную демократию. Только отдельные члены партии понимают неверно или выступают против демократии»¹. Однако добиться единообразного представления о внутрипартийной демократии от всех парткомов и ячеек Сибири не удалось и к концу 1920-х годов. С наибольшими трудностями Сибкрайком столкнулся в отдаленных от краевого центра районах. Например, проведенная в конце 1927 г. – начале 1928 г. проверка деятельности Тулунского райкома ВКП(б) показала, что постановление краевого комитета по вопросу о внутрипартийной демократии, принятое еще 21 декабря 1926 г., до сих пор проработано райкомом не было, а его члены и вовсе оказались «с ним достаточно не знакомы»².

Наличие такой проблемы было официально признано в апреле 1929 г. XVI конференцией ВКП(б). Резолюция, принятая по докладу о борьбе с бюрократизмом, поручала всем контрольным комиссиям «особое внимание обратить на борьбу с нарушениями внутрипартийной демократии, неуклонно привлекая к ответственности те партийные органы и тех должностных лиц, которые препятствуют проведению в жизнь принципов внутрипартийной демократии»³. К таким нарушениям конференция относила «стеснение свободы высказывания и голосования на собраниях, применение непредусмотренных уставом ограничений выборности, прикрытое и открытое нарушение выборных прав членов партии на смещение любого секретаря бюро, комитета».

Вынесение такой резолюции является дополнительным подтверждением того, что, несмотря на все директивы высшего, губернского и окружного руководства, даже к концу 1920-х годов существовавшие в ВКП(б) представления о внутрипартийной демократии оставались по меньшей мере неоднородными. Сталинское большинство и оппозиция, профессиональные революционеры и партийная «молодежь», обладавшие реальной властью но-

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 1972. Л. 34.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 2699. Л. 10.

³ XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б): стенографический отчет. М.-Л., 1929. С. 314.

менклатурные служащие и рядовые коммунисты по-разному воспринимали политическую реальность и по-своему интерпретировали внутрипартийную демократию.

Стремление высшего партийного руководства к усилению контроля над нижестоящими партийными организациями обусловило политику навязывания местам представлений, сформулированных в высших эшелонах власти. В результате сложилась абсурдная по своей сути ситуация: пропагандируя на протяжении 1920-х годов демократизацию партийной жизни, ЦК вместе с тем почти полностью лишил местных партийных работников и рядовых коммунистов возможности обсуждать сущность и границы внутрипартийной демократии. Значение этого термина задавалось и могло корректироваться в ту или иную сторону исключительно высшим партийным руководством, тогда как местным парторганизациям отводилась роль немых слушателей, что само по себе противоречило идеи демократизма. Любая интерпретация внутрипартийной демократии, отличная от представлений, господствовавших в ЦК, воспринималась как грубая ошибка и серьезнейшее нарушение партийной дисциплины.

Взяв на себя ответственность за определение сущности внутрипартийной демократии, а также форм и методов её проведения в жизнь, высшее партийное руководство решало, прежде всего, свои собственные задачи. Коррективы, внесенные И.В. Сталиным в понимание внутрипартийной демократии в начале 1924 г., целиком и полностью явились «продуктом» внутрипартийной борьбы. Подмена термина, в результате которой внутрипартийная демократия стала означать не столько свободу всех членов партии выражать свою точку зрения, сколько совершенно абстрактную «самодеятельность масс», являлась попыткой сталинского большинства ЦК использовать рядовых коммунистов в ожесточенной борьбе против внутрипартийной оппозиции.

Новая интерпретация внутрипартийной демократии была довольно быстро и точно воспринята краевым партийным руководством Сибири, но, тем не менее, так и не смогла в полной мере укорениться в сознании низовых партийных работников. Большинство попыток краевого, губернских и окружных партийных комитетов повсеместно добиться единообразного понимания «внутрипартийной демократии» из года в год наталкивались на такие трудности, как малограмотность и пассивность большинства рядовых коммунистов, плохая осведомленность отдаленных

парткомов о решениях вышестоящих органов, очевидные для мыслящей части членов РКП(б) – ВКП(б) расхождения между пропагандированными принципами и политической реальностью. Сохранявшиеся благодаря этому на всем протяжении 1920-х годов многочисленные отклонения от официально провозглашенной точки зрения позволяли как высшему, так и краевому руководству поддерживать видимость активной борьбы за проведение внутрипартийной демократии, маскируя тем самым укрепление собственных позиций.

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НОВОНИКОЛАЕВСКА (НОВОСИБИРСКА) В 1920-Е ГОДЫ

В статье анализируется процесс становления ранней советской модели представительной власти на примере г. Новониколаевска (Новосибирска). Дается описание характера и особенностей избирательных кампаний начала 1920-х годов по выборам горсовета, отмечены социально-классовые ограничения для разных категорий населения, своеобразие процедуры голосования, а также форм участия депутатов в работе секций горсовета и его пленарных заседаний. Содержится вывод о невысокой роли и ограниченных возможностях горсовета как представительного учреждения по управлению городской жизнью.

Ключевые слова: городской совет, Новониколаевск, выборы, социальные группы, депутатский корпус, секции, управление, городское хозяйство.

Опыт городского самоуправления 1920-х годов — выразительный пример своеобразных попыток внедрения в России «советского народовластия», под лозунгом которого коммунисты шли на завоевание политической власти в стране и монопольно правили в течение нескольких десятилетий. Этот опыт воплотил в себе многие свойства большевистского режима, его уникальную природу, заключающую в себе глубокое противоречие политических намерений и реальной практики, отчетливое расхождение партийных программ с действительностью, а отсюда — неизбежное появление «второй», параллельной реальности, которую коммунистам пришлось конструировать посредством пропаганды и внедрения в структуры государства различных декоративных учреждений.

Искреннее и вполне очевидное стремление большевиков создать в России справедливую социальную и политическую систему по принципу «для народа и через народ» выражалось прежде всего в намерении сформировать представительные (избранные самими трудящимися) органы публичной власти — советы, наделенные реальными полномочиями в деле государственного и местного управления. В городах страны учреждения такого типа воплощались в виде горсоветов, в сельской местности — сельсоветов. В отличие от прежних, «буржуазных», муниципалитетов

новые органы самоуправления призваны были стать «подлинной народной демократией», важнейшим инструментом «диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства».

Строго говоря, ленинско-большевистский способ организации власти в России не допускал внедрения местного самоуправления в традиционном его смысле, так как оценивал его исключительно как «внеклассовый» («буржуазный») институт. Однако тот тип местных советов, который в конечном счете утвердился после революции, являлся все же типичным представительным учреждением с функциями для решения многих местных задач. И хотя реальная самодеятельность в нем допускалась в крайне малых объемах, практическая его работа и формирование легитимности, без которой большевики все же не могли обойтись, шли в том же направлении, что и у органов традиционного самоуправления.

В публикуемой статье рассматривается опыт развития городского самоуправления на примере Новониколаевского (Новосибирского) горсовета в 1920–1929 гг. Этот опыт отчасти освещался в целом ряде научных работ, подготовленных такими авторами как А.В. Гагарин, В.И. Шишкин, В.П. Андреев, М.М. Петрухина и некоторые другие¹. Но деятельность горсовета Новосибирска ранней советской эпохи нуждается в дальнейшем изучении.

Формирование городского совета в Новониколаевске происходило весной 1920 г. в крайне неблагоприятных условиях для проведения вообще каких-либо политических кампаний или массовых избирательных процедур. В это время город — небольшой уездный центр Томской губернии с населением около 100 тыс. чел. (а вместе с перемещенными лицами — примерно 150 тыс.) переживал трагические последствия революции в России. В результате боевых действий вдоль Транссибирской железной дороги и внезапного наплыва огромного потока людей город оказался

¹ *Гагарин А.В.* Первые выборы Советов в Сибири после разгрома колчаковщины. // К 50-летию освобождения Сибири от колчаковщины. Томск, 1970. С. 19–23; *Шишкин В.И.* Восстановление и начало деятельности городских Советов Сибири // Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1975. С. 41–54; *Он же.* Городские советы Сибири в конце 1920 – начале 1921 г. // Рабочие Сибири в борьбе за социалистическую революцию и построение социализма. Новосибирск, 1976. Вып. 2. С. 49–64; *Андреев В.П., Петрухина М.М.* Партийное руководство городскими советами Сибири (1920–1932 гг.). Томск, 1983. 223 с.; *Андреев В.П.* Руководство Коммунистической партии советами РСФСР (1926–1937 гг.). Томск, 1990. 227 с.; и др.

в эпицентре драматических событий гражданской войны: войска Красной армии, беженцы, раненые обеих воюющих сторон, военнопленные заполняли улицы и общественные здания, создавая массу непредвиденных проблем. Жители города вместе с воинским гарнизоном и санитарной службой вели отчаянную борьбу с эпидемией тифа, собирали и обезвреживали тысячи трупов¹, заготавливали дрова для отопления домов, налаживали работу железной дороги и предприятий. Острейший кризис, сравнимый по своим масштабам с огромной катастрофой, охватил практически все стороны жизни Новониколаевска. Разрушенное или остановленное промышленное производство, всеобщий дефицит жилых и служебных помещений, нехватка товаров повседневного спроса, неразвитость городского коммунального хозяйства дополнялись повсеместной антисанитарией и распространением массовых заболеваний людей.

В такой обстановке в феврале 1920 г. началась подготовка к выборам первого состава городского совета. Организацией кампании по выборам руководили высшие партийно-государственные органы Сибири — Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревком, а также губернское бюро РКП(б). Они создавали избирательные комиссии, разрабатывали положения (инструкции) о выборах, готовили агитационные материалы, устанавливали сроки для проведения голосования.

Выборы в горсовет состоялись в апреле 1920 г. По своему смыслу они имели очень важное социально-политическое, пропагандистское и даже психологическое значение. Характер и легитимность власти большевиков впервые получали в городской среде народное одобрение и публичное оформление. Кроме того, эти выборы закладывали определенные стандарты для всего последу-

¹ По некоторым сведениям, зимой 1919–1920 гг. эпидемия тифа в районе Новониколаевска привела к гибели десятков тысяч человек (систематического учета жертв не велось). «Все дома были заняты Чекатифом, а в городе диктовал Чекатруп, построивший два крематория и рывший версты глубоких траншей для погребения трупов», — сообщается в одном отчете (см.: ГАНУ. Ф.Р-1133. Оп. 1. Д. 431в. Л. 150.). Всеобщий хаос порождал небывалые до сих пор трудности: в советских учреждениях ввиду отсутствия дров зимой жгли заборы, деревянные тротуары и внутренние переборки муниципальных домов. В 1921 г. город пережил новую волну холерной эпидемии, пришедшей вместе с потоком беженцев из голодающих районов Поволжья. Из-за нехватки специалистов, систематического сокращения бюджета для здравоохранения и в целом неорганизованного и непрофессионального подхода к делу борьба с тифом, холерой и малярией продолжалась в городе до конца 1920-х годов.

ющего цикла советских избирательных кампаний (продолжавшихся 17 лет) по формированию представительных органов власти. На основе впервые входивших в практику советских выборов процедур можно было отчетливо увидеть истинные намерения нового режима в сфере местного самоуправления.

Поскольку выборы готовились и проводились в условиях еще незавершенной гражданской войны, они имели множество социально-классовых ограничений. По существовавшему правилу, сохранявшемуся до принятия Конституции 1936 г., все потенциальные избиратели делились на две категории: «организованных» и «неорганизованных». К первой относилась та часть городского населения, которая объединялась общей работой на предприятии или в учреждении и входила в соответствующий профсоюз. Другую часть представляли разного рода кустари, ремесленники, служащие мелких контор, домохозяйки, пенсионеры и «лица свободных профессий», привлечь которых к выборам составляло значительную проблему для властей. В первые послереволюционные годы для «неорганизованных» избирателей не устраивалось специальных пунктов для голосования; им предоставлялась возможность «присоединяться к районам близлежащих предприятий и учреждений». Позднее для них стали выделять отдельные, самостоятельные участки.

Отражением идеологической непримиримости большевиков и их «классового подхода» являлась также процедура выдвижения кандидатов в депутаты. Эта, как и другие стадии выборов, оставалась исключительной прерогативой большевистских партийных ячеек и комитетов, поэтому отклонений от намеченного ими списка происходить не могло. Процесс регулировался следующим образом: за несколько дней до выборов, на профсоюзных собраниях руководители или члены партячейки зачитывали список предложенных кандидатов (они были составлены и утверждены в губкоме РКП(б)) и этим, как правило, знакомство избирателей с будущими депутатами заканчивалось. Затем назначались сами выборы. Они проводились на так называемых «выборных собраниях», где одновременно могли присутствовать от 300 до 600 чел., иногда даже до полутора тысяч и более¹. Голосовали открыто,

¹ В феврале 1926 г. на выборных собраниях двух участков Вокзального района Новосибирска голосование каким-то образом производилось одновременно при участии 1290 и 1840 чел. (НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 156. Л. 89, 95). Очевидно, что это было подобию двух больших собраний-митингов.

простым поднятие рук (тайное голосование было введено лишь в 1937 г.). До 1922 г., когда группы меньшевиков и эсеров еще сохраняли остатки легальности, специальной инструкцией оговаривалось, что «допускаются к голосованию списки кандидатов только тех категорий и групп, которые с подачей списка в избирательную комиссию объявляют свою политическую платформу»¹. Ясно, что после 1918 г. открыто объявить о своей политической платформе могли лишь коммунисты. Их представители и были единственными кандидатами.

Кампания по выборам первого состава Новониколаевского горсовета в апреле 1920 г. дает вполне определенное представление о процедуре выборов всей эпохи 1920-х годов. Благодаря сохранившимся протоколам избирательных комиссий можно детально восстановить характерные особенности процесса голосования этого периода и образования на его основе представительного учреждения в городе.

Вот один из ключевых эпизодов кампании на типичном участке № 2 Закаменского района Новониколаевска 27 апреля 1920 года². Выборы здесь в виде «избирательного собрания» начались в пять часов вечера, в столовой на Базарной площади в присутствии 450 явившихся избирателей. Собрание открыл т. Петров. После нескольких вступительных фраз он предоставил слово докладчику Я.С. Гранову — одному из руководящих сотрудников местной губчека. В своем коротком выступлении Я.С. рассказал собравшимся «о выборах в совет, о значении РКП и советской власти», затем слово вновь взял председатель собрания Петров, чтобы перейти к процедуре выборов. Он зачитал список кандидатов в горсовет, выставленных от партии коммунистов (других списков никто не подавал), и предложил утвердить два следующих пункта: «1) Доклад т. Гранова принять к сведению» и «2) Проголосовать по порядку списка в горсовет товарищей» в количестве восьми человек. Оба предложения были тут же одобрены поднятием рук. В итоге все намеченные кандидаты прошли в состав горсовета, хотя некоторые из них получили по несколько голосов «против».

После этого проголосовавшие горожане отправились по домам, а им на смену пришла вторая группа избирателей также численностью 450 чел. (согласно протоколу — «300 мужчин и 150 женщин»).

¹ ГАНО. Ф.Р-1960. Оп. 1. Д. 782. Л. 4.

² См.: НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–17 об.

Опять «докладчиком выступил т. Гранов, ознакомил присутствующих, как и в первой группе», и опять состоялось голосование по тем же восьми кандидатурам. Вновь все кандидаты были утверждены с небольшим числом поданных голосов «против».

Когда вторая группа завершила голосование, наступила очередь третьей («300 мужчин и 160 женщин»), а затем — четвертой (341 чел.). Восьмерка выдвинутых кандидатов в ходе этих собраний также получила необходимое число поднятых рук (за исключением нескольких «против»). После четвертого собрания работа избирательного участка № 2 завершилась.

В этот же день и на следующий, 28 апреля, аналогичные выборы прошли на других участках. Схема их организации была совершенно идентичной выше описанной, но результат оказался еще более предсказуемым. Именно так проходило голосование на участке № 4 в военном городке Новониколаевска. Выборы здесь начались в 11 утра, а избирателями были «служащие 11-го и 4-го госпиталей» — общей численностью 452 чел. (Вероятно, речь идет также о лечившихся в госпиталях красноармейцах). «Выслушав доклады т.т. Лузгина, Дубовского и председателя иностранной секции РКП т. Умляуфера», собрание постановило «голосовать только за список, предложенный РКП в члены Совета» (хотя другого и не было). Далее протокол сообщает: «Прошли т.т. Томилин и Кравченко, кандидатом к ним — т. Ворончихин. Не было ни одного из избирателей, не поднявшего руки за коммунистов. Пением Интернационала выборы закончились»¹. В целом первой группе голосовавших удалось уложиться в срок около одного часа.

В 12 часов на участок № 4 явилась новая порция избирателей из 11-го, 5-го и части 4-го и 13-го госпиталей, «которые не могли участвовать в назначенное для них время», общей численностью 447 чел. «Выслушав доклады т.т. Дубовского, Томилина и Умляуфера, постановили голосовать только за список РКП, как единственной стоящей на правильном пути к социализму. [...] Коммунистам отдали свои голоса абсолютно все». Затем коллективно вновь пропели Интернационал и в час дня утренняя часть выборов закончилась.

После обеда, к двум часам пришла очередная группа из 12-го госпиталя, а также отставшие избиратели из 5-го и 11-го госпита-

¹ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.

лей, всего 405 чел. «Опять-таки абсолютно все голосовали за список коммунистов [...]. Да если бы и был список какой-либо политической группировки, то вряд ли нашелся бы хоть один человек, который отдал бы свой голос последней», — резюмировали составители протокола¹.

Избирательные собрания исполняли роль заключительного формального акта в формировании городского представительного учреждения. Для просвещенных групп городского населения они могли бы показаться карикатурой или насмешкой над здравым смыслом. Но условия, созданные революцией и большевистской диктатурой, уже не допускали иного развития общественной жизни. Как разновидность «народного вече» или крестьянского общинного схода, исключаящего при этом всякие элементы свободного выдвижения и конкурентной борьбы, собрания подобного рода, очевидно, соответствовали политическим реалиям периода гражданской войны, также как и общей культуре, мировоззрению и жизненному опыту основной части голосовавшего населения — городских низов того времени.

Выборы в апреле 1920 г. определили состав Новониколаевского горсовета 1-го созыва (все — только члены РКП(б)). Для избранных депутатов начался период практической работы в совете. Свои основные функции они должны были исполнять через секции, поэтому организация секций стала главной задачей совета после его формирования. Однако собственных секций горсовет создавать не стал — депутаты были распределены на несколько групп и прикреплены к действовавшим в городе хозяйственным и снабженческим организациям — райсовнархозу, райтопу, единому рабочему кооперативу (ЕРКПО), райтекстилю, райкоже и информационно-инструкторскому подотделу райсовнархоза, в составе которых им и рекомендовалось образовать свои секции. Но вся программа оказалась проваленной: 60 членов горсовета не явились на первые организационные совещания, и секции создать не удалось. Их не смогли создать и в декабре 1920 г. после повторных выборов. Деятельность горсовета 1-го и 2-го созывов, таким образом, фактически завершилась безрезультатно. В январе 1921 г., после очередных выборов, председатель горсовета П.К. Голиков отмечал, что состав прежнего совета «был неработоспособным», так как одна часть де-

¹ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 4. Л. 22 об.

путатов была занята на ответственных постах, а еще часть была отправлена по мобилизации на польский фронт¹.

Сначала выборы в горсовет проводились два раза в год — весной и осенью,— поэтому ротация депутатского состава оказалась слишком частой, фактически непрерывной. С 1921 г. выборы стали организовывать раз в год, и стабильность в работе совета немного возросла.

Единой нормы представительства для избрания депутатов не существовало. Избирательный закон преследовал цель обеспечить формальное преимущество городского пролетариата за счет снижения представительства остальных социальных групп. Этот принцип реализовался таким образом, что «неорганизованные» избиратели имели право выбрать одного депутата от 300 чел., также как и «организованные», однако от лица последних дополнительно делегировалось еще несколько десятков представителей от общегородской профсоюзной конференции и ячеек РКП(б). Кроме того, для повышения доли женщин в составе депутатов к горсовету «прикреплялись» женские активистки. Женщин-делегаток выбирали на общих женских собраниях, организуемых губернским женотделом исполкома. Их численность достигала иногда более половины всего состава горсовета, но официального статуса депутатов они не имели. Так, например, на выборах в ноябре 1924 г. обычным порядком (через общие и профсоюзные собрания) было избрано всего 185 членов горсовета и 63 кандидата, а затем к ним «прикрепили» еще 193-х «делегаток», избранных общим делегатским собранием².

«Классовая демократия» в формировании горсовета достигалась также путем лишения избирательных прав так называемых «нетрудовых элементов». Регулярно (до принятия Конституции 1936 г.) из списков избирателей исключались шесть – восемь социальных групп населения в целях «ограждения советов от влияния на них чуждых элементов». Согласно Конституции РСФСР и специальных инструкций, права голоса были лишены:

— «прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;

¹ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

² Отчет о работе Новониколаевского Городского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов 4-го созыва за время с 30-го ноября 1924 по 1-е апреля 1925 года. Новониколаевск, 1925. С. 1.

- живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доход с предприятий и имущества;
- торговцы и торговые посредники;
- служители религиозных культов;
- бывшие служащие и агенты полиции, особого корпуса жандармов и охранного отделения;
- осужденные за корыстные и порочащие преступления».

К этому списку негласно добавлялись также «критикующие советскую власть», «участники антисоветских выступлений 1918 и 1920 годов», «спекулянты» и самогонщики.

В первый год существования советской власти в Сибири (1920) при выборах горсоветов дополнительно из списков голосующих исключались также все, кто на момент избирательной кампании не состоял в профсоюзе. Этой мерой, введившейся специально для Сибири, пытались ограничить электоральное участие «нежелательных лиц» из числа беженцев, прибывших в города края с отступавшей армией Колчака и осевших затем в различных государственных и хозяйственных учреждениях. Таким образом, выборы 1920 г. в формальном смысле существенно отличались от выборов последующих лет как по условиям проведения, так и по составу избранных представителей: до 1922 г. в Новониколаевский горсовет беспартийные депутаты не допускались; их присутствие стало возможным лишь с изменением общего курса политики в стране (введением нэпа) и их представительство на фоне коммунистов и комсомольцев стало выражаться в соотношении примерно один к четырем.

Правила для отстранения «социально чуждых» от участия в голосовании постоянно изменялись. В одних случаях они смягчались, в других — вновь ужесточались. Так, при выборах 1925 г., когда потребовалось повысить активность избирателей, процент «лишенцев» был снижен, право участия в выборах, в частности, было предоставлено кустарям и мелким торговцам. Но через год появились новые ограничения. С 1927 г., в период очередного обострения ситуации в стране, лишение прав голоса вновь распространилось на всех «чуждых людей», включая тех, кто уже получил советскую реабилитацию и признавался лояльным новому режиму. В эту категорию зачислили бывших офицеров царской и Белой армий, бывших чиновников военного времени и административно ссыльных. Общие показатели лишения прав голоса по Новониколаевску (Новосибирску) достигали следующих значений:

1924 г. — 10 632 чел., 1925 г. — 1137 чел., 1926 г. — 1133 чел., 1927 г. — 3269 человек¹. В среднем численность «лишенцев» колебалась от 3–6 до 8–10 % от числа лиц избирательного возраста, но иногда и выше — до 15–20 процентов². Основную их часть (до 80 % от общей массы не допущенных к голосованию) составляли «торговцы и посредники».

На протяжении всего периода 1920-х годов специфической проблемой для организаторов избирательных кампаний являлось привлечение горожан к голосованию. Значительная часть гражданского населения довольно быстро усвоила, что участие в выборах мало что означает в практическом смысле и поэтому относилась к избирательным собраниям с безразличием. Это обстоятельство однако не вызывало никаких последствий. Каков бы ни был процент голосующих, выборы в любом случае признавались состоявшимися и по их результатам каждый год формировался новый горсовет. Снижение гражданской активности происходило систематически. В партийно-советских кругах такое поведение не создавало поводов для озабоченности или какой-то другой подобной рефлексии — оно объяснялось обычно недостаточным политическим развитием населения и низким уровнем организации самой избирательной кампании, прежде всего пропагандистской работы.

В 1925 г. абсентеизм населения, вероятно, достиг тех пределов, когда игнорировать его стало невозможно (по стране в выборах участвовало менее трети электората, в Новониколаевский горсовет — 27 %), поэтому правительство признало провал очередной избирательной кампании. В большинстве регионов страны были назначены перевыборы в советы и одновременно введен общий порог явки на голосование: выборы любого уровня признавались теперь действительными, если в них участвовало не менее 35 % избирателей³.

Наибольшее внимание властей, безусловно, уделялось активности «организованных» избирателей. Эта группа составляла значительное большинство голосующих и, кроме того, ее электоральное поведение более всего поддавалось прямому регулирова-

¹ ГАНО. Ф.П-18. Оп. 1. Д. 120. Л. 1; Итоги выборной кампании 1927 года по Сибирскому краю (в цифрах). Изд. Сибкрайисполкома, 1927. С. 4.

² Выборы в советы РСФСР в 1925–1926 году. (Предварительные итоги). Ч. I. М., 1926. С. 162.

³ ГАНО. Ф.Р-1228. Оп. 3. Д. 10. Л. 125; НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 36. Л. 2; 15 лет советского строительства. М., 1932. С. 431.

нию властей. Оказать воздействие на работающих избирателей действительно было несложно. Как сообщают источники, обычные способы давления сводились к предупреждениям и угрозам со стороны партийных работников обсудить на общем собрании поведение неголосующих или исключить их из профсоюза, что означало одновременно лишить исключенного продовольственного пайка. Документы тех лет фиксируют также различные оттенки реакции «организованных» граждан на выборы и отчетливое понимание ими смысла своих избирательных прав и своей действительной роли в ходе «голосования». Характерные образцы подобного рода проявлялись в, частности, в избирательной кампании 1927 г., в ходе которой рабочие на выборных собраниях открыто заявляли: «Мы тут для мебели». Они возмущались тем, что «в горсовет избираются только удобные ячейке ВКП(б)» и что «выборы в горсовет прошли мошеннически»¹.

Что касается «неорганизованных», то эта категория традиционно проявляла к выборам незначительный интерес. Чтобы привлечь дополнительные голоса домохозяек, кустарей, пенсионеров, работников кооперации и разного рода служащих, с 1922 г. для них стали устраивать отдельные избирательные участки, именовавшиеся в то время «обывательскими». Но это практически не меняло общей картины явки на выборы. В 1927 г., например, на семи из девяти специально созданных участках для «неорганизованных» выборы не состоялись из-за неявки избирателей. Общие удовлетворительные результаты голосования по Новосибирску (51 %) были получены (или выведены на бумаге) исключительно за счет активности «организованных»².

Возникнув как некая народная инициатива, превращенная затем в революционный лозунг большевиков, советы с первых шагов заняли своеобразную нишу в системе государственного управления. Горсоветы стояли в том же ряду, что и остальные виды советских представительных учреждений. Они имели очень ограниченные права и обладали преимущественно декоративно-имитационными функциями власти. Процедуры их формирования, порядок проведения заседаний, принятия решений, кадровых перемещений были обставлены всевозможными ограничениями, фактически лишавшими их самостоятельности и инициати-

¹ ГАНО. Ф.Р-1228. Оп. 3. Д. 10. Л. 127.

² Там же. Л. 126.

вы. Особенно выразительно это проявлялось в практике первой половины 1920-х годов, когда опыт манипулирования советами еще только складывался.

Самая характерная черта деятельности горсоветов послереволюционных лет — почти полное отсутствие у них каких-либо прав и полномочий. Начиная свою деятельность, Новониколаевский горсовет не имел ни средств, ни собственных органов управления. Он ничем не располагался, так как у города не было своего хозяйства и городского бюджета. Городское имущество городу не принадлежало, а являлось частью имущества губернского исполкома или краевых учреждений. Структура и деятельность горсоветов целиком определялась вышестоящей исполнительной властью — отделом управления губисполкома. Согласно «Положения о советских губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа» 1922 г., горсоветы не могли создавать свои исполкомы, они должны были «обслуживаться» губернскими и уездными исполкомами. Президиумы этих исполкомов являлись одновременно президиумами горсоветов, а председатель губисполкома был по совместительству и председателем горсовета.

По таким же стандартам формировался и депутатский корпус. Он включал в себя избранников двух категорий: собственно членов горсовета и кандидатов в члены. И те и другие выбирались единым порядком (сначала один от 300 чел., с 1925 г. — один от 200 чел.), но статус их был различным. Кандидаты, в отличие от «действительных» членов, не обладали всей полнотой прав, у них был лишь совещательный голос, и смысл их пребывания в горсовете заключался в том, чтобы замещать выбывающих членов. По своему удельному весу кандидаты составляли 20–25 % от всей численности депутатского корпуса. Общее же число избранников в горсовете постоянно изменялось: в 1922 г. — 274, 1923 г. — 222, 1925 г. — 248, 1926 г. — 387, 1927 г. — 474, 1930 г. — 417 чел.

Социальный состав депутатского корпуса горсоветов ярко воплощал в себе глубокие революционные перемены в России, благодаря которым на арену общественной жизни выдвинулись совершенно новые слои городского населения. Исключив из избирательного процесса все так называемые «нетрудовые элементы» (остатки среднего класса), большевики получили по настоящему «пролетарские» советы. Новосибирский горсовет 1920-х годов был в полном смысле слова органом широкого народного представительства, сформированного с привлечением

низших слоев населения. Депутатские скамьи заполнили люди физического труда, представители рабочих профессий, обитатели городских лачуг и темных кварталов. Их персональные анкеты — убедительное свидетельство того, что революция привела в горсовет множество работников «от станка» и «сохи»: кузнецов, кочегаров, слесарей, чернорабочих, пекарей, домохозяек, рабочих паровозного депо, окрестных крестьян, безработных, колбасников, пекарей, плотников, каменщиков, стрелков из охраны, продавцов магазинов, ломовых извозчиков, конторщиков и т.п. Многим из них с большим трудом давалось даже заполнение личных анкет. Из 248 депутатов в 1925 г. 78 % имели лишь начальное образование (два – три класса), семь человек были вовсе неграмотны или малограмотны¹. Теперь именно им предстояло выражать интересы новосибирских избирателей, решать социальные и управленческие задачи городского масштаба.

Структура вновь избранного горсовета утверждалась на первом пленарном заседании. Она состояла из президиума и шести – восьми секций по отраслям деятельности. Что касается практической работы горсовета, то в этой части существовали наибольшие проблемы. Обладая мизерными правами и декоративной ролью, горсоветы 1920-х годов были мало приспособлены для продуктивной деятельности. Их заседания, как правило, собирались лишь по торжественным случаям или праздничным дням, превращаясь исключительно в дежурное мероприятие. Деловые вопросы обсуждались крайне редко. Доклады практического содержания представлялись обычно как текущая информация, а решения по ним носили самый общий характер и лишь подчеркивали безвластный статус совета и его формальное значение в системе городского управления. Итогом многих заседаний были постановления такого рода: «линию работы считать правильной», «обратить серьезное внимание на постановку работы по народному образованию (здравоохранению, благоустройству и т.д.)».

В первые три года заседания пленума горсовета проводились, как тогда было принято говорить, «по-московски», т.е. в расширенном составе, с профсоюзным активом губернии и уезда и представителями от месткомов. Они устраивались еженедельно — по воскресеньям и ничего, кроме заседательской суеты, не по-

¹ Отчет о работе Новониколаевского Городского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов 4-го созыва за время с 30-го ноября 1924... С. 2.

рождали. Поэтому активность горсовета, еще заметная в первые шесть – семь месяцев работы, к концу избирательного срока (один год) совершенно угасала. Члены горсовета, не видя реальных плодов своей деятельности, прекращали посещать заседания совета и секций. Десятки депутатов (иногда до половины состава) по разным причинам вообще выбывали из списков. В 1923 г., например, за полсрока работы горсовета из 222 депутатов прекратили свои полномочия 96 чел. (43 %)¹.

Трудности в повседневной работе во многом создавал номенклатурный фактор. Он проистекал из того, что значительную часть депутатского корпуса составляли руководящие работники губернских и общесибирских партийных и советских органов власти и управления, для которых участие в заседаниях горсовета «сибирской столицы» являлось своего рода партийным ритуалом, таким же, как для правителей в Москве. Заседания горсовета (большей частью парадно-мемориальные) служили не только формой пропагандистского закрепления советских ритуалов, но и закрепления личного влияния партийных руководителей в системе местной власти. Начиная с 1921 г., депутатами Новониколаевского совета избирались члены Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкома² (С.Е. Чуцкаев, Е.М. Ярославский, М.М. Лашевич, А.А. Ширямов, Р.И. Эйхе, Д.Н. Шапиро, А.А. Копятевич, А.М. Тамарин), ответственные работники губкома РКП(б), губисполкома, руководители милиции, суда, прокуратуры, армейских частей и других учреждений. Занимая важные посты в сибирских и губернских аппаратах партии и государства, такие депутаты были постоянно заняты по основной работе либо находились в командировках вне города и, конечно, не могли систематически посещать горсовет.

По всем этим причинам вопрос о явке избранников на заседания горсовета, не говоря уже о практическом участии в его работе, представлял собой хроническую проблему. Депутаты часто не могли собраться в необходимом составе, и заседания приходилось проводить без кворума, т.е. с нарушением регламента. Особенно трудно было собрать депутатов в секциях. Прогоулы тут каждый год были неискоренимой нормой. Для решения этой проблемы ответственные руководители иногда прибегали к не-

¹ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 30. Л. 169.

² С лета 1921 г. Новониколаевск стал административным и политическим центром Сибири: из Омска сюда были переведены все руководящие областные организации, включая Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком.

ординарным мерам. В ноябре 1921 г., например, на заседании Новониколаевского губисполкома выдвигалось такое предложение: «[...] Ввиду апатичного отношения членов горсовета в работе последнего, необходимо воздействовать на них, вплоть до репрессивных мер, дабы тем самым понудить членов горсовета со вниманием и серьезностью относиться к работе горсовета»¹. В другом случае (январь 1921 г.) горезездный исполком отмечал, что заседания дважды пропустили более 40 членов. На этом основании было вынесено предупреждение: «[...] В дальнейшем члены горсовета за неявку будут подвергаться административным наказаниям, вплоть до ареста. Партийным организациям и профсоюзам предлагается призвать товарищей к порядку»².

В 1922–1924 гг. на членов совета, пропускающих заседания, налагался штраф в размере 500 тыс. руб. «в пользу голодающих». Существовала также практика исключения из членов горсовета «за систематическое непосещение» секций и пленумов или «неявку на регистрацию» с последующим замещением выбывших членов кандидатами. В частности, в совете 4-го созыва только за шесть месяцев 1925 г. было исключено 14 членов и 6 кандидатов «за систематическое непосещение заседаний и полный отрыв от горсовета»³.

По мере того, как в городе шло восстановление экономической и социальной жизни после гражданской войны, в деятельности горсовета стали появляться новые формы. Работа депутатов в секциях начала рассматривалась как основная функция избранников и как стержень деятельности всего горсовета. В секциях сосредоточивались все частные вопросы, предоставленные на разрешение горсовету. Через секции депутаты призваны были реализовать свои полномочия, оказывать влияние на органы государственного и местного управления, контролировать их повседневную работу и таким образом воплощать в жизнь интересы городских масс. Однако на практической работе секций как раз и отражалась основная болезнь горсовета. Серьезные рациональные решения депутатов либо не могли приниматься вообще, либо блокировались привходящими обстоятельствами. При очень высокой централизации партийно-государственной власти, нераз-

¹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 402. Л. 214.

² НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.

³ Отчет о работе Новониколаевского Городского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов IV созыва за время с 1-го апреля по 1-е октября 1925 года. Новониколаевск, 1925. С. 3.

граниченности функций местного и государственного управления, свойственных самой природе советской системы, найти разумное применение городскому депутатскому корпусу было практически невозможно. Деятельность членов горсовета в таких условиях выливалась в искусственные, малосодержательные акции, а посещение секций для многих становилось обузой. Даже собственного плана работы горсовет не принимал — он «спускался» из органов исполнительной власти. Чаще всего депутатов загружали работой, которую находил им губ(окр)исполком, используя метод «прикрепления»: членов коммунальной секции «прикрепляли» к коммунальным предприятиям и объектам, членов секции труда и быта — к бирже труда и артелям, финансово-бюджетной секции — к финучасткам, народного образования — к учебным заведениям и детским домам, здравоохранения — к лечебным учреждениям, торгово-кооперативной — к учреждениям и магазинам. В отведенных им организациях депутаты проводили обследования, а также заслушивали отчеты руководящих лиц, рассматривали жалобы населения. Работа по обследованию учреждений и разбору мелких конфликтов стала занимать основную часть депутатского времени. Как сообщает один из источников, такая секционная работа начала преобладать в горсовете с 1926 г., благодаря чему «горсовет перестал быть местом торжественных заседаний»¹. Кроме того, в общении с избирателями появилась практика коллективного выдвижения «наказов» (от имени рабочих их принимали на предвыборных собраниях по предприятиям). В целом же эти перемены мало содействовали росту общественного влияния горсовета. Большинство подготовленных депутатских докладов не получало никакого воплощения, а решения и предложения секций не имели необходимой законодательной силы и поэтому оставались только на бумаге.

Неопределенность правового и хозяйственного положения горсовета, тянувшаяся уже несколько лет, вызывала у части депутатов законное несогласие и побуждала к решительным переменам. В августе 1925 г. на объединенном заседании секций Новониколаевского совета депутаты откровенно изложили свои претензии: руководитель одной из секций — Бардышев — заявил, что у некоторых членов горсовета «проявляется желание о расширении прав горсовета, подведение под горсовет хозяйственно-финансовой ба-

¹ ГАНО. Ф.П-18. Оп. 1. Д. 120. Л. 33.

зы, предоставление горсовету прав иметь свой исполнительный орган». Однако предложение депутатов тут же посчитали преждевременным. Председатель окрисполкома (он же — председатель горсовета) М.К. Сенцов, руководивший совещанием, не нашел возможности поддержать такую инициативу. Он отметил лишь, что «проведение в жизнь положения о финансово-хозяйственной базе горсовета при настоящих условиях невозможно»¹.

Но необходимость перемен в советском строительстве уже отчетливо осознавалась и в высших партийных кругах. С осени 1925 г. большевистское руководство начало серию мер по активизации работы горсоветов и повышению их статуса. Новое «Положение о городских советах», изданное ВЦИК в октябре 1925 г., закрепило за горсоветами права на самостоятельный бюджет и кредиты, право самостоятельного юридического лица и возможность создания руководящих органов (президиумов), отделенных от губернских исполкомов. Им разрешалось теперь образовывать также самостоятельные коммунальные отделы и издавать обязательные постановления. Однако формировать свои полноценные исполнительные органы (исполкомы) горсоветы все же не могли. Такое право у них появилось лишь в 1930 г.

Таким образом, 1926 г. стал периодом крупных изменений в системе городского самоуправления Новосибирска. С этого времени горсовет впервые приблизился к фактическому управлению хозяйственной жизнью города как полноправный ответственный орган. В его распоряжение перешли, наконец, городской бюджет и городской коммунальный отдел местного хозяйства (ГОМХ) с двумя предприятиями — центральной электростанцией и хозкомбинатом. Кроме того, из окружного ведения ему были переданы городские части народного образования и здравоохранения. В результате этих перемен структура горсовета несколько расширилась. В нее стали входить секретариат, горкомхоз, горно, горфинчасть, горздравчасть. Но из них самостоятельными отделами являлись только секретариат и горкомхоз. Остальными отделами продолжали руководить заместители заведующих окружными отделами. Они же формально являлись членами горсовета или членами его президиума. Был также оформлен рабочий аппарат горсовета в составе заместителя председателя (освобожденный, в отличие от председателя), ответственный секретарь, технический секретарь, делопроизво-

¹ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 62. Л. 65.

дитель, три технических секретаря секций и машинистка, всего — восемь человек¹. С сентября 1926 г. Новосибирский горсовет впервые начал издавать собственные распоряжения.

С приобретением самостоятельного бюджета, а с ним и целого ряда хозяйственно-распорядительных функций городской совет получил значительный импульс для расширения своего влияния. Но расширение это было очень своеобразным, однобоким. Расширялась в основном административно-бюрократическая структура горсовета, связанная с деятельностью его исполнительного аппарата: президиума, секретариата и подчиненных им хозяйственных учреждений — горкомхоза, городского торгового отдела, горплана и др. К середине 1930 г. управленческий и обслуживающий персонал горсовета насчитывал уже 68 чел., а численность горкомхоза составляла 197 человек².

На фоне интенсивно растущей деятельности управленческого аппарата представительская часть горсовета — депутатский корпус — по-прежнему вел полуживое существование. Его энергии и инициативам, как и раньше, не находилось достойного применения. Работа секций шла очень вяло, а весной и летом практически прекращалась вообще в связи с отвлечением депутатов на заготовку сельхозпродуктов, уходом в отпуск или выездом на военные лагерные сборы. Как сообщалось в одном из отчетов, «активно работают в горсовете 52 %, остальные ничего не делают»³.

В 1927 г. по инициативе ВКП(б) в стране была развернута кампания «оживления советов», что само по себе свидетельствовало о фактическом бездействии до сих пор целого ряда базовых институтов советской системы. Реализация этого замысла носила по большей мере чисто бюрократический характер, поскольку не преследовала целей расширения реальных полномочий советов как представительных учреждений. В сентябре 1927 г. в Новосибирске под руководством Сибкрайисполкома было проведено 1-е краевое совещание работников горсоветов, решения которого обязывали внести в повседневную деятельность горсоветов очередные изменения. Важнейшие из них формулировались в виде общих пожеланий и могли трактоваться чрезвычайно широко⁴:

¹ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 62. Л. 142.

² НГА. Ф. 33. Оп. 2. Д. 8. Л. 2–9.

³ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 212. Л. 17.

⁴ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 180. Л. 232, 238; Д. 205. Л. 270.

— поскольку «содержание работы страдает отсутствием практических форм», «советы должны не только заседать, но и развернуть практическую работу»;

— «работа секций в основном должна развертываться по линии обслуживания хозяйственных нужд широких масс избирателей, изучения и разработки крупных вопросов состояния и жизни города»;

— шире использовать практику обследования учреждений и организаций;

— вовлекать советы в систематическую борьбу с бюрократизмом в государственном аппарате, создав для этого секции рабоче-крестьянской инспекции (РКИ).

Более конкретные решения совещания рекомендовали поднять посещаемость депутатами заседаний пленумов и секций, а в целях усиления связи горсоветов с избирателями проводить не менее половины депутатских заседаний на производстве и в рабочих клубах.

С этого же времени избирателям впервые было предоставлено право досрочного отзыва из советов тех депутатов, которые «не оправдали доверия». Мероприятие по отзыву, проводившееся как очередная кампания, завершилось радикальным обновлением: в начале 1928 г. из Новосибирского горсовета была удалена почти треть всего состава (99 чел.), 81 депутата отзывали «за пассивность». По завершению процедуры отзыва ее инициаторы признали, что это мероприятие нанесло значительный ущерб репутации горсоветов, так как большинство отзыванных были рабочими с производства: «кампания показала незнание горсоветами того состава, который влился к ним в результате выборов 1927 года»¹.

В апреле 1928 г. состоялось 2-е Сибирское краевое совещание работников городских и поселковых советов. Оно подвело некоторые итоги кампании «оживления» и отметило появление новых непредвиденных проблем. Одна из них заключалась в том, что развернутые депутатами обследования в организациях и в учреждениях породили массу конфликтов с теми, кто подвергался этой процедуре. Совещание называло их «случаями небрежного, невнимательного, а подчас и грубо-бюрократического отношения обследуемых учреждений к комиссиям, организуемых для этой

¹ НГА. Ф. 33. Оп.1. Д. 213. Л. 306.

цели советами, что срывает и подрывает авторитет советов»¹. Сами депутаты жаловались: «Если член горсовета указывает на недостатки администрации, то последняя отвечает: я здесь хозяин и это мое дело, а тебе здесь делать нечего»².

Оба сибирских совещания в итоге оказались столь же безрезультатными, как и прочие административные мероприятия по «оживлению советов». Новосибирский горсовет продолжал свое существование в тех же условиях, что и ранее, расширяя функции узкого аппарата по управлению местным хозяйством, но все дальше отстраняя от участия в реальных делах избранных представителей. Несмотря на образование дополнительных секций (в 1929 г. их стало 10), многие депутаты, как и прежде, теряли интерес к своей деятельности, сводя посещение заседаний к минимуму. В 1929 г. посещаемость упала до критической отметки. На некоторые заседания пленума из 400 чел. являлись лишь 17 % депутатов. Такой низкий уровень участия, отмечалось в официальном докладе, «вынудил горсовет провести поголовную проверку работы членов и кандидатов на местах (за исключением неорганизованных)»³.

Кроме того, некоторые депутаты и лица, привлекаемые к работе горсовета на правах «активистов», стали чаще злоупотреблять своими полномочиями в личных интересах либо просто критиковать советские порядки. Хотя возможности для извлечения выгоды внутри горсовета были очень ограничены и не шли ни в какое сравнение с органами исполнительной власти, но предприимчивым людям, вероятно, и здесь удавалось находить нужные им лазейки. В документах этого периода отмечались, например, такие факты: безработный Коль (лишился места в результате чистки госаппарата) и домохозяйка Маслова, приглашенные в секцию РКИ как «активисты», «пытались использовать свое положение в интересах устройства на работу»; в секции здравоохранения «активистка» Бициоха была избличена в том, что «ходатайствовала за заключенных в ИТД» (исправительно-трудовой дом). Одновременно с этим фиксировались и нарушения политического свойства: «член горсовета Земский, избранный от неорганизованного населения,

¹ Решения 2-го краевого совещания работников городских и поселковых советов Сибири. Новосибирск, 1928. С. 2.

² НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 212. Л. 17.

³ Отчет Новосибирского горсовета 8-го созыва за время 1928–1929 года. (Плакат). (НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 248а.)

распространял слухи о том, что советская власть заморит рабочих и крестьян голодом»; в секции труда и быта депутат Слепин «агитировал против 3-го Займа индустриализации»¹.

Развитие городского самоуправления в Новониколаевске (Новосибирске) в 1920-е годы шло весьма необычным, противоречивым путем и отчетливо отражало основную динамику советского строительства большевистского толка. По своему характеру оно означало значительный шаг назад по сравнению с дореволюционной эпохой и теми городскими реформами, которые проводились в царской России с 1860-х годов. Сохраняя облик института народного представительства, горсовет на практике оставался искусственной, имитационной конструкцией. Он исполнял роль своеобразного придатка партийно-государственного аппарата, выдаваемого официальной пропагандой за «школу управления для рабочих и крестьян», через которую «государственный аппарат связывается с массами»².

¹ НГА. Ф. 33. Оп. 1. Д. 278. Л. 22.

² *Сталин И.В.* Политический отчет XV съезду ВКП(б) 2–19 декабря 1927 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 10. С. 320.

**ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА
СИБИРСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА РКП(б) – ВКП(б)
(МАЙ 1924 – АВГУСТ 1930 г.)**

Статья посвящена формированию организационной структуры Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б), являвшегося в 1924–1930 гг. высшей партийной инстанцией Сибири. На основе широкого круга опубликованных и архивных источников показана преемственность аппаратов Сибирского бюро ЦК и созданного вместо него в мае 1924 г. краевого комитета, проанализированы изменения, происходившие в структуре Сибкрайкома на всем протяжении его существования, объяснены причины и оценены результаты многочисленных реорганизаций. Сделан вывод о неэффективности попыток краевого руководства адаптировать структуру Сибкрайкома к сибирским реалиям, завершившихся в начале 1930 г. её полной унификацией по образцу Секретариата ЦК.

Ключевые слова: РКП(б), ВКП(б), Сибкрайком, организационная структура, партийный аппарат, реорганизация, рационализация.

Организационная структура всегда была и остается неотъемлемой характеристикой всех общественно-политических институтов: органов государственной власти, политических партий, общественных организаций и т.п. Сторонники институционального подхода давно и убедительно показали необходимость её изучения, а один из крупнейших политологов XX века, М. Дюверже, даже избрал структуру политических партий в качестве базового критерия их типологизации.

Подтверждением того, что исследование любой партии, в том числе большевистской, невозможно без анализа организационной структуры, является также то значение, которое придавало ей партийное руководство. Являвшаяся ядром советской политической системы Российская (с декабря 1925 г. — Всесоюзная) коммунистическая партия на всем протяжении 1920-х годов уделяла неослабное внимание состоянию своего аппарата в целом и функционированию отдельных его структур в частности. Устав РКП(б), утвержденный в августе 1922 г. XII Всероссийской партконференцией, определял шестиуровневую схему партийного устройства: Центральный комитет; областные комитеты или областные бюро ЦК; губернские комитеты; уездные комитеты; во-

лостные комитеты; бюро ячеек¹. Внутренняя структура этих органов задавала отчасти их кадровый состав, сказывалась на скорости принятия решений и эффективности последующего проведения этих решений в жизнь.

Как ни парадоксально, в советской историографии изучение структуры коммунистической партии долгое время осуществлялось лишь попутно в рамках исследований, посвященных партийному строительству в целом. Специальные публикации на эту тему появились только в середине 1970-х – начале 1980-х годов. Проанализировав изменения, происходившие в аппарате РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) в 1917–1941 гг., Л.А. Малейко впервые интерпретировал их как «процесс поиска партией оптимальной структуры». Введя в научный оборот базовый фактический материал, Л.А. Малейко описал два основных принципа построения партийного аппарата: отраслевой и функциональный, показал сложности, с которыми сталкивалось партийное руководство при их использовании, а также проследил изменения, произошедшие в исследуемый им период в структуре Центрального комитета РКП(б) – ВКП(б)².

В середине 1980-х годов в сферу научных интересов историков наконец-то попало формирование аппарата местных партийных органов, в том числе в Сибири. Томские исследователи В.Н. Гузаров и Т.А. Кузнецова выяснили основные направления партийного строительства в Сибири в 1920-е годы, оценили его результаты и пришли к выводу о создании в крае благоприятных условий для «успешного социалистического строительства». Изменения структуры партийных органов при этом авторы объяснили стремлением партийного руководства обеспечить условия для успешного проведения директив партии в жизнь.

Примерно тогда же сибирские исследователи приступили к изучению отдельных структурных элементов партийного аппарата: организационно-инструкторских отделов, национальных секций, истпартов. Причем внимание исследователей в этом случае было сконцентрировано главным образом на изучении структуры губернских и уездных комитетов.

¹ Устав Российской коммунистической партии (большевиков) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2: 1917–1922. М., 1983. С. 577.

² Малейко Л.А. Из истории развития аппарата партийных органов // Вопросы истории КПСС. М., 1976. № 2. С. 111–122; *Он же*. Партийный аппарат: становление и развитие (1917–1941). Ростов-на-Дону, 1981. 136 с.

В результате структура партийных органов областного и краевого уровня — Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) — до недавнего времени оставалась почти не исследованной, что представляется по-настоящему парадоксальным. С декабря 1919 по май 1924 г. Сиббюро ЦК, а с мая 1924 по август 1930 г. Сибкрайком были руководящими партийными инстанциями Сибири. Именно они, являясь связующим звеном между верховной властью и низовыми партийными организациями, адаптировали решения высшего партийного руководства к местным условиям и отвечали за правильность и оперативность проведения этих решений в жизнь.

В постсоветской историографии исследователи предприняли попытку восполнить обозначенный пробел, хотя изучение партийного аппарата Сибири ограничилось все же преимущественно первой половиной 1920-х годов¹. Охарактеризовав функционирование Сиббюро ЦК и подотчетных ему губкомов, исследователи показали процесс формирования так называемого «партийного чиновничества» и вплотную подошли к проблеме организации Сибкрайкома. Частично сведения о структуре и механизмах работы краевого комитета были введены в научный оборот автором настоящей статьи². Представляется в то же время, что знание и осмысление того, как был устроен краевой комитет РКП(б)–ВКП(б) в целом, поможет лучше понять, как краевое партийное руководство готовило и принимало свои решения, каким образом доводило их до сведения местных партийных организаций и как контролировало исполнение своих директив.

* * *

Сибирский краевой комитет РКП(б) был избран первой Сибирской партийной конференцией 11 мая 1924 г. вместо упразд-

¹ Олех Г.Л. Партийная машина РКП(б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск, 1995. 146 с.; Гузаров В.Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков. 1917–1925 гг. Томск, 2007. 390 с.

² Морозова Т.И. Бюро Сибирского краевого комитета РКП(б)–ВКП(б): компетенция, состав, формы и методы деятельности (май 1924 – август 1930 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2013. № 1. С. 45–48; Она же. Организация и деятельность отдела по работе в деревне Сибирского крайкома ВКП(б) (январь 1928 – февраль 1930 г.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Сборник материалов международной научной конференции. Новосибирск, 2014. С. 228–235.

ненного Сибирского бюро ЦК. По аналогии с Центральным комитетом Сибкрайком состоял из пленума, бюро и партийного аппарата, выполнявших отведенные им функции. На пленум краевого комитета, численность которого с весны 1924 по лето 1930 г. выросла с 48 до 137 человек, было возложено решение двух важнейших задач. Первая заключалась в налаживании организационной связи партийного руководства Сибири с областными учреждениями и местными партийными организациями. Представители так называемых «Сибов», губкомов, укомов и райкомов, избранные членами и кандидатами в члены пленума краевого комитета, возвращаясь после заседаний к месту своей основной работы, оперативно доводили до сведения коллег информацию о решениях Сибкрайкома. Вторая задача сводилась к демонстрации проведения в жизнь принципов внутрипартийной демократии посредством введения в состав пленума Сибкрайкома членов первичных партийных организаций, что придавало ореол легитимности всем его решениям. В то же время пленум краевого комитета никогда напрямую не взаимодействовал с высшим партийным руководством.

Правом обращаться непосредственно в ЦК РКП(б) для разрешения тех или иных вопросов обладало только бюро крайкома. Согласно Уставу РКП(б), в обязанности этому органу вменялось обеспечение непрерывной деятельности партийного комитета между периодически созывавшимися пленумами и конференциями. Первый пленум краевого комитета, состоявшийся уже 11 мая 1924 г. избрал бюро Сибкрайкома в составе девяти членов и двух кандидатов в члены. Причем семь из девяти членов бюро крайкома составили члены упраздненного Сиббюро ЦК: секретарь Новониколаевского губкома П.С. Заславский, бывший секретарь Сиббюро ЦК С.В. Косиор, председатель Сибревкома М.М. Лашевич, полномочный представитель ОГПУ по Сибири И.П. Павлуновский, бывший заведующий агитационно-пропагандистским отделом Сиббюро ЦК Б.Д. Пинсон, бывший заведующий организационно-распределительным отделом Сиббюро ЦК Н.В. Rogozинский и председатель Сиббюро ВЦСПС Ю.П. Фигатнер. Секретарем Сибкрайкома единогласно был утвержден С.В. Косиор. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на формально имевшую место выборность краевого комитета, его ядро являлось по своей сути тем же самым территориальным отделом ЦК, каким было до него Сиббюро.

Не вызывает сомнения, что этот скрытый статус играл решающую роль при определении прав и обязанностей бюро краевого комитета. Являясь «ставленниками» ЦК члены бюро Сибкрайкома были ответственны не столько перед областными (с 1925 г. — краевыми) партконференциями, о чём шла речь в Уставе РКП(б), сколько перед высшим партийным руководством, от которого напрямую зависела их дальнейшая судьба. Обличенное доверием Москвы партийное руководство Сибири получило тем самым право на использование широчайшего спектра форм и методов партийной работы, применение которых ограничивалось лишь необходимостью соблюдения интересов ЦК. Именно Сибкрайком на всем протяжении своего существования являлся непосредственным руководителем всех политических, идеологических и хозяйственных кампаний в крае.

Широта и в то же время неопределенность компетенции Сибкрайкома обусловили необходимость создания разветвленной структуры, которая позволила бы краевому руководству оперативно решать все, стоявшие перед ним задачи. Базовым элементом этой структуры, согласно Уставу РКП(б), являлись специальные отделы¹, которые на первых порах, также как и руководящее ядро, были унаследованы краевым комитетом от Сибирского бюро ЦК.

Весной 1924 г., накануне первой Сибпартконференции, аппарат Сиббюро ЦК РКП(б) состоял из 16 структурных подразделений: организационно-распределительного отдела с информационно-статистическим, учетно-распределительным и транспортным подотделами; агитационно-пропагандистского отдела с подотделами агитации, печати и четырьмя национальными секциями (татаро-киргизской, латышской, немецкой, эстонской); отдела по работе среди женщин, истпарта, общего отдела (канцелярии); сметно-финансовой и секретно-директивной частей. С упразднением Сиббюро ЦК все перечисленные структуры, за исключением транспортного подотдела², были автоматически переданы в ведение Сибкрайкома.

¹ Устав Российской коммунистической партии (большевиков). Принят VIII Всероссийской конференцией РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2: 1917–1922. М., 1983. С. 202.

² Постановление ЦК о ликвидации транспортных подотделов с заменой их инструкторами по транспорту при партийных комитетах было принято еще 14 марта 1924 г. (ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 305. Л. 41). Вероятно, руководствуясь этим решением, 26 марта Сиббюро ЦК направило в ЦК собственный проект, в

Первый пленум краевого комитета, состоявшийся 11 мая 1924 г., утвердил руководителей трех отделов Сибкрайкома: заведующего орграспредотделом — Н.В. Рогозинского, заведующего агитпропотделом — Б.Д. Пинсона и заведующую отделом по работе среди женщин — Е.В. Кузнецову. Все трое раньше возглавляли соответствующие отделы Сибирского бюро ЦК и, следовательно, были хорошо знакомы с возложенными на них обязанностями. Произведенное с санкции ЦК утверждение заведующими Н.В. Рогозинского и Б.Д. Пинсона, являвшихся сначала членами Сиббюро ЦК, а затем членами бюро Сибкрайкома, свидетельствовало о значимости организационно-распределительного и агитационно-пропагандистского отделов. Подтверждением этого факта служит также и то, что на время служебной командировки или отпуска секретаря краевого комитета функции его заместителя исполнял, как правило, заведующий орграспредотделом краевого комитета, а в случае отсутствия последнего, заведующий агитпропотделом Сибкрайкома.

Примечательно, что организационно-распределительный отдел крайкома, несомненно являвшийся ключевым в его аппарате, оказался в то же время самым «молодым» структурным подразделением. Дело в том, что в период гражданской войны и в первые послевоенные годы, когда одной из наиболее острых проблем для большевиков являлось создание и укрепление партийного аппарата на местах, важнейшую роль в структуре партийных органов, и в том числе Сибирского бюро ЦК, играл организационно-инструкторский отдел. В обязанности ему вменялись выявление состояния всех нижестоящих партийных организаций, доведение до их сведения решений партии, инструктирование и проверка исполнения партийных директив, изучение и обобщение опыта партийного строительства.

Однако 4 марта 1924 г. Оргбюро, а 13 марта 1924 г. Политбюро ЦК приняли решение о слиянии организационно-инструкторского

котором утверждалось, что транспортные подотделы в Сибири выполнили свою основную задачу, заключавшуюся в обеспечении «полного влияния парторганов на транспорт», и могут быть упразднены как на губернском, так и на областном уровне (ГАНУ. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 187. Л. 27–28; Оп. 2. Д. 17. Л. 64–65). Однако на практике вплоть до открытия первой Сибпартконференции этот вопрос так и не был решен. В итоге ликвидация транспортного подотдела Сиббюро была произведена только в мае 1924 г. в ходе передачи дел новому партийному органу — Сибкрайкому РКП(б).

и учетно-распределительного отделов ЦК РКП(б)¹. Аналогичной реорганизации подверглись и нижестоящие партийные комитеты. Представляется, что произведенная трансформация была обусловлена двумя тесно взаимосвязанными причинами. Первая заключалась в заметном повышении роли учетно-распределительной работы. Появление в начале 1920-х годов партийной номенклатуры, назначавшейся на те или иные должности Центральным комитетом или областными партийными органами по предварительному согласованию с ЦК, сделало подбор и распределение кадров одним из наиболее востребованных и действенных методов партийного руководства. Вторая причина состояла, вероятно, в одновременном ослаблении значения инструкторского аппарата. Так, по сведениям организационно-инструкторского отдела ЦК, в марте 1923 г. инструктора числились в штате только 38 губкомов и обкомов из 70 предоставивших эту информацию, причем 24 из них имели не более двух инструкторов. Признавая сложившееся положение ненормальным, ЦК констатировал, что «отсутствие планомерности и систематичности в инструктировании [...] не может способствовать углублению работы на местах»². Таким образом учреждение в структуре партийных комитетов всех уровней объединенного организационно-распределительного отдела являлось по сути негласным признанием того, что высшее партийное руководство отказалось от тщательного инструктирования местных партийных работников в пользу расстановки на ответственные посты кадров, включенных в номенклатуру областных и центральных органов партии.

Созданный таким образом всего за несколько месяцев до первой Сибпартконференции организационно-распределительный отдел Сиббюро ЦК испытывал серьезные организационные трудности. Летом 1924 г., уже после передачи орграспредотдела в ведение Сибкрайкома, в его штате состояли только два сотрудника: заведующий отделом Н.В. Рогозинский и секретарь А.М. Ксендзов³. В результате, когда 19 июня 1924 г. Н.В. Рогозинский получил полугодовой отпуск «с правом выезда из Сибири», а затем с 1 сентября 1924 г. был официально откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б), работа организационно-распределительного отдела оказа-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 425. Л. 6.

² Инструкторский аппарата на местах (по материалам орготдела ЦК) // Известия ЦК РКП(б). М., 1923. № 2. С. 77–79.

³ ГАНУ. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 393. Л. 81 об.

лась почти парализованной¹. Заслушав 14 ноября 1924 г. просьбу Сибкрайкома прислать в его распоряжение ответственного работника для замещения вакантной должности, Оргбюро ЦК приняло решение направить для этого в Сибирь первого секретаря полпреда СССР в Польше А.К. Лепу².

Выбор кандидатуры на пост заведующего важнейшим отделом краевого комитета свидетельствовал о намерении ЦК укрепить руководство Сибирской партийной организацией. Несмотря на то, что из-за командирования в Польшу А.К. Лепа почти на девять месяцев оказался оторванным от внутривнутрипартийной жизни, именно он к концу 1924 г., по всей видимости, оставался одним из наиболее опытных кадров в области организационно-распределительной работы. Прослужив с ноября 1921 по январь 1924 г. заместителем заведующего учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б), А.К. Лепа был прекрасно осведомлен о задачах кадровой политики большевиков и методах её проведения в жизнь.

В обязанности орграспределотдела краевого комитета входили, прежде всего, обеспечение «организационной связи» со всеми сибирскими парткомами, количественный и качественный учёт, а также подбор и расстановка партийных кадров. Решение названных задач осуществлялось соответственно через информационно-статистический и учетно-распределительный подотделы. Первый занимался сбором информации о состоянии партийной работы в Сибири, проверкой исполнения парткомами решений краевого комитета и директив ЦК, сбором, обработкой и хранением статистической информации о состоянии партии, подготовкой информационных обзоров и писем для бюро Сибкрайкома и информационного отдела ЦК. Второй подотдел отвечал за подбор и распределение партийных кадров в Сибири, вынося вопросы о назначении и/или утверждении секретарей губкомов, руководителей комсомольских и общественных организаций, советских и хозяйственных областных органов на рассмотрение бюро краевого комитета. Штат каждого из подотделов организационно-распределительного отдела Сибкрайкома состоял из заведующего, секретаря и трех – четырех технических сотрудников.

Аналогичным образом был устроен агитационно-пропагандистский отдел Сибкрайкома. Хотя в задачи агитпропа входило

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 2а. Л. 65; Д. 394. Л. 50.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 17. Л. 540.

руководство всей партийной и политико-просветительной работой на территории Сибири, в мае – июле 1924 г. в его штате состояли только заведующий отделом Б.Д. Пинсон и секретарь О.И. Сироткина. Состоявшееся в мае 1924 г. совещание сибирских агитпропработников констатировало необходимость существования при агитационно-пропагандистском отделе крайкома подотделов агитации, пропаганды и печати¹. Однако, ссылаясь на недостаток подготовленных кадров, весной 1924 г. краевой комитет укомплектовал лишь два подотдела: агитации и печати. Отчитываясь в начале октября 1924 г. перед ЦК РКП(б), Сибкрайком признавал, что «только за последнее время агитпроп начал пополняться необходимыми силами, но далек еще до полного укомплектования»². Следствием такого состояния аппарата стало отсутствие конкретного плана, слабое взаимодействие агитационно-пропагандистского отдела с губернскими и уездными партийными организациями.

Дополнительным фактором, обусловившим сложную разветвленную структуру агитпроподдела Сибкрайкома стала установка большевиков на вовлечение в партию представителей национальных меньшинств. Для ведения политической и агитационно-пропагандистской работы среди наиболее многочисленных групп иноязычного населения при партийных комитетах разных уровней создавались соответствующие национальные секции³. На протяжении 1924 г. при агитационно-пропагандистском отделе Сибкрайкома действовали четыре нацсекции: татаро-киргизская, латышская, немецкая и эстонская. В мае – июне 1925 г. были учреждены также польская и мордовская секции⁴.

Наряду с организационно-распределительным и агитационно-пропагандистским отделами, которые вели работу по ключе-

¹ *Зеленцов И.* Организационный вопрос на Сибирском совещании агитпропов // Советская Сибирь. 1924. 11 мая.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 18. Л. 24.

³ *Шарапов Я.Ш.* Национальные секции РКП(б). Казань, 1967. 273 с.; *Колоткин М.Н.* Национальные секции РКП(б) в Сибири и их деятельность (конец 1919–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983. 19 с.; *Бейка А.* Образование латышских секций РКП(б) в Сибири // Вопросы истории и партийного строительства КП Латвии. Рига, 1985. Том. 7. С. 62–63; *Савин А.И.* Немцы Западной Сибири (конец 1919–1928 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. С. 28–60; *Дёниннгдаус В.* В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.) М., 2011. С. 302–425.

⁴ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 429 а. Л. 164; ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 4. Л. 7.

вым направлениям партийного строительства, в структуре краевого комитета существовали также узкоспециализированные подразделения. Весной 1924 г. в аппарате Сибкрайкома их было два: отдел по работе среди женщин, часто называемый в партийных документах женотделом, и испарт.

Функции отдела по работе среди женщин состояли главным образом в постановке агитации и пропаганды с целью вовлечения женщин в ряды партии и привлечения их к участию в работе Советов и профсоюзов, а также в разработке проблем, связанных с ролью женщины в обществе и с материнством¹. Численность сотрудников женотдела Сибкрайкома варьировалась в диапазоне от пяти до семи человек: заведующая, её заместитель, секретарь, два – четыре инструктора.

На правах отдела Сибкрайкома функционировал Сибистпарт². Основными задачами этой структуры являлись сбор, систематизация, изучение и публикация материалов по истории большевистской партии, Октябрьской революции и гражданской войны в России. Однако выполнение этой работы было заметно осложнено разрозненностью и часто плохой сохранностью документов, отсутствием помещений, пригодных для их хранения, недостатком грамотный коммунистов, способных квалифицировано выполнять архивную и исследовательскую работу. Так, с мая 1924 по февраль 1927 г. наряду с заведующим Испартом Б.Д. Вегманом в этом отделе крайкома работал всего один научный сотрудник. В результате трудноразрешимой проблемой оказался как сбор необходимых источников, так и их последующая систематизация внутри фондов³.

Техническая сторона работы бюро Сибкрайкома и всех вышеназванных отделов и подотделов обеспечивалась тремя структурными подразделениями: общим отделом (или канцелярией), секретно-директивной и сметно-финансовой частями. Сотрудники канцелярии занимались приемом, регистрацией и сортировкой поступающей в комитет корреспонденции; машинописным набором и отправкой исходящих писем; ведением и рассылкой

¹ Положение о женотделе при ЦК РКП(б) и губженотделах // Справочник партийного работника. М., 1922. Вып. 2. С. 64.

² См.: Посадсков А.Л. Испарт // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1. С. 702–706.

³ Доклад ревизионной комиссии // Третья Сибирская краевая партийная конференция (25–30 марта 1927 г.): стенографический отчет. Новосибирск, 1927. С. 66.

протоколов Сибкрайкома, за исключением секретных; выдачей различных справок и пр. В мае 1924 г. в штате канцелярии состояли семь человек: управляющий делами, делопроизводитель, журналист и четыре машинистки. Вся секретная переписка краевого комитета как с ЦК, так и с нижестоящими партийными организациями осуществлялись через секретно-директивную часть в лице её заведующего, шифровальщика и одной машинистки. За составление смет, финансирование сибирских партийных организаций и выдачу заработной платы сотрудникам аппарата Сибкрайкома был ответственен сметно-финансовый отдел. Непосредственное исполнение этих функций осуществлялись заведующим, бухгалтером, кассиром и счетоводом.

Необходимость руководства огромной по территории Сибирской партийной организацией и начавшаяся в 1925 г. в связи с проведением районирования перестройка партийного аппарата привели к чрезмерной нагрузке на все структурные подразделения краевого комитета. Именно это, по официальной версии, озвученной секретарем крайкома С.В. Косиором на состоявшемся 30 марта – 2 апреля 1925 г. пленуме Сибирского крайкома, послужило основной причиной дальнейшего разрастания структуры краевого комитета. Стремясь по возможности оптимизировать деятельность высшей партийной инстанции Сибири, пленум Сибкрайкома принял два организационных решения.

Первое состояло в признании целесообразным ввести должность второго секретаря краевого комитета. По согласованию с ЦК на новый пост был утвержден заведующий организационно-распределительным отделом Сибкрайкома А.К. Лепа¹. Спустя почти две недели, 14 апреля 1925 г., бюро краевого комитета приняло постановление о разделении обязанностей первого и второго секретарей. На основании этого решения С.В. Косиору было поручено руководство агитационно-пропагандистской работой, комиссиями при краевом комитете РКП(б) и комсомольскими организациями Сибири. Прерогативой А.К. Лепы стали контроль за распределением кадров и финансовой деятельностью крайкома, партийное руководство кооперацией и поддержание контактов с Сибирской контрольной комиссией². Однако анализ протоколов заседаний бюро краевого комитета позволяют утверждать, что это

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 499. Л. 3.

² ГАНУ. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 2. Л. 89.

распределение обязанностей носило в большей степени формальный характер и не соблюдалось на практике.

Вторым решением пленума краевого комитета стало учреждение секретариата, который, как предполагалось, должен был взять на себя всю «внутреннюю и подготовительную работу» крайкома, освободив от неё бюро¹. В тот же день, 2 апреля 1925 г., бюро крайкома утвердило состав нового органа. Его членами стали первый секретарь крайкома С.В. Косиор, второй секретарь крайкома А.К. Лепа, заведующий орграспредотделом крайкома Р.Я. Кисис. Кандидатами в члены — заведующий агитпропотделом крайкома Б.Д. Пинсон, заведующая отделом крайкома по работе среди женщин Е.В. Кузнецова, заведующий информационно-статистическим подотделом крайкома Ф.И. Гуськов².

Формируя состав секретариата Сибкрайкома из руководителей важнейших отделов и подотделов краевого комитета, партийное руководство Сибири стремилось создать орган, который координировал бы работу основных структурных подразделений крайкома и выступил бы в роли посредника между бюро и аппаратом краевого комитета. Основные функции секретариата Сибкрайкома заключались в утверждении планов работы отделов Сибкрайкома, организации краевых и губернских совещаний заведующих отделами, утверждении принятых этими совещаниями резолюций, предоставлении отпусков сотрудникам краевого комитета, выделении средств из кассы крайкома на те или иные нужды.

Однако, занимая наивысшие партийные должности в крае, члены секретариата Сибкрайкома на практике пользовались заметно более широкими правами. Формально являвшийся только «вспомогательным» органом секретариат краевого комитета уже с мая 1925 г. явочным порядком взял на себя функции подбора и распределения партийно-советских кадров. Всего через несколько месяцев после создания нового органа разграничение компетенции бюро и секретариата Сибирского крайкома стало весьма условным. Секретариат обсуждал и выносил постановления по самым различным внутрипартийным, общественно-политическим и социально-экономическим вопросам, обсуждение которых было доверено ему членами бюро Сибкрайкома.

Причем одни решения секретариата принимались к испол-

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 58. Л. 90–91.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 2. Л. 81.

нению сразу же после их принятия, другие — сначала подлежали утверждению на заседании бюро краевого комитета. Принцип такой дифференциации обсуждавшихся секретариатом крайкома вопросов документально нигде зафиксирован не был. Необходимость утверждения постановлений секретариата определялась членами бюро краевого комитета особо в каждом отдельном случае. В таком же положении оказались и другие партийные комитеты в СССР. В начале 1927 г. центральный журнал «Известия ЦК ВКП(б)» сообщал: «Этот институт, совершенно не предусмотренный Уставом партии, часто занимается разрешением серьезных вопросов, вплоть до заслушивания докладов нижестоящих организаций, причем в отдельных организациях решения „секретариата“ даже не вносятся на утверждение бюро парткома»¹.

Сложившееся положение оказалось возможным благодаря тому, что большинство партийных работников, составлявших секретариат Сибкрайкома, являлись одновременно членами или кандидатами в члены бюро краевого комитета. Сопоставление персональных составов двух этих органов свидетельствует о том, что на протяжении второй половины 1920-х годов они совпадали не менее чем наполовину, а летом 1930 г. секретариат вообще был сформирован исключительно из членов и кандидатов в члены бюро краевого комитета. Следовательно, решения двух разных органов фактически принимались одними и теми же людьми. Таким образом, формально выполненная задача «разгрузить» бюро крайкома от вопросов второстепенного значения на практике дала абсолютно противоположный эффект. Наличие сразу двух органов с аналогичными функциями и кадровым составом, иногда по несколько раз переадресовывавших друг другу тот или иной вопрос, напрямую вело к бюрократизации аппарата Сибкрайкома и неоправданному затягиванию принятия решений.

Усугублялась ситуация, кроме того, и неэффективной работой информационно-статистического подотдела краевого комитета. В январе 1925 г. ЦК РКП(б) признал, что «информация на местах часто и до сих пор всё находится на задворках партийного аппарата»². Вместо того, чтобы оперативно собирать и анализировать сведения о состоянии местных партийных организаций, информировать по-

¹ Маркович В. К вопросу о подготовке новых руководящих кадров партии // Известия ЦК ВКП(б). М., 1927. № 2–3. С.11–12.

² Бисярин В.[Г.] Первое полугодие работы информотдела ЦК // Известия ЦК РКП(б). М., 1925. № 2. С. 3–4.

следние о решениях партии и проверять проведение в жизнь директив ЦК, информационные и информационно-статистические подотделы областных, краевых и губернских парткомов в большинстве случаев являлись «простыми хранителями архива бумаг». Сотрудники информационно-статистического подотдела Сибкрайкома подшивали в папку вырезки из сибирских газет, накапливали многостраничные отчеты и информационные письма местных парторганизаций, но не справлялись не только с изучением, но часто даже с простым прочтением этих материалов. Не получая своевременно обзоров и статистических сводок от информационно-статистического подотдела краевого комитета, агитационно-пропагандистский отдел, отдел по работе среди женщин и учетно-распределительный подотдел Сибкрайкома затрачивали в результате дополнительное время на самостоятельное выявление интересовавших их сведений.

Пути выхода из сложившегося положения были намечены специальным совещанием при ЦК ВКП(б), проведенном в Москве 19–22 апреля 1926 г. От Сибири участие в обсуждении назревшей проблемы приняли секретарь Сибкрайкома С.В. Косиор и заведующий информационно-статистическим подотделом Г.С. Попов. Согласно решению, принятому по итогам совещания и утвержденному ЦК 7 мая 1926 г., получение, обработку и рассылку всех информационных и статистических материалов необходимо было сосредоточить исключительно в информационно-статистических подотделах областных, краевых, губернских и окружных партийных комитетов¹. Парткомам вменялось в обязанности укомплектовать подотделы квалифицированными кадрами, усилить контроль за их работой со стороны заведующих организационно-распределительными отделами, обеспечить систематический обмен материалами с контрольными комиссиями, комсомольскими организациями, советскими органами. Дальнейшее разъяснение и уточнение поставленных задач содержалось в постановлении ЦК «О постановке партийной информации и мерах по её улучшению» от 2 июля 1926 года².

¹ *Цируль Я.* Очередные задачи парткомов в области информстатработы (к итогам совещания по информации и статистике при ЦК ВКП(б)) // *Известия ЦК ВКП(б)*. М., 1926. № 16–17. С. 2–3; Из материалов совещания по партийной информации и статистике при ЦК ВКП(б) 19–22 апреля 1926 г. // *Справочник партийного работника*. 1927. Вып. 6. Ч. 1. М.-Л., 1928. С. 570–596.

² О постановке партийной информации и мерах по её улучшению // *Спра-*

Одновременно с попытками наладить информационно-статистическую работу парткомов, предпринятыми высшим партийным руководством, аналогичная работа велась и в Сибири. Опираясь на установки, оперативно полученные из Москвы, 24 апреля 1926 г. на заседании бюро Сибкрайкома заведующий его организационно-распределительным отделом Р.Я. Кисис предложил провести более четкое разграничение функций между информационно-статистическими и учетно-распределительным подотделами сибирских парткомов¹. Тем не менее, 3 июля 1926 г. на очередном заседании бюро краевого комитета функционирование партийного аппарата в Сибири вновь было подвергнуто жесткой критике. Заведующий орграспредотделом Сибкрайкома Р.Я. Кисис и представитель информационного отдела ЦК А. Азизян констатировали слабое укомплектование информационно-статистического подотдела, формальное отношение его сотрудников к работе и их неспособность своевременно обеспечить все остальные структурные подразделения краевого комитета необходимой информацией². По итогам заседания бюро Сибкрайкома приняло решение о необходимости сокращения объемов отчетов, обзоров и информационных писем в пользу улучшения качества этих документов. Орграспредотделу краевого комитета было поручено обеспечить получение информационно-статистическим подотделом «всех газет местных парторганизаций» и организовать регулярные выезды на места информаторов и инструкторов крайкома³.

Однако уже в 1927 г. наметилось изменение приоритетов партийного руководства в области построения информационно-статистической работы парткомов. Приближавшийся десятилетний юбилей Октябрьской революции и объявленный в связи с этим массовый призыв в ряды ВКП(б) сделали актуальным не столько получение информации о состоянии партии в целом, сколько подробный учёт членов и кандидатов в члены ВКП(б). В связи с этим 16 сентября 1927 г. ЦК принял специальное постановление «О мероприятиях по улучшению учета и статистики в ячейках и партий-

вочник партийного работника. 1927. Вып. 6. Ч. 1. М.-Л., 1928. С. 568–570.

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 2. Д. 127. Л. 3–4; Кисис Р.[Я.] Об учётно-распределительной работе // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1926. № 5. С. 21–23.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 9. Л. 62.

³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 7. Д. 86. Л. 17–24; Азизян [А]. Постановка партийной информации в Сибири (из итогов обследования) // Известия ЦК ВКП(б). М., 1926. № 29–30. С. 16.

ных комитетах». Вызванная к жизни текущими условиями новая директива явно противоречила предпринимавшимся на протяжении последних полутора лет попыткам объединить информацию и статистику в одном подотделе. Теперь ЦК настаивал на необходимости «выделить в крайкомах и наиболее крупных губкомах и обкомах [...] статистику в статистическую часть, с непосредственным подчинением её заводу»¹. К постановлению прилагался список 25 партийных комитетов, на которые распространялось данное указание, среди которых назывался и Сибирский крайком.

Начать проведение в жизнь директивы ЦК Сибкрайком смог только в ноябре 1927 г. Статистический подотдел орграспредела краевого комитета был сформирован в составе трех человек: заведующего и двух статистиков². Тем самым орграспределотдел крайкома оказался подразделен на три подотдела: учетно-распределительный, информационный и статистический. Однако на практике краевое руководство столкнулось с тем, что сотрудникам всех трех подотделов для исполнения возложенных на них обязанностей приходилось постоянно запрашивать необходимые им сведения друг у друга. Неэффективность такого метода работы заставила краевой комитет отказаться от проведения директивы ЦК. Уже 20 января 1928 г. секретариат Сибкрайкома постановил вновь «слить стат[истический] п[од]о[тдел] орграспредела с информационным п[од]отделом»³.

Активные изменения на протяжении 1926–1927 гг. произошли и в структуре агитационно-пропагандистского отдела. Основной причиной реорганизации агитпропа стали, по всей видимости, результаты произведенного весной 1926 г. обследования состояния агитационно-пропагандистской деятельности ВКП(б) в Сибири. На основе материалов произведенной проверки ЦК констатировал «неравномерность постановки агитпропработы в разных округах» и её слабость среди национальных меньшинств края⁴. Пытаясь ликвидировать эти недостатки, 5 октября 1926 г. бюро Сибкрайкома приняло решение о создании подотдела наци-

¹ О мероприятиях по улучшению учета и статистики в ячейках и партийных комитетах // Справочник партийного работника. 1927. Вып. 6. Ч. 1. М.-Л., 1928. С. 601.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 2503. Л. 2 об.

³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 29. Л. 20.

⁴ Агитпропработа на местах // Известия ЦК ВКП(б). М., 1926. № 12–13. С. 4.

ональных меньшинств¹. Его приоритетными задачами стали руководство работой национальных секций; определение форм и методов агитации; издание с разрешения комитета книг, брошюр и газет на национальных языках; созыв совещаний и конференций, а также проведение различных лекций и собеседований².

Пристальное внимание партийного руководства Сибири к задачам агитации и пропаганды обусловили повышение статуса подотдела печати Сибкрайкома, преобразованного в январе 1926 г. в самостоятельный отдел краевого комитета³. Функции новой структуры заключались главным образом в популяризации решений партии через газетную и журнальную периодику, контроле за издательской деятельностью краевых партийных и государственных органов, руководстве рабселькоровским движением, «продвижении книги в деревню»⁴. Тем самым, отдел печати, состоявший из заведующего, его заместителя и одного технического работника, обеспечивал выполнение не только политико-идеологических, но и, что немаловажно, информационных задач по руководству партийными организациями Сибири.

В то же время ряд изменений в структуре агитационно-пропагандистского отдела краевого комитета носил заведомо временный или даже экспериментальный характер. Так, еще в конце 1925 г. при агитпропделе Сибкрайкома было учреждено методическое бюро, на которое возлагалась задача разработки образовательных программ по партийному просвещению коммунистов⁵. Но уже осенью 1926 г. почти не проявившее себя методбюро было заменено подотделом учета местного опыта⁶. Под влиянием стремительного ухудшения советско-британских отношений 23 марта 1927 г. Сибкрайком постановил создать при агитпропе бюро военной пропаганды⁷. К лету 1927 г., когда обстановка обострилась вплоть до разрыва дипломатических отношений с Великобританией, секретариат краевого комитета признал необходимым органи-

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 10. Л. 91.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 11. Л. 169.

³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 7. Л. 43.

⁴ *Новохатный И./И.* Основные вопросы сибирской печати // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1926. № 1. С. 26–29; План работы отдела печати на январь – май 1926 г. // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1926. № 2. С. 43–44.

⁵ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 4. Л. 25.

⁶ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 11. Л. 135.

⁷ Там же. Л. 313.

зацию «постоянного военного совещания при отделе печати»¹. Стремясь таким образом адаптировать партийный аппарат к местным условиям, а также к постоянно менявшейся внешнеполитической обстановке, краевое руководство, однако, не имело скольконибудь ясных представлений о задачах и методах работы этих узкоспециализированных подразделений. В результате существование последних оказалось кратковременным, а роль — совершенно незаметной.

Совсем иначе обстояло дело в области постановки агитационно-пропагандистской работы в деревне. Провозглашенный XV съездом ВКП(б) курс на коллективизацию сельского хозяйства обусловил необходимость усиления партийного влияния в крестьянской среде. Для этого ЦК ВКП(б), крайкомы, обкомы и окружкомы, в соответствии с решением съезда, приступили к созданию отделов по работе в деревне.

В Сибири постановление об организации такого отдела при Сибкрайкоме было принято 3 января 1928 г. Полномочия созданного подразделения определялись специальным положением, утвержденным бюро Сибкрайкома 31 января 1928 года². Согласно этому документу, новый отдел был полностью ответственен за политику партии в сибирской деревне. Его сотрудники, численность которых с января 1928 по январь 1930 г. увеличилась с одного до пяти человек, должны были изучать состояние деревни, разрабатывать планы конкретных мероприятий по основным вопросам внутривнутрипартийного, культурного и хозяйственного строительства на селе; координировать деятельность различных органов, обслуживавших крестьянство; организовывать и проводить окружные совещания групп бедноты. Возглавил новый отдел краевого комитета заместитель заведующего орграспредотделом Сибкрайкома В.Ф. Комаров. Выбор этой кандидатуры являлся, по всей видимости, отражением общепартийной тенденции. Так в апреле 1928 г. в специальной статье, размещенной в «Известиях ЦК ВКП(б)» с одобрением сообщалось, что «большое значение партийные комитеты придают увязке работы отдела по работе в деревне с работой орготдела», добиваясь этого нередко именно

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 16. Л. 133.

² Временное положение об отделах по работе в деревне // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1928. № 3. С. 15.

путем «совмещения должности заведующего отделом по работе в деревне с должностью заместителя заведующего орготдела»¹.

В результате описанных преобразований с весны 1924 по начало 1928 г. общее количество структурных подразделений краевого комитета увеличилось с 15 до 22, а численность сотрудников — с 45 до 90 человек. Стремление высшего и краевого руководства РКП(б)–ВКП(б) создать эффективно работавший партийный аппарат на практике привело к неоправданному усложнению его организационного устройства, а также к дублированию одной и той же работы в разных структурах. Последнее в Сибкрайкоме наиболее ярко проявилось в деятельности бюро и секретариата, агитационно-пропагандистского отдела и отдела печати, учетно-распределительного и информационно-статистического подотделов. Часть функций агитпропотдела крайкома, кроме того, выполняли также отдел по работе в деревне и женотдел.

В аналогичном положении оказались и многие другие партийный комитеты, включая ЦК. Пытаясь найти решение этой проблемы высшее партийное руководство вынесло её на обсуждение двух организационных совещаний, созванных Центральным комитетом в ноябре 1927 года². Центральная контрольная комиссия в то же время произвела обследование аппаратов ЦК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, а также двух уездных и одного районного комитета Московской партийной организации³. Опираясь на этот опыт, 3 января 1928 г. Оргбюро ЦК приняло решение о необходимости аналогичного изучения парткомов остальных уровней⁴. Целью обследования и последующей рационализации партийных аппаратов были объявлены в первую очередь уточнение их функций, упрощение структуры, сокращение штатов и так называемое «расширение бесплатности», то есть привлечение к работе сверхштатных сотрудников «в порядке партнагрузки». Для руководства этой работой была создана специальная комиссия под председательством члена ЦК ВКП(б) В.Я. Гроссмана. За его подписью 12 января 1928 г. секретарям всех парткомов и председателям контрольных комиссий было направлено секретное письмо, в котором определялись основные

¹ В.Д. Организация отделов парткомов по работе в деревне // Известия ЦК ВКП(б). М., 1928. № 14. С. 4.

² Малейко Л.А. Партийный аппарат: становление и развитие (1917–1941). Ростов-на-Дону, 1981. С. 54.

³ ГА РФ. Ф.Р-374. Оп. 27. Д. 1237. Л. 15.

⁴ Там же. Л. 104.

направления и устанавливался окончательный срок проведения обследований — 15 марта 1928 года¹.

Несмотря на то, что выполнение поставленных задач возлагалось на партийные комитеты и контрольные комиссии, весной 1928 г. Сибкрайком всё же посчитал целесообразным создать специальную комиссию по рационализации во главе с инспектором Сибирской рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) А. Лупповым. В марте 1928 г. в её составе были созданы четыре специальные подкомиссии численностью в 12 человек. Первые предложения по рационализации краевого партаппарата были выработаны только к началу мая 1928 г. и сводились главным образом к сокращению штата краевого комитета, а также к уменьшению документооборота между краевым центром и округами в пользу «живого общения» с местами².

Результаты работы рационализаторской комиссии вызвали недовольство со стороны краевого руководства. В майском выпуске официального политико-экономического журнала краевого комитета «На ленинском пути» была опубликована статья заведующего информационным отделом Сибкрайкома А.М. Гендона с жесткой критикой деятельности комиссии А.П. Луппова. Особое возмущение сотрудников краевого комитета вызвало предложение о сокращении штатов, что, по мнению А.М. Гендона, могло быть осуществлено только после перестройки партийного аппарата и должно было стать следствием, а не первым шагом рационализации³.

В июне 1928 г. обследование краевого партийного аппарата в целом было завершено. Комиссия выявила в функционировании Сибкрайкома ряд существенных проблем: перегруженность работой «за другие ведомства», наличие в составе комитета дублирующих друг друга структур, избыток и беспорядочность проходящих через комитет документов, число которых, по подсчетам комиссии, составляло около 40 тыс. в год, отсутствие постоянного контроля за выполнением директив⁴. Выводы комиссии заключа-

¹ ГА РФ. Ф.Р-374. Оп. 27. Д. 1237. Л. 15–15 об.

² Луппов А. На темы партийной работы // На ленинском пути. Новосибирск, 1928. № 7–8. С. 66–69.

³ Гендон А. О рационализации вообще и «рационализаторских» методах т[ов]. Луппова в частности // На ленинском пути. Новосибирск, 1928. № 9. С. 69–73.

⁴ Луппов А. О рационализации партаппарата крайкома партии // На ленинском пути. Новосибирск, 1928. № 11–12. С. 44–46.

лись в том, что структура крайкома слишком сложна, существование отдела печати нецелесообразно, а число подотделов и секций Сибкрайкома избыточно. Возникший в результате этого параллелизм в деятельности структурных подразделений крайкома, по мнению А.П. Луппова, затруднял взаимодействие краевого центра с ЦК и с местными парткомами.

В итоге «рационализаторская» комиссия предложила объединить отдел печати с агитационно-пропагандистским отделом, сократить объем отчетности и переписки, ликвидировать большинство постоянных комиссий и ограничить число временных совещаний при Сибкрайкоме. Несмотря на отрицательное в целом отношение к изложенным в статье А.М. Гендона критическим замечаниям А.П. Луппов, по всей видимости, всё же воспринял мысль о том, что сокращение штатов возможно только после перестройки партийного аппарата. По крайней мере, в заключении комиссии было зафиксировано, что запланированные мероприятия «значительно сократят объем, главным образом, бумажной работы», что в свою очередь позволит уменьшить численность сотрудников крайкома почти в полтора раза: с 79 до 53 человек¹.

Проведение в жизнь намеченных преобразований началось с постановления секретариата Сибкрайкома от 15 июня 1928 г. о присоединении отдела печати к агитационно-пропагандистскому отделу. Создание единой структуры, названной отделом агитации, пропаганды и печати (АППО), упрощало ведение агитационно-пропагандистской работы и уменьшало её ненужное дублирование в двух отделах с аналогичными функциями.

Наиболее сложной, а потому и длительной оказалась реорганизация информационного подотдела Сибкрайкома, функционирование которого было признано самым неблагополучным. Только 5 октября 1928 г. секретариат краевого комитета утвердил разработанную заведующим орграспредотделом В.Н. Кузнецовым и заведующим подотделом информации А.М. Гендоном «схему построения работы и аппарата информации в Сибкрайкоме ВКП(б)»². В соответствии с выработанным планом, для систематизации работы подотдел информации был разделен на пять групп: плановую, промышленную, две сельскохозяйственные и одну национальную.

¹ Луппов А. О рационализации партаппарата крайкома партии // На ленинском пути. Новосибирск, 1928. № 11–12. С. 45.

² ГАНУ. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 32. Л. 153–154.

Плановая группа занималась общими вопросами, согласовывая их с бюро и секретариатом, остальные четыре должны были изучать информационные материалы местных организаций и вести подготовку командирования инструкторов на места¹. Вопреки установке «рационализаторской» комиссии на сокращение штата, количество сотрудников информационного подотдела, состоявшего из шести ответственных и двух технических работников, было решено сохранить. В результате к концу 1928 г. общую численность кадров краевого аппарата удалось уменьшить только до 67 человек, то есть всего на 12,0 %. Однако даже это незначительное сокращение штата носило временный характер.

Непродолжительным оказалось также произведенное накануне рационализации объединение информационного и статистического подотделов. Уже через полтора года, 19 июля 1929 г. ЦК ВКП(б) принял очередное постановление о создании при краевых, областных и окружных комитетах самостоятельных статистических подотделов. При этом всех беспартийных статистиков в аппарате перечисленных парткомов в обязательном порядке поручалось заменить исключительно коммунистами². По всей видимости, главным фактором, обусловившим такое решение ЦК, стала развернутая весной 1929 г. широкомасштабная проверка партийных рядов. Проведение генеральной чистки ВКП(б) также как и массовый призыв в партию в октябре 1927 г. актуализировало необходимость тщательно отслеживать динамику численности и состава партийных организаций. Для обеспечения такого статистического учёта высшее партийное руководство предприняло попытку вновь освободить статистиков от сбора любых других сведений, создав два самостоятельных подотдела — информации и статистики.

Тем не менее, Сибкрайком, руководствуясь нецелесообразностью создания двух структур с пересекающимися функциями, на протяжении трех месяцев игнорировал московскую директиву. Только 31 октября секретариат краевого комитета всё же принял соответствующее решение, вследствие чего орграспредотдел Сибкрайкома во второй раз оказался разделенным на три части: учетный, информационный и статистический подотделы³.

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 23. Л. 8–9.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 40. Л. 150.

³ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 35. Л. 125.

Если изменения в орграспредотделе были заданы директивами Центра, то инициатива очередного переструктурирования отдела агитации, пропаганды и печати, напротив, принадлежала краевому руководству. Для усиления партийной работы среди национальных меньшинств Сибири 20 августа 1929 г. бюро Сибкрайкома приняло решение о преобразовании национального подотдела агитпропа в самостоятельный отдел¹. Задачи, структура и штат нового подразделения краевого комитета были определены специальным «Временным положением», принятым 30 августа 1929 года². В отличие от упраздненного подотдела отделу национальных меньшинств дополнительно вменялось в обязанности участие в работе орграспредотдела по учёту и распределению национальных кадров и в работе отдела агитации, пропаганды и печати по подготовке ответственных работников от национальных меньшинств. Штат отдела состоял из заведующего, секретаря и пяти инструкторов.

В сентябре 1929 г. краевое руководство приступило к перестройке внутренней структуры нового отдела. Стремясь охватить агитационно-пропагандистской работой как можно большее число проживавших на территории Сибири наций и народностей, но не имея возможности для дальнейшего расширения штатов, секретариат краевого комитета принял решение «перестроить инструкторский аппарат нацмен по принципу обслуживания одним инструктором группы нацменьшинств»³. В составе отдела были созданы три группы: восточных (буряты, алтайцы, хакасы, шорцы, татары, казахи, бухарцы), западных (немцы, поляки, латыши, латгальцы, литовцы, эстонцы) и угро-финских (мордва, чуваш, пермяки, зыряне) национальных меньшинств. По два инструктора закреплялось за двумя первыми группами и один — за третьей.

В целом по сравнению с мерами, предпринимавшимися в предыдущие годы, перестройку краевого аппарата, произведенную в 1928–1929 гг., можно оценить как более глубокую и продуманную. Создание специализированных групп внутри информационного подотдела и отдела национальных меньшинств позволило краевому руководству тщательнее адаптировать решения Центра к

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 38. Л. 235; Об организации в крайкоме отдела по работе среди национальных меньшинств // Известия Сибкрайкома ВКП(б). Новосибирск, 1929. № 16. С. 11.

² ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 35. Л. 65–66.

³ Там же. Л. 85.

местным условиям, что в совокупности с перераспределением и уточнением функций структурных подразделений краевого комитета положительно сказывалось на деятельности последнего.

В то же время многие результаты рационализации 1928 г. уже к концу десятилетия были фактически сведены на нет. Несмотря на попытки упрощения структуры и систематизации работы краевого комитета, к декабрю 1929 г. его аппарат вновь разросся почти в полтора раза — с 18 до 26 структурных подразделений, а численность сотрудников снова достигла 73 человек. Причем отделы, подотделы, части и группы, созданные одновременно как по функциональному, так и по отраслевому принципам, были распределены крайне неравномерно. Так, организационно-распределительный отдел имел в своем составе учётно-распределительный, статистический и информационный подотделы, последний из которых делился, в свою очередь, еще на пять групп. Отдел агитации пропаганды и печати также состоял из трех подотделов. Но функции аналогичные функциям «агитпропа» были возложены одновременно на отдел национальных меньшинств, отдел по работе среди женщин и отдел по работе в деревне. Причем если отдел национальных меньшинств имел в своем составе три группы — угро-финскую, западных национальных меньшинств и восточных национальных меньшинств, то женотдел и отдел по работе в деревне никак не подразделялись. Продолжали функционировать истпарт, общий и сметно-финансовый отделы, канцелярия и секретно-директивная часть. Неравномерно распределенные полномочия между структурными подразделениями краевого комитета закономерно привели к перегруженности сотрудников орграспредотдела и к ненужному дублированию агитационно-пропагандистской работы в четырех выше-названных отделах.

Несовершенство партийного аппарата в сочетании с новыми задачами, обусловленными началом форсированной индустриализации и массовой коллективизации, способствовали поиску новой структуры партийных комитетов. С этой целью 5 и 26 января 1930 г. ЦК ВКП(б) принял два одноименных постановления «О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б)», послуживших основой для аналогичного переструктурирования местных парткомов. Главным результатом проведения в жизнь выработанных директив должно было стать упрощение и сокращение партийного аппарата с перестройкой его работы исключительно «по функциональ-

ному признаку». В первом постановлении были даны конкретные указания по упразднению старых и созданию новых отделов партийных комитетов. Второй документ устанавливал деление учрежденных отделов на сектора¹.

В Сибири работа по реорганизации краевого аппарата началась после опубликования постановления ЦК от 5 января в «Советской Сибири»². Уже 25 января 1930 г. бюро Сибкрайкома приняло решение «провести реорганизацию аппарата крайкома согласно решению ЦК ВКП(б) не позднее 30 января»³. Не имея времени на детальное изучение вопроса, руководство Сибирской партийной организации в срочном порядке приступило к проведению московской директивы в жизнь, в точности копируя новую структуру Центрального комитета. Базовыми документами для реформирования краевого комитета стали «положение и функциональное распределение обязанностей в аппарате крайкома ВКП(б)» от 14 февраля и «положение о работе распределителя Сибкрайкома» от 19 февраля 1930 года⁴.

В соответствии с новой схемой организационного устройства Сибкрайкома, организационно-распределительный отдел, отдел агитации, пропаганды и печати, отдел национальных меньшинств, отдел по работе в деревне и отдел по работе среди женщин были упразднены. Вместо ликвидированного орграспределителя был вновь воссоздан организационно-инструкторский отдел, что, по всей видимости, было напрямую связано с началом массовой коллективизации. Так называемая «революция сверху» требовала от партийного руководства вновь активизировать разъяснение на местах директив ЦК, усилить контроль за их проведением в жизнь и обеспечить получение максимально полного представления о настроениях широкий партийных масс. Для реализации этих задач при оргинструкторском отделе были созданы три сектора: первый — сектор вопросов партийного строительства, регулирования роста состава партии и подбора кадров партийного аппарата; второй — сектор проверки, инструктирования и текущих связей; третий — сектор информации и статистики.

¹ О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) (постановление ЦК от 5 января 1930 г.) // Справочник партийного работника. М.-Л., 1930. Вып. 7. Ч. 2. С. 169–171.

² Коренная перестройка партийного аппарата. Постановление ЦК ВКП(б) о реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) // Советская Сибирь. 1930. 18 января.

³ ГАНО. Ф.П.-2. Оп. 4. Д. 41. Л. 84.

⁴ ГАНО. Ф.П.-2. Оп. 4. Д. 35. Л. 271–276; Оп. 5а. Д. 74. Л. 27–29.

Нараставшая потребность в квалифицированный кадрах, которые стали бы главными проводниками нового сталинского курса, предопределила создание распределительного отдела. Причем если существовавший до 1924 г. распределитель занимался прежде всего подбором, учётом и расстановкой партийных кадров, то в задачи аналогичной структуры, созданной в начале 1930 г., входило укомплектование кадров советских и хозяйственных органов. Для этого при распределителе Сибкрайкома были созданы четыре сектора: «промышленно-транспортных», «колхозно-земельных», «советско-административных» и «профессиональных» кадров.

Идеологической работой занимались отдел культуры и пропаганды и отдел агитации и массовых хозяйственно-политических кампаний, каждый из которых также имел по четыре сектора. Первый — сектор печати, сектор пропаганды марксизма-ленинизма, сектор научной работы, просвещения и культурного строительства, сектор учёта и изучения статистики. Второй отдел состоял из сектора массовых кампаний промышленного характера, сектора массовых кампаний сельскохозяйственного характера, так называемого «женского сектора» и сектора общей агитации.

Всего, таким образом, в ходе реорганизации в феврале 1930 г. в структуре Сибкрайкома были созданы четыре новые отдела с тремя — четырьмя секторами в каждом. Из прежнего состава остались истпарт, общий отдел (управление делами), канцелярия, сметно-финансовая и секретно-директивная части.

В целом итоги реорганизации носили противоречивый характер. С одной стороны, её важнейшая задача осталась по сути не решена. Так называемая «перестройка аппарата по строго функциональному признаку» не только не позволила преодолеть, но и еще больше усилила пересечение компетенции различных подразделений, что неизбежно вело к дублированию одной и той же работы в различных структурах. К тому же названия отделов и секторов, несмотря на их громоздкость, далеко не всегда позволяли составить представление об их основных функциях. Например, заведующий сектором хозяйственно-земельных кадров распределительного отдела занимался также подбором и расстановкой национальных кадров, а заведующий сектором советско-административных кадров — «распределением женских кадров»¹. Фактически не реализованной оказалась и идея «упрощения и со-

¹ ГАНО. Ф.П-2. Оп. 4. Д. 35. Л. 276.

крашения» аппарата Сибкрайкома: с декабря 1929 г. по март 1930 г. число структурных подразделений краевого комитета уменьшилось всего на одну структурную единицу: с 26 до 25, а штат — только с 73 до 68 сотрудников.

С другой стороны, партийному руководству всё же удалось добиться некоторой сбалансированности организации аппарата краевого комитета. Вместо характерной для второй половины 1920-х годов разноуровневой структуры, включавшей отделы, подотделы, бюро, секции и группы, была сформирована сложная, но, тем не менее, более понятная трехступенчатая схема: бюро — отделы — сектора. Полная унификация структуры по образцу ЦК ВКП(б) способствовала единообразию отчетности различных парткомов и являлась для высшего партийного руководства своеобразной гарантией последовательного решения Сибкрайкомом наиболее актуальных для того времени задач, какими являлись коллективизация и индустриализация.

Таким образом, можно утверждать, что наличие в структуре Сибкрайкома тех или иных отделов, подотделов, секций и групп было обусловлено, по меньшей мере, тремя факторами: состоянием коммунистической партии в целом; стоявшими перед ней целями и задачами; условиями, в которых эти задачи приходилось решать. Ответственность краевого комитета за проведение всех общественно-политических, экономических и идеологических кампаний в Сибири привела к созданию не менее двух десятков структурных подразделений крайкома, часто обладавших пересекавшимися функциями и не способных по этой причине к бесконфликтной работе. Стремление высшего и краевого партийного руководства как можно быстрее найти выход из положения определило почти постоянную, но в большинстве случаев недостаточно продуманную реорганизацию партийного аппарата. Попытки адаптировать его применительно к сибирским реалиям имели в основном спорадический, бессистемный характер. Главным итогом длительного поиска структуры Сибкрайкома стала нивелировка специфических особенностей его организационного устройства: отделы, подотделы и группы краевого комитета, созданные во второй половине 1920-х годов с учётом состояния Сибирской партийной организации, в начале 1930 г. оказались упразднены. Аппарат Сибкрайкома стал в точности копировать структуру Секретариата ЦК ВКП(б).

А.Г. Тепляков
Новосибирский государственный
университет экономики и управления

«Я НЕ ЧИНОВНИК И НЕ ТРУС»: СУДЬБА ВИВИАНА ИТИНА

В статье исследован противоречивый творческий и общественный путь В.А. Итина — видного сибирского писателя, одного из основоположников советской фантастики и руководителя писательской организации в советской Сибири. Опираясь преимущественно на материалы из архивов спецслужб, включая следственное дело Итина 1938 г., автор анализирует приспособление талантливого поэта и писателя к большевистской действительности. Итин, короткое время служивший белым властям, был обречён всё последующее время доказывать свою лояльность большевикам. Но даже участие в деятельности их судебных органов, а также активная пропагандистская работа и талантливая защита идеологических ценностей коммунизма не избавили Итина сначала от слежки и выражения политического недоверия, а затем от ареста и расстрела по обвинению в шпионаже.

Ключевые слова: белые, Сибирь, Итин, чекисты, адаптация, политическая мимикрия, репрессии, реабилитация

Вивиан Итин (1894–1938) — один из основоположников советской фантастики, поэт, драматург, очеркист и организатор литературной жизни — прожил 44 года, в которых отразились основные приметы эпохи, беспощадной к талантливым людям. Этот яркий человек, уничтоженный в годы сталинского террора, давно вызывает интерес мемуаристов и исследователей¹. Но его насыщенная биография далека от полноты освещения. Известные материалы о В.А. Итине можно дополнить важными документами из следственного дела писателя 1938 г., а также некоторыми другими архивными и печатными свидетельствами. Они позволяют во многом глубже понять жизненный путь Итина — личности, значительной в масштабах Сибири.

Отец Итина Азарий Александрович происходил из бедных ремесленников-евреев. В молодости он крестился, не разделяя, одна-

¹ *Мостков Ю.М.* Путь Вивиана Итина // *Портреты.* Новосибирск, 1981. С. 3–73; *Коптелов А.Л.* Вивиан Итин // *Минувшее и близкое.* Новосибирск, 1972. С. 130–156; *Итина Л.* «Я был искателем чудес...» // *Фантакрим МЕГА (Минск).* 1994. № 1. С. 32–37; *Итина Л.* Поэт, писатель и путешественник // *Вестник.* № 5 (342) 2004. 3 марта. URL: <http://www.vestnik.com/issues/2004/0303/win/itina.htm>

ко, как написал сын, религиозных убеждений. Затем, окончив университет и обосновавшись в Уфе адвокатом, «выбился своим трудом» в люди. Его сын с полным основанием утверждал: «Я появился в семье, когда она была довольно зажиточной». Итин-старший придерживался кадетских взглядов. Сын был радикальней. В 1925 г. он писал, что участвовал в 1905–1906 гг. в рукописном революционном журнале, «впоследствии конфискованном охранкой». Тогда ему было 11–12 лет и, «как все революционно настроенные мальчишки сочувствовал, конечно, террористам, а не с.-д.». В уфимском реальном училище Вивиан был одним из первых учеников, но в 1912 г., думая о будущей стезе, первоначально пошёл, «вопреки традициям» семьи, учиться не на юриста, а в Психоневрологический институт. Чтобы из реального училища поступить в университет, нужно было дополнительно сдать латынь, которую преподавали только в гимназиях. Вивиан отучился на общеобразовательном факультете института год, однако в 1913 г. всё же сдал латынь и перешёл на юридический факультет Петербургского университета. Курса он не окончил, поскольку его увлекли революционные события, но в анкетах обычно указывал, что имел высшее образование¹.

В политических и научных вопросах юный Вивиан находился под влиянием профессора-правоведа М.А. Рейснера, чему способствовало постоянное посещение его семьи. Свои первые литературные опыты он напечатал в журнале «Рудин», издаваемом дочерью профессора Ларисой Рейснер. Красивый талантливый юноша, сочинявший стихи и прозу, типичные для прямой атмосферы серебряного века, встретил свержение царизма с восторгом. Итин писал о себе: «Активно участвовал в февральской революции. Накануне ездил с детьми проф. Рейснера Игорем и Ларисой в Сестрорецк известить большевистский комитет рабочих оружейного завода. Затем работал в студенческой милиции. Летом того же года, ради заработка, поступил в министерство торговли и промышленности на незначительную должность». Несмотря на «всеобщий саботаж интеллигенции» после октябрьского переворота, Итин остался в голодном Петрограде, хотя имел все возможности уехать в сытую Уфу. Уже 11 декабря 1917 г. Вивиан был устроен в отделение государственного права Наркомата юстиции РСФСР — по протекции М. Рейснера, который и руководил отделением. В правящую партию он вступать не торопился, поскольку без удо-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 31.

вольствия наблюдал одномерность коммунистов и их жажду всё сильнее углублять противостояние в обществе. В апреле 1918 г. в адресованном Л. Рейснер интимном письме молодой советский чиновник писал о дрязгах в наркомате и высказывался против классового подхода при оценке конкретных личностей: «Я страдаю только от одного: Где бы мне найти друзей воодушевленных, одиноких или хотя бы только жадных, презирующих гнусное равенство! Что теперь говорят про людей! N — комиссар, X — большевик, Z — контрреволюционер. Это все: пусто»¹.

В марте 1918 г. в составе служащих аппарата советского правительства Итин был эвакуирован в Москву, где вместе с отцом и сыном Рейснерами и другими коллегами из отделения государственного права хотел вступить в РКП(б), но летом «из-за подорванного голодом здоровья неосторожно воспользовался отпуском и уехал, водным путем, в Уфу». В родной город Итин прибыл голодный, усталый и первые дни занимался только тем, что «ел белые булки»². А всего три дня спустя власть неожиданно переменилась.

В ходе мятежа Чехословацкого корпуса Советская власть в Уфе стремительно пала: местные власти бежали из города в течение одной июльской ночи. Остаться в Уфе молодому человеку было опасно — некоторые циркуляры советского наркомата юстиции были подписаны Итиным и стали «известны в городе, а один офицер-меньшевик сделал мне предупреждение». Итин позднее прямо отвечал, что тогда, когда «события мчались», потерял надежду на победу революции, прибавляя: «В то время, конечно, в победе сомневались и коммунисты». Вот его правдивая оценка своего окружения и себя лично: «Вся интеллигенция, к которой я принадлежал, с людьми вроде [И.М.] Майского (теперь видный коммунист, как известно) организовывала борьбу против большевиков. Я не был коммунистом. Я еще был „сочувствующий“. Ни рыба, ни мясо. Поэтому я ухватился за [американскую] миссию, как за возможность побыть в стороне от событий. Кроме того, не скрою, меня привлекала самая эта экзотика: американцы... переводчик. Каждый интеллигент приходит к коммунизму совсем другим путем, чем рабочий, повинующийся простому классовому зову, отметил т. Ленин. Мне пришлось проделать этот неизбежный путь»³.

¹ *Итина Л.* «Я был искателем чудес...» // Фантаkrim MEGA (Минск). 1994. № 1. С. 33.

² ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 30–31 об.

³ Там же. Л. 32, 39.

Формируя свои войска, Комуч провёл мобилизацию, и Итина «записали на довольствие» в русско-чешский полк, где он «три месяца был рядовым телеграфистом». По оценке Итина, «полк представлял собой смесь из люмпен-пролетариата и эсеровско-меньшевистской интеллигенции». Командный состав в нём был чешским, чинов и знаков отличий не было, так что, по оценке писателя, полк являлся не столько регулярной частью, сколько «гвардией Комуча». После революции в Германии и переворота А.В. Колчака полк распался, и его начальство «выдало мне удостоверение о прикомандировании к американской миссии Красного креста — не вполне законное». Случай работы переводчиком у американцев показался Итину, знавшему английский, «крайне подходящим». Этот документ позволил убедить американцев, что молодой человек — не дезертир, а от явки по мобилизации в белую Сибирскую армию его избавило постоянное проживание в железнодорожном вагоне и отсутствие прописки.

Работа в 1919 г. в американской Христианской ассоциации молодёжи (ИМКА), занимавшейся невыразительной религиозной пропагандой в Белой армии и организовывавшей культурный досуг военнослужащих, была отличным выходом для начинающего литератора, не горевшего желанием участвовать в бойне Гражданской войны. По своей личной оценке, Итин чувствовал себя на службе в миссии спокойно, ибо она не столько помогала, сколько вредила белым и вызывала негодование черносотенных кругов¹. С большим достоинством он тогда же отвечал партийным товарищам, правда, значительно убавляя себе возраст, чтобы выглядеть более юным: «Припоминая свои скитания у белых, я должен сказать, что нисколько не сожалею теперь о них. Мне было тогда 22–23 года. Если бы я остался в Наркомюсте, я, вероятно, спокойно продолжал бы кабинетную работу и „вес“ мой в партии был бы выше, но я никогда не узнал бы так хорошо подлинную жизнь и людей. А из всех знаний и опыта — это самое ценное, т.к. прямым путем ведет к Марксу и Ленину»².

«Подписывал смертные приговоры...»

Крах колчаковского режима поставил перед 26-летним Итиным вопрос о выборе, и наш герой его сделал не в пользу эмигра-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26.

² Там же. Л. 32–32 об.

ции или подпольного сопротивления. Беспощадная власть большевиков наглядно демонстрировала силу принципов «горе побеждённым» и «кто не с нами, тот против нас». Незавидное положение «спеца» из бывших белогвардейцев Итин постарался как можно скорее обменять на неизмеримо более высокий статус члена правящей большевистской партии. Его служба в коммунистической прессе, реквизиционной комиссии и органах советской юстиции наглядно продемонстрировала рафинированному интеллигенту и щёголю специфику революционного правосудия и новых жизненных начал.

Как выпускник юридического факультета Итин, в условиях крайнего кадрового голода, довольно быстро получил очень ответственную должность врио заведующего губернским юридическим отделом в Красноярске. Между тем, даже очень своеобразная «революционная законность» находилась в зачаточном состоянии, и кровь в большевизированной губернии лилась повсюду. Очевидец не без содрогания описывал в газете, в которой сотрудничал Итин, происходившее зимой в начале 1920 г. в Красноярске и его окрестностях, когда десятки тысяч военнослужащих 3-й армии белых сдались 5-й армии красных. Пленных в мороз крестьяне не пускали ни ночевать, ни греться: «Особенно жуткая была картина, когда приходили офицерские обозы. Сейчас же их окружала толпа. Обыватели старались забрать лошадей, упряжь и сани. [...] Так было с обозами, которые попадали в руки власти; те же, кто попадал в руки населения, — раздевались чуть не донага. Больные и раненые, по рассказу одного врача, были выброшены из подвод и лошади захватывались»¹.

Сотрудники Енисейской губчека весной 1920 г. отмечали, что на местах в милиции и ревкомах устроились разные «тёмные личности», а «в некоторых деревнях каждого новоприезжего встречали словами: „Опять приехал коммунист“»². Поэтому партийность для самого Итина, чьи шансы уцелеть были поначалу сомнительными, оказалась средством, а не целью. Редактируя в 1922 г. для печати свою первую повесть «Страна Гонгури», Итин вложил в уста главного героя такие характерные для своего настроения тех лет строки (в переизданиях они, разумеется, отсутствовали): «Ты знаешь, я не люблю членов партии. Я знаю, что

¹ Гусев А. Вчерашнее // Красноярский рабочий. 1920. 7 марта.

² ГАНУ. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 186. Л. 85–85 об.

они необходимы в эпоху борьбы и армий, и что они хорошие боевые товарищи, но я не люблю их»¹.

Недолгая работа в тесном контакте с известной своими зверскими расправами Енисейской губчека превосходно показала Итину истинное лицо победителей, в партию которых он поспешил записаться. Как отмечали советские руководители — незадолго до принятия Итиным должности в губюсте, — Енисейская губчека не считала нужным считаться не только с отделом юстиции, но и даже с губревкомом. Предшественник Итина отмечал, что атмосфера в губчека сложилась «весьма тяжелая»². Высокопоставленный коммунист, заместитель председателя Сибревкома В.Н. Соколов в июне 1920 г. сообщал своим коллегам в Омск об ужасном впечатлении от подвалов губчека («кровь так и стоит глубокими черными лужами, в землю не впитывается») и от чекистского начальства («автоматы крови и убийства»)³.

Как сообщал Итин в официальной и в личной переписке, ему пришлось, доказывая приверженность революционной борьбе с врагами, проявлять необходимую беспощадность. В апелляции к партийным товарищем он восклицал: «С момента вступления в партию я был завгубюстом, входил в коллегию ГУБ.Ч.К. и подписывал смертные приговоры белогвардейцам...»⁴. В письме к старому интеллигенту-литературоведу М.К. Азадовскому Итин тоже нажимал на тему своего участия в репрессиях, хотя и не ограничивался ею: «Я подписывал смертные приговоры в коллегии губчека и выручал спешно приговоренных к смерти, председательствовал в реквизиционной комиссии и вводил революционную законность, раздавал церковное вино — губздраву, колокола — губсовнархозу и руководил комиссией по охране памятников искусства и старины»⁵. Итин делал всё, что приказывали: «...Вел антирелигиозный отдел в „Красноярском рабочем“, был лектором партшколы, агитатором. Поэтому губком перебрал меня на чисто партийную работу в уездный город Канск, где я был завпо-

¹ Итина Л. «Я был искателем чудес...»... С. 33–34.

² Там же. Л. 16 об.

³ Шишкин В.И. Енисейская губернская чека в 1920 году: дела и нравы // Гуманитарные науки в Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1994. С. 48–53.

⁴ ГАНУ. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26.

⁵ Литературное наследство Сибири. Т. 1. Новосибирск, 1969. С. 237.

литпросветом, заважитотделом укома, редактором газеты «Канский крестьянин» и пр.»¹.

Итину хотелось уехать в Москву и вернуться к привычной жизни, но товарищи в Красноярске уговорили его «...остаться налаживать отдел юстиции. Я был назначен завед[ующим] общим отделом, наиболее важным в то время». В «Известиях Сибревкома» был опубликован отзыв заместителя заведующего отделом юстиции Сибревкома К.А. Попова, свидетельствующий о том, что красноярский отдел юстиции «был наиболее деятельным». Итин писал, что в партию вступил не сразу. Только когда товарищи его узнали как работника, он подал заявление о приеме в объединённую ячейку губревкома и губревтрибунала, был принят кандидатом в члены РКП(б), и губком дал ему вместо полугода всего три месяца испытательного срока. В декабре 1920 г. Итин стал полноправным членом РКП(б), что считал «естественным завершением» своего развития, задержанного «двухлетним промежутком моих приключений»², и с января 1921 г. исполнял обязанности председателя губюста.

Работа юриста Итина «по специальности», к счастью для него, вскоре осталась в прошлом. Неизвестно, участвовал ли он в контроле за исполнением казней, но такой вариант возможен. Так или иначе, в 1921 г. Итина с ответственной должности губернского масштаба перебросили в уездный Канск на чуть более спокойную в моральном смысле, хотя и хлопотную работу, и он занимался в уездном центре, где был одним из немногих образованных людей, организацией пропагандистской деятельности большевистского аппарата. Там же ему удалось вернуться к литературе.

Поэму о кровожадных похождениях участников так называемой Тасеевской партизанской республики, существовавшей в Канском уезде, Итин, насколько можно судить, не закончил, но переделал для печати написанную ещё в 1916 г. повесть с фантастическим сюжетом. Писатель выбросил не отвечающих эпохе персонажей — «сентиментального пастора и блоковскую девушку», превратив главного героя в революционера, которому в колчаковской тюрьме перед расстрелом снятся необыкновенные видения о путешествиях в инопланетных мирах. Повесть «Страна Гонгури» (другое название — «Открытие Риэля») считается пер-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26.

² Там же. Л. 32 об.

вым советским фантастическим произведением. Она не блещет особыми художественными достоинствами, но сохраняет статус оригинальной и очень ранней коммунистической утопии.

Опубликовав в Канске благодаря служебному положению «Страну Гонгури», Итин постарался сделать всё, чтобы быстрее закончить со службой и стать человеком искусства. В июне 1922 г. решением Сиббюро ЦК РКП(б) его перевели в Сибкрайгосиздат как испытанного ответственными заданиями интеллигента, обязанного проводить линию партии на фронте культуры. Двенадцатого июня Итин получил от Канского укома удостоверение, в котором отмечались и проявленные «максимум энергии» при совмещении трёх должностей, и «безукоризненное выполнение данного ему укомом доверия»¹.

Возглавлял Сибирское государственное издательство с 1922 по 1928 гг. послуживший сначала белым офицером, а потом армейским политработником М.М. Басов, который был на четыре года моложе Итина, но имел солидный опыт судебной и партийно-пропагандистской работы. Обосновавшись в Новониколаевске, бывшие большевистские правоохранители и профессиональные пропагандисты внесли огромный вклад в собирание скудных литературных сил Сибири. Итин в свободное от службы время преимущественно писал стихи (первая книжка вышла уже в 1923 г.) и вскоре приступил к роману о Гражданской войне, главы из которого печатал до 1933 г., но так и не закончил.

Эпоха отпускала его в литературу неохотно, требуя тяжёлых компромиссов. Этот тонкий, замкнутый, погружённый в себя красивый человек должен был основную часть времени и дара отдавать обязательным вещам — советский писатель, если хотел добиться положения, вынуждался следовать конъюнктуре. Будучи способным, но небольшим провинциальным литератором, Итин мог существовать, предлагая на советский рынок востребованный товар. «Страна Гонгури», отмеченная в доброжелательном письме М. Горьким, советской прессой была раскритикована, и Вивиан Азарьевич более не занимался фантастикой. Ему нашлось достойное положение в ведущем краевом журнале «Сибирские огни», где он печатал стихи, рецензии и очерки, пользуясь тем, что идеологические правила нэповской эпохи оказались весьма широкими. В 1922 г. он опубликовал мини-рецензию на посмертные

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 26 об.

издания Н. Гумилёва, где смело заявил: «Значение Гумилева и его влияние на современников огромно. Его смерть и для революционной России остается глубокой трагедией. И никто, надеюсь, не повторит вслед за поэтом: „Как все это просто, хорошо и совсем не больно“»¹. Символично, что 16 лет спустя Итин повторит именно судьбу Гумилёва...

Но в том же 1922 г. редактору «Сибирских огней» В.Я. Зазубрину Итин посвятил страшное стихотворение об отказе интеллигента от прошлого во имя революционной нови. В.Я. Зазубрин нередко шёл против течения, совершая очень смелые литературные поступки. Работавший с ним Итин поэтически высказался о требовании времени так же, как это делали В. Маяковский, Э. Багрицкий и другие партийные и беспартийные литераторы. Раз «век поджидает на мостовой», нужно идти на его зов с поднятыми руками, силой просветляя своё буржуазное сознание. Согласие на внутренний террор было нужно творческим душам, чтобы выжечь прошлое, сомкнув пальцы на горле второго, интеллигентского «я». Итин, обращаясь к остро переживавшему ужасы подвалов чека В.Я. Зазубрину, твёрдо призывал к огосударствлению души:

Террор ясен и убить так просто.
В наших душах нам нужней чека —
Пулей маузера, в подвалах мозга,
Пригвоздить ревущие века.
[...]
Жаждой радости и дрожью горя
Беззаветно полня чрево бытия,
Нужно пальцы чувствовать – на горле
Своего второго я.

Другие его стихи этих лет, воспевавшие логику противостояния («Стальной рукой подписывать смертный приговор / И звать миллиарды во имя солнечной грезы»), тоже очень красноречивы: «Кто смерть видал...», «В Трибунале»². Путь растворения в государственной идеологии был навязан многим литераторам. Вполне беспринципный поэт и прозаик Г.А. Вяткин³, недавний колчаков-

¹ Сибирские огни. 1922. № 4. С. 197.

² Сибирские огни. 1922. № 1. С. 35; № 5. С. 51.

³ Шишкин В.И. Поэт и власть: Г.А. Вяткин в годы гражданской войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. Новосибирск, 2004. Т. 2. Вып. 2. С. 62–75.

ский пропагандист, уже в одном из первых номеров «Сибирских огней» напечатал рассказ с мимолётным указанием на жёсткие допросы в чека белых офицеров и чиновников, кончавшихся нередко расстрелами. Стоит отметить, что активный сотрудник белой печати Вс. Иванов, переделав свою антибольшевистскую повесть, превратил её в расхваленный критикой «Бронепроезд 14-69», а активный участник салонов серебряного века С. Ауслендер, автор панегирической биографии адмирала А.В. Колчака, затем стал популярным детским писателем. Биографии Брюсова, Горького, Есенина в этом отношении также совершенно хрестоматийны, что говорит о распространённости форм мимикрии в творческой среде. Что касается Итина, то молодой писатель, возобновив литературные занятия, сразу переделал старую повесть и превратил главного героя в жертву террора А.В. Колчака. Его сочувствие Гумилёву, похоже, не распространялось на других мучеников красных расправ.

Итину на руководящей работе в Канском уезде, где всё это время свирепствовал партизанский красный бандитизм, с помощью которого власть негласно расправлялась с классовыми врагами, довелось увидеть ужасов Гражданской войны вряд ли меньше, чем В.Я. Зазубрину: он был на проходившем в Красноярске суде над группой бывших партизан, задушивших около полусотни жертв (и подобные массовые расправы в уезде были не единичны), где главарь открыто заявлял: «Я зверь, я привык к трупам...»¹. Но все неизбежные рефлексии Итина были внутри, и он обычно их не показывал, оставшись в памяти мемуаристов либо флегматичным и не от мира сего сочинителем, глубоко погружённым в мысли о литературе, либо чётким организатором местной писательской жизни.

В нэповские годы «Сибирские огни», возглавлявшиеся В.Я. Зазубриным, контуженным беспощадностью противостояния так, что своих главных героев-чекистов он разыскивал с целью получить информацию даже в психиатрических больницах, опубликовали множество острых материалов, то и дело подвергавшихся не менее резкой критике со стороны ортодоксов. Левацкий литературный журнал «Настоящее» довёл градус нападок до такого уровня, что В.Я. Зазубрину пришлось оставить журнал и покинуть Новоси-

¹ *Шишкин В.И.* Красный бандитизм в советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992. С. 59–63.

бирск. Однако вскоре и «напостовская» линия критики «Настоящего», опиравшегося на позиции, признанные троцкистскими, оказалась несозвучной генеральной линии. После вольностей В.Я. Зазубрина пришла эпоха более спокойных и управляемых редакторов. Партия направила к руководству главного журнала Сибири и в целом сибирскими литературными силами интеллигентного и идеологически выдержанного Вивиана Итина. Однако перед тем ему пришлось пережить серьёзное испытание партийным недоверием, спровоцированным чекистской слежкой.

Агентурное дело «Слон»

Весной 1925 г. Итин был исключён из партии и смог восстановиться только полгода спустя, после очень серьёзных усилий. Какой-то малограмотный сексот состряпал на него донос, который в нужный момент получил развитие. Уполномоченный контрразведывательного отдела Новониколаевского губотдела ОГПУ Прохоров и его начальник И.А. Жабрев 5 апреля 1924 г. в дневниковой сводке, составленной 5 марта 1924 г., под разделом «Монархисты» указали (от источника «Русмана»), что в Новониколаевске нелегально живут бывший нотариус из Уфы Вениамин Итин, «ярый монархист, ранее состоял в партии монархистов, и некто уфимский поэт ПОПОВ, псевдоним ГОРИНОВ, также монархист»¹.

Оба указанные являются личными друзьями САВИНКОВА. ПОПОВ и ИТИН достаточно скомпрометированы в полит[ическом] отношении пред Соввластью, что в гор. УФУ бояться показаться. Допускается возможность, что они живут вместе не спроста, и именно в гор. Н.Николаевске.

Рапорт „РУСМАН“.

Агент, конечно, спутал «Вениамина» Итина с видным уфимским юристом Азарием Итиным. Но указание на то, что в Новониколаевске действуют тайные сторонники эмигранта Б.В. Савинкова, вызвало немедленную реакцию чекистов². Уже 7 марта появилось задание срочно установить адрес Итина, выявить «политфизиономию и круг знакомств», а если фигурант выбыл, то необходимо было узнать, куда именно. Тут же последовал запрос контрразведчиков Новониколаевска в Башкирский облотдел ОГПУ с передачей сведений об Итине и Попове-Горинове и просьбой собрать и выслать биографические и политические характеристики. Вскоре «Ве-

¹ Так в тексте.

² ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 2.

ниамин» Итин был обнаружен на ответственном посту в Сибкрайгосиздате и копия его анкеты оказалась подшита в агентурное дело № 139 «Слон» («савинковцы»), заведённое 29 марта¹. Тогда Итин являлся заведующим редакционной частью Сибкрайиздата, ответственным секретарём недолговременного журнала «Сибирь» и литературным докладчиком в «Сибирских огнях». Перлюстрация переписки вскоре дала уфимским чекистам первые и обнадёжившие их сведения о политическом лице семейства Итиных.

Месяц спустя после сигнала «Русмана», 7 апреля 1924 г., начальник Башкирского облотдела ОГПУ Белогуров адресовал новониколаевским коллегам просьбу сообщить, конфисковано ли отправленное 3 апреля из Уфы письмо на имя Вивиана Итина, куда был вложен полис застрахованного Азария Итина на 5 тыс. руб. золотом, срок которого истек в 1926 г. Не имея возможности получить эти деньги в СССР, Итин-старший послал полис сыну (согласно чекистским сведениям, коммунисту), чтобы тот отправил его за границу какому-нибудь знакомому американцу и получил деньги, уплатив посреднику определённый процент. По шифровке уфимской почтово-телеграфной конторы письмо должны были изъять новониколаевские почтовики. Белогуров указывал, что если почта этого не сделала, пусть полис вместе с перепиской изымут чекисты для «привлечения отправителя к ответственности». Далее в деле подшит акт от 10 апреля 1924 г. о вскрытии новониколаевской почтово-телеграфной конторой — в присутствии агента ОГПУ — заказного письма с полисом, поступившего из Уфы 8 апреля².

Чекисты получили задание выявить уфимца Попова-Горина и установить за ним и Итиным внутреннее наблюдение, т.е. через агентов. Парадокс заключался в том, что Итин по должности сам вполне мог входить в состав бюро содействия ОГПУ, созданные в 1922 г. из партийного начальства в серьёзных учреждениях для слежки за инопартийными и инакомыслящими специалистами. Между тем 21 апреля 1924 г. помощник уполномоченного Новониколаевского губотдела ОГПУ Е.Н. Радостин получил задание о осуществлять перлюстрацию переписки Итина. Радостин и Жабрев 30 апреля уведомили начальство, что Итин получил вскрытое на почте письмо отца и что перлюстрация продолжается. Копия от-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 5, 3, 4.

² Там же. Л. 7–7 об., 14.

цовского письма 13 мая 1924 г. также подшита к делу: «Вива, ты пишешь, что пакет на твое имя со вложением документов вскрыли и задержали... Странно, по советскому законодательству выемка писем допускается в случае возбуждения уголовного преследования и притом с разрешения прокурора. По-видимому[,] для некоторых субъектов закон не писан...». Отец предлагал переслать полис через работавших в Новониколаевске рабочих-американцев, а о семье сообщал не очень радостные вести: «Живется неважно. Как тебе известно[,] я уже давно не служу[,] попал под „сокращение“. Поступил в члены коллегии защитников, но практика пока плохая, еще не выручил даже уплоченных налогов за право ведения дела...[,] занимаюсь чтением французских и немецких книг, недавно прочел переписку Гейне. Очень интересные письма: сколько ему пришлось перестрадать как писателю... [...] Нина пишет, что в университете предполагается “чистка”. Не лучше ли оформить, что она находится на твоём иждивении, или прими[,] если возможно[,] соответствующие меры...»¹.

Отвечая на запрос из Уфы, контрразведчики писали, что письмо Азария Итина не было конфисковано, а передано В.А. Итину, полис им пока никуда не отправлен, а перлюстрация продолжается. В Уфе было известно, что Азарий Итин ведет переписку с неким Василием Ивановичем Поповым, но местожительство последнего чекистами выяснено не было. В свою очередь, новониколаевские чекисты запросили данные на Вивиана Итина и поэта Попова. Башкирский облотдел ГПУ только 16 июня 1924 г. ответил, что на Вивиана Итина у них материалов нет — напротив, он именно в Новониколаевске занимает ответственную должность. Что касается поэта Попова, то он не находился в агентурной разработке, что говорило об отказе уфимских чекистов следить за мифическим «савинковцем».

В копии перехваченного ответа Вивиана отцу сообщалось: «...Перед отъездом в Крым решил съездить в Кемерово[, в] Американскую индустриальную колонию. Но с полисом едва ли что-нибудь выйдет. На свой запрос в Нью-Йорк ответ до сих пор не получал. Едва ли так же кто-нибудь из американцев вздумает купить его». Там же Итин сообщил, что консульства США в России нет, а в Новониколаевске имеется только германское².

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 11, 12, 14, 15.

² Там же. Л. 17–19.

Изучив письма Итиных и послания уфимских чекистов, в Новониколаевске поняли, что дело «Слон» не имеет перспективы и связей с Савинковым, по чекистскому жаргону, не «размотать». Заместитель начальника губотдела Г.А. Молчанов вместе с Жабревым и Радостиным подписали 9 июля 1924 г. обзор этого дела, допустив, что, возможно, В.И. Попов — тот самый поэт, что знаком с Савинковым. Нейтрально было отмечено, что В. Итин собирается ехать в Кемерово и сделал запрос в США относительно полиса, но ответа пока не получил: «Дальнейшее наблюдение за ИТИНЫМ и перлюстрация корреспонденции продолжается, но дело пред[о]ставляется в Губ К.К.». В итоге пять дней спустя Радостин заключил, что монархистом, упомянутым в первичном агентурном сообщении, на самом деле является отец Итина Азарий, и направил дело в губернскую контрольную комиссию¹.

Материалы столь невыразительного агентурного дела на Итина вряд ли бы получили развитие в партийных инстанциях, но в 1925 г. грянула очередная кампания по проверке партийных документов — по сути, партийная чистка. В протоколе проверочной комиссии от 9 апреля 1925 г. сообщается, что ячейка ОГПУ, к которой был прикреплен и Итин, исключила его из партии. Итин был обвинен в том, что, будучи политически развитым, ничем себя не проявил как партийный работник: «Активно работал у белых и иностранцев и Колчака, колеблющийся (sic! — А.Т.) элемент. Скрыт[н]ый трудно поддается выявлению». Отсюда последовал вывод: «Проверкомом проверить его преданность рабочему классу не удалось. А по сему постановили исключить из рядов партии на два года»².

Председатель одной из проверочных комиссий, бывший крупный чекист Ф.А. Сова-Степняк, заявил перед проверкой на собрании ячейки губотдела ОГПУ, что в деле партпроверки «лучше перегнуть, чем не догнуть: если не догнешь — вредный элемент останется в партии, если перегнешь — ошибку исправит контрольная комиссия»³. Трудно представить, чтобы Итин не упомянул при разборе его дела о своей работе с чекистами в Красноярске, но пронять «чистильщиков» этим не смог. Четырнадцатого апреля 1925 г. Итин апеллировал в губернскую контроль-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 20–22.

² ГАНО. Ф.П-11. Оп. 2. Д. 683. Л. 2.

³ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 24.

ную комиссию, потребовав от партийных контролёров признать ошибку: «Соглашаясь в принципе с т. Степняком, прошу ГУБ.КК исправить один из таких „перегибов“»¹. Итин заявил, что ИМКА не была частью колчаковской армии и он там служил для уклонения от мобилизации, причем указывал, что у американского христианского союза «был целый ряд конфликтов с колчаковцами, чем он вольно или невольно содействовал разложению белых и в конце концов был изгнан Колчаком». Писатель сообщил, что вместе с ним в миссии Красного креста скрывались несколько большевиков — русских и немцев-военнопленных. Однако, как указывал Итин в последовавшей апелляции в краевые инстанции, в губКК на это ответили, что реабилитирующую писателя информацию проверить трудно и считали «миссию хуже колчаковской армии»².

Далее Итин признал, что в Новониколаевске его партийная работа стала менее заметной из-за обострения хронического афтозного стоматита, затруднявшего речь и мешавшего агитировать словом: «С этого времени я преимущественно писатель, беллетрист и поэт, литературный работник». Хотя в еженедельнике ЦК РКП(б) «Красная печать» (1924 г., № 12) появилась отрицательная рецензия на «Сибирские огни», тем не менее в нём было отмечено: «Более всего проникнуты духом революции стихи Вивиана Итина...». Удостоен похвалы был также поэтический отдел, как эволюционирующий «в сторону приближения к революционной действительности...». Итин не преминул сообщить, что с 1923 г. отдел стихов «составляю и фактически редактирую я»³.

Заслуги Итина в собирании и пестовании поэтических сил были очевидны. В 1920-е годы «Сибирские огни» активно печатали как молодых и очень талантливых Леонида Мартынова и Павла Васильева, так и куда более скромно одарённую Лидию Лесную, которая в 1917 г. в «Новом Сатириконе» Аркадия Аверченко публиковала как салонные, так и антибольшевистские стихи.

Одновременно Итин вёл большую переписку с начинающими авторами из комсомольцев, рабочих и крестьян. «Многие из них теперь крепко встали на ноги, — сообщал он. [...] Революционизирование сибирской поэзии объясняется, конечно, притоком этих свежих сил. Начинающие писатели и поэты теперешняя моя

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 24, 27 об.

² Там же. Л. 38 об.

³ Там же. Л. 25, 26.

аудитория. Эта работа не учитывается партийными комитетами, но в сущности является, в значительной степени, партийной пропагандистской деятельностью». К апелляции поэт приложил отзыв курсанта омской партийной школы Геннадия Акимова, возмущенно отозвавшегося в письме к Итину от 10 февраля 1925 г. за его внимание к стихам деревенского парня.

Также в апелляции Итин процитировал письмо В.И. Ленина М. Горькому от 1908 г., где вождь просил классика не отрываться от большой вещи в пользу маленькой для партийной прессы. Он отметил, что ленинские письма проникнуты, при всех резких разногласиях с М. Горьким, «чрезвычайно бережным отношением к таланту, этому „казенному имуществу“, как выражался Ильич». Итин с достоинством указывал начальству: «Словом, я считаю, что если мне удастся, даже за всю свою жизнь, дать несколько крупных революционно-художественных вещей (а я иду к этому упорно), это будет гораздо ценнее для партии всякой другой, так называемой чисто-партийной работы. [...] Я уверен, что ошибка комиссии была продиктована ненавистью ее рабочего состава по отношению к интеллигенции. Я разделяю и оправдываю эту ненависть в отношении к интеллигенции как классу, выступившему против рабочей революции, но подобное конкретное применение своей неприязни по отношению к коммунисту, я думаю должно быть заклеено с негодованием»¹.

Имеющийся у чекистов минимальный материал на Итина не устраивал партийное руководство губернии, тем более, что с лета 1924 г. в нём не было ничего нового. В марте 1925 г. губКК запросила губотдел ОГПУ дать дополнительные материалы, ссылаясь на то, что в присланном деле по обвинению Итина было сказано, что за ним ведётся наблюдение. На это информационно-регистрационный отдел Новониколаевского губотдела ОГПУ 15 апреля сообщил в президиум губКК, что, кроме агентурных сведений о монархизме, другого компромата нет. Руководство губотдела 4 июля 1925 г. препроводило в губКК уже известное там агентурное дело № 139 «на распоряжение»².

Тем не менее Итин не только был исключён, но и его апелляция на губернском уровне не получила положительного разрешения, поскольку там согласились и с тем, что он «активный работ-

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 27.

² Там же. Л. 40–42.

ник белогвардейщины Русской и иностранной», и с мнением ячейки губотдела ОГПУ, отметившей, что Итин считает свою служебную работу «выше работы ячейковой». Партколлегия губКК РКП(б) 11 июня с негодованием отметила, что Итин, «осуждая нерешительность тройки исключившей его на два года, просит... или оставить его в партии, или исключить безоговорочно, т.к. он считает себя не плохим коммунистом и не плохим работником и исправляться ему не в чем». Вердикт губКК РКП(б) был однозначен: «[...] Из рядов РКП(б) исключить безоговорочно»¹.

В ходе дальнейших апелляций от писателя требовали порвать с отцом-«монархистом», о политических предпочтениях которого стало известно, конечно, из агентурного дела. На требования товарищей по партии разорвать отношения с отцом Итин ответил в письме в СибКК ВКП(б) 28 августа 1925 г. очень определённо: «Постановка вопроса о моем отце, сделанная Губ.К.К., была для меня неожиданная и непонятна. Мне указывали, что я должен прервать с ним всякие сношения, раз он был кадетом. Мой отец сейчас не кадет и советской властью не преследовался. Я пишу своей семье раз в месяц короткие письма. О чем здесь говорить?.. Анекдот со страховым полисом теперь достаточно разъяснен. Я вернул полис отцу, а он переслал его в „Кредит-Бюро“, специально созданную советской властью организацию для ведения дел с иностранными страховыми обществами...»². А несколько дней спустя появилась записка Итина в СибКК от 3 сентября 1925 г., раскрывавшая трагическое событие в семье писателя: «Мой сын внезапно умер, от дизентерии. Мне сейчас трудно интересоваться моей личной судьбой. Поэтому прошу разобрать мое дело заочно»³.

В СибКК ВКП(б) предпочли всё же рассмотреть дело в присутствии писателя, что и произошло ещё месяц спустя. Контролёры отметили, что Итин не был активным у белых и не скрывал при поступлении в партию своей службы у врага, активно участвовал (оговорено, что со слов самого Итина) во всех партийных заданиях, хотя и скрыл в анкете выговор за резкость в печати. Зато Итин не скрывал, что заочно был осуждён нарсудом к штрафу 1000 руб. дензнаками 1922 г. за то, что забыл сняться с учёта в губвоенкомате, когда уезжал из Енисейской губернии. В чём про-

¹ ГАНО. Ф.П-11. Оп. 2. Д. 683. Л. 1.

² ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 35–35 об.

³ Там же. Л. 43.

являлись его пассивность и колебания как коммуниста, контролёры не обнаружили. В итоге 5 октября 1925 г. решение об исключении из партии было отменено и Итина постановили считать прошедшим партийную проверку¹. Таким образом, дело на Итина оказалось для чекистов неперспективным и всё ограничилось внутривнутрипартийным обсуждением. Номенклатурный литератор пока оставался своим. Но лёгкая утрата партбилета, конечно, показала ему силу грубой большевистской бдительности.

Под дамокловым мечом

Далее карьера Итина более десятилетия шла в гору, хотя в ней случались тревожные эпизоды. В 1926 г. состоялся съезд сибирских писателей, на котором Итин был избран секретарём писательского правления. Но в 1928 г. началась травля «Сибирских огней» ортодоксами-леваками из группы «Настоящее». Но именно Итину в итоге доверили на не очень продолжительное время журнал, а «настоященцев» после их грубой атаки на М. Горького разогнали. В эпоху привычного для красных интеллигентов двоемыслия Итин работал над романом о Гражданской войне, но печатался на более актуальные темы, надолго превратившись в поэта освоения русского Севера. Этот остроактуальный и яркий материал позволил ему издать несколько пришедшихся ко двору талантливых книг документальной прозы и заслуженно выдвинуться в первые лица литературной жизни бурно растущего Новосибирска. Журнал «Сибирские огни», до конца 1920-х годов публиковавший острые вещи, привлекавшие широкое читательское внимание, фактически был разгромлен ортодоксами, а его яркий редактор В.Я. Зазубрин вынужденно уехал в Москву. Журнал после эпохи великого перелома стал терять своё лицо, разделив судьбу многих изданий.

Правда, в 1930-е годы Итин, который масштабом литературного дарования уступал В.Я. Зазубрину, став редактором «Сибирских огней», мучительно пытался совмещать следование партийным директивам с желанием делать достойный журнал и нередко публиковал в нём интересные вещи. Между тем, писателям диктовали, что они обязаны творить в ровном темпе, повышать свою политическую грамотность и не смеют ссылаться на вдохновение. На партийной чистке новосибирских писателей

¹ ГАНО. Ф.П-6. Оп. 2. Д. 1295. Л. 48; Ф.П-11. Оп. 2. Д. 683. Л. 2.

в 1934 г. прозвучали обращённые к ним руководящие требования «решительно изменить методы своей творческой работы, чтобы в действительности осуществлять авангардную роль на этом ответственном участке работы партии... повести решительную борьбу с самотеком в выборе писателями тем для творческой работы, беспощадно разоблачая и критикуя укоренившиеся вредные представления о том, что творческая работа писателя всецело зависит от „вдохновения“...» и не может быть уложена в какие-то строгие рамки¹.

В 1934 г. Итина избрали ответственным редактором «Сибирских огней» и председателем правления Западно-Сибирского объединения писателей, а также делегатом первого Всесоюзного съезда писателей. Так Итин, избранный властями края для руководства не только журналом, но и местными писателями, в острый период, начавшийся после убийства С.М. Кирова, стал ещё более видным литературным чиновником, в то же время бесконечно зависимым от политической конъюнктуры.

С арестом в июне 1936 г. заведующего Сибистпартом и постоянного автора «Сибирских огней» В.Д. Вегмана к писателям пришло осознание хрупкости своего положения, тем более что под арестом уже оказались В.И. Александров, В.А. Зверев, А.А. Панкрушин, А.П. Смердов². Повинуясь начальственным указаниям, новосибирские писатели 19 августа 1936 г. провели митинг, в котором участвовали В.И. Итин, А.Л. Коптелов, А.Р. Пугачев, Г.М. Пушкарев, А.И. Ершов, М.А. Кравков, М.И. Ошаров, и вынесли резолюцию, требовавшую расстрела Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева и других фигурантов процесса «антисоветского террористического центра»³.

Однако выражение даже крайней лояльности уже не являлось надёжной защитой. На глазах у Итина были арестованы и уничтожены все основные писательские силы Новосибирска: В.Д. Вегман, Г.А. Вяткин, М.А. Кравков, М.И. Ошаров, П.В. Гинцель, ряд журналистов. На самого Итина незадолго до исключения из партии были собраны крайне тенденциозные материалы. Согласно анонимной справке от 27 октября 1937 г., представленной областным партархивом, но составленной, скорее всего, органами НКВД, Итин являлся сыном присяжного поверенного, в феврале 1917 г. посту-

¹ ГАНО. Ф.П-76. Оп. 1. Д. 531. Л. 8.

² Папков С.А. Организация писателей Сибири и НКВД: погром 1936 года // Сибирские огни. Новосибирск, 2011. № 2. С. 180–188.

³ ГАНО. Ф.П-3. Оп. 1. Д. 734. Л. 111.

пил на службу в «Особое делопроизводство Министерства торговли и промышленности», которое, по словам Итина, занималось главным образом ликвидацией австро-германских предприятий и их продажей. В справке тут же делался безапелляционный вывод: «Надо полагать, что это учреждение занималось также и шпионской деятельностью».

Далее в справке говорилось, что в июне 1918 г. Итин из Москвы уехал в отпуск к родителям в Уфу, где поступил сначала в американскую миссию Красного креста, затем оказался мобилизован в чешский полк, но смог устроиться переводчиком при сопровождавшей белые войска благотворительной американской христианской ассоциации молодёжи (ИМКА). Итин уверял, что ИМКА занималась только религиозной пропагандой и организацией культурно-просветительных мероприятий. Однако в справке без каких-то доказательств значилось, что Итин якобы информировал американцев с помощью газетных сведений и систематически посещал «осведомительное управление» штаба армии Колчака.

В справке содержалась информация о том, что после оставления Омска колчаковцами Итин пытался эвакуироваться вместе с американской миссией, но под Красноярском польский эшелон, в котором он находился, был остановлен красными. Отмечались в справке и контакты с иностранцами. В частности, утверждалось, что писатель несколько лет поддерживал связь с германским консулом и, согласно заявлению Итина, трижды бывал у консула на квартире. Составитель справки резюмировал: «Все эти факты должны стать предметом обсуждения парторганизации»¹.

Обсуждение с заранее предрешённым финалом закончилось 11 ноября 1937 г. тем, что Новосибирский горком исключил его из ВКП(б). 23 декабря 1937 г. на бюро Новосибирского горкома ВКП(б) его бывший первый секретарь С.А. Шварц² (хорошо знавший Итина полтора десятилетия, так как в начале 1922 г. являлся ответственным секретарем Канского укома партии), к тому времени повышенный до председателя облизполкома, доложил апелляцию Итина. И тут же предложил её отвергнуть по сумме компрометирующих материалов: с января 1919 г. Итин служил в ИМКА; в 1935 г. крайкомом ВКП(б) ему было поставлено на вид за нарушение партдисциплины и самовосхваление в редактируемом им журнале; был

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 40–41.

² Арестован 4 января 1938 г., расстрелян.

связан с врагами народа Кравковым (бывали друг у друга), Вяткиным, Ошаровым, Панкрушиным, Зверевым, причём после ареста Панкрушина и Зверева их жёны приходили на квартиру Итина; присутствовал на банкетах у германского консула Г. Гросскопфа.

Тогда Итин обратился в следующую инстанцию. Но областная партийная коллегия 17 января 1938 г. тоже утвердила его исключение из ВКП(б) за связи с германским консульством и врагами народа, за пособничество им, поскольку Итин допустил засоренность «Сибирских огней» и писательской организации арестованными ныне врагами М.А. Кравковым, В.А. Зверевым, В.И. Мрачковским¹ и др. В обвинение содержался явный намек на причастность исключённого к антисоветской работе: «Квартира Итина являлась центром сборищ (под видом танцевального кружка) враждебных элементов»².

Двадцать восьмого марта 1938 г. Итин подал апелляцию в КПК при ЦК ВКП(б). Он подробно изложил обстоятельства своей жизни и работы последних лет. Он писал, что в 1935–1937 гг. ответственным редактором «Сибирских огней» был А. Высоцкий, летом 1937 г. снятый крайкомом с выговором за грубые политические ошибки, допущенные в журнале. Сменив его, Итин работал редактором журнала всего три месяца, подписал третий и четвёртый номера за 1937 г. и целиком подготовил октябрьский номер, «составленный главным образом из революционного фольклора». В статье «Пять лет»³ он «разоблачал правотроцкистский блок в литературе, что особенно следует отметить сейчас, после процесса троцкистско-бухаринских бандитов...[,] вел борьбу с этими [враждебными элементами,] затащенными в литературу при содействии врагов, орудовавших в руководящих органах партии (Вегман, Ляшенко, Колотилов⁴ и др.)»⁵.

Характеризуя арестованных, Итин не жалел чёрных красок. Но о М.А. Кравкове, пережившем с 1920 по 1933 г. три ареста, бы-

¹ В.И. Мрачковский работал репортёром «Советской Сибири», был расстрелян как «польский шпион» 21 октября 1938 г.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. П-3745. Л. 42, 43.

³ Итин В. Пять лет // Сибирские огни. Новосибирск, 1937. № 3. С. 138–142.

⁴ И.И. Ляшенко — бывший заведующий отделом руководящих парторганов Западно-Сибирского крайкома ВКП(б), был арестован в 1937 г., расстрелян в 1939 г.; заведующий сельскохозяйственным отделом крайкома А.И. Колотилов был арестован 29 июля, расстрелян 27 октября 1937 г.

⁵ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 44.

ло сказано более объективно и даже весьма смело: «Кравков появился в Новосибирске в конце 1935 года и написал несколько хороших рассказов о золотых приисках. Этим он обязан советской действительности, рождающей героев. В 1936 г. Кравков подал заявление о приеме в ССП. Правление ССП (возглавляемое мной) отказало Кравкову, принимая во внимание его эсеровское прошлое. Затем о рассказах Кравкова появились в печати хорошие отзывы руководителя ССП тов. [В.П.] Ставского. Вопрос был пересмотрен руководящими работниками Крайкома ВКП(б). Решение было Кравкова принять в ССП. Кроме того, я лично обращался в НКВД, к т. Жабреву¹. Возражений не было. Тогда Кравков был принят в Союз. Можно найти после этого в моем поведении элементы „потери политического чутья“?

Принимая Кравкова в Союз, я понимал, что здесь есть риск. Но я не чиновник и не трус. Нельзя было оттолкнуть из-за мерзкой перестраховки человека, проявившего талант. Кроме того, Союз писателей не учреждение, где руководитель выбирает штат по своему желанию. Писатели определяются их произведениями. А по произведениям Кравкова его разоблачить было нельзя. [...] Кравков бывал у меня на квартире ровно столько раз, сколько написал рассказов, редактировавшихся мной, т.е. довольно редко»². Эти строки были написаны о расстрелянном ещё в октябре 1937 г. ярком писателе М.А. Кравкове.

Вскоре Итин добавил разъяснение о своей роли в борьбе с врагом на литературном фронте, отметив, что в сибирской литературе орудовало немало врагов: В.Д. Вегман, М.М. Басов, В.Я. Зазубрин и др. В порядке подтверждения своей позиции к этому письму³ Итин приложил свою статью «Пять лет» с политически выдержанными в духе 1937 г. оценками сибирской литературы и писательских антипартийных группировок.

Арест, следствие, расстрел

К весне 1938 г. у новосибирских чекистов накопилось некоторое количество документов, интересных с точки зрения возможности открыть следственное дело на человека, связанного с арестованными врагами народа и переписывавшегося с заграни-

¹ И.А. Жабрев в 1933–1936 гг. возглавлял секретно политический отдел ПП ОГПУ–УНКВД по Западно-Сибирскому краю, был расстрелян в 1939 г.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П.-3745. Л. 46–47.

³ Там же. Л. 51–52.

цей. Этой информации было вполне достаточно для расправы с только что изгнанным из партии литератором. Но поскольку актуальной для чекистов его фигура не была, ещё три месяца он, уволенный с ответственной должности, ходил на свободе, пытаясь восстановиться в партии и мучительно гадая, кто из арестованных уже даёт на него компрометирующие показания¹.

Сделать из Итина участника «правотроцкистского заговора» было несложно, поскольку он, разумеется, имел связи с номенклатурой, подлежащей уничтожению. Но работники секретно-политического отдела, занимавшиеся «внутренней контрреволюцией», в конце концов уступили Итина коллегам из отдела контрразведки, имевшим данные о его связях с иностранцами. Между основными отделами управлений НКВД во всех областях шла борьба за перспективные дела и «интересных» фигурантов. В итоге писатель достался борцам со шпионажем, ибо контрразведывательный отдел был крупнее и влиятельнее.

В апреле 1938 г. руководящими работниками контрразведывательного отдела УНКВД по Новосибирской области — начальником 6-го отделения И.И. Конновым и начальником отдела Ф.Н. Ивановым — была составлена справка на арест Итина. Подписал её начальник облуправления НКВД Г.Ф. Горбач. В справке говорилось, что Итин, бывший председатель Сибирского бюро Союза советских писателей, является агентом японской разведки и участником контрреволюционной правотроцкистской организации. Участвуя в 1930 г. в экспедиции советских судов на Северный полюс, Итин во время остановок в городах Японии связывался с белоэмигрантами и чиновниками японской полиции. В 1930–1931 гг. входил в литературную группу «Настоящее», которой руководил враг народа С.И. Сырцов. В 1932–1936 гг. Итин вместе с врагом В.Д. Вегманом «группировывал вокруг себя реакционных сибирских писателей, был связан по контрреволюционной работе с сибирскими областниками Г.А. Вяткиным, Шнейдером», а также до 1932 г. — и с бывшим белым генералом В.Г. Болдыревым. После ареста В.Д. Вегмана в 1936 г. Итин, возглавляя писательскую организацию, якобы руководил и «троцкистской группой из числа литературных работников», а затем был снят с работы и исключён из партии за пособничество и связь с врагами народа. Чекисты считали необходимым Итина арестовать и привлечь по ст. 58-6-8-10-11 УК

¹ *Итина Л.* «Я был искателем чудес...»... С. 36–37.

РСФСР (участие в шпионско-террористической организации и проведение антисоветской пропаганды)¹. Все эти обвинения являлись выдумкой. В них не было доказательств ни связи писателя с японскими спецслужбами, ни членства в «правотроцкистском заговоре». И даже в реальной группе «Настоящее» Итин никогда не состоял.

Ордер на обыск и арест был выдан 30 апреля 1938 г. сержанту госбезопасности С.М. Заяринову, с которым этот чекист вместе с лейтенантом госбезопасности А. Колчиным в тот же день явился в квартиру два дома № 3/5 на проспекте Сталина, в которой проживал Итин. В присутствии дворника-понятого Заяринов и Колчин изъяли при обыске документы Итина (паспорт, военный билет, членский билет Союза писателей, два профсоюзных билета, пять разных удостоверений), фотоаппарат, фотобумагу, «бинокль военного образца» и малокалиберную винтовку с 15 патронами. Полностью был изъят архив: 34 записные книжки и 28 общих тетрадей с разными рукописями, восемь папок рукописей об Арктике, 300 фотографий, 12 пачек негативов, 47 различных писем, адресованных Итину, и папку личной переписки. Также чекисты забрали много книг. На протоколе осталась запись: «Никаких претензий при обыске не заявлено»².

Той же ночью на Итина была заполнена стандартная анкета арестованного. Установочный допрос, который провёл оперуполномоченный контрразведывательного отдела УНКВД Заяринов, состоялся 3 мая. На нем были выяснены вехи биографии Итина, установлены ближайшие родственники, трудовая и общественная деятельность. На заявление Заяринова о том, что чекисты располагают сведениями о его переписке с границей, Итин дал подробный ответ. Он сообщил, что в Лондоне живёт его знакомый, в прошлом коммунист Т.В. Васильев, который сообщил ему «отдельные черты буржуазного быта и своей работе советского юриста». Также Итин сообщил, что несколько раз обращался в американский журнал «Азия и американское географическое общество» с просьбой выслать книги о путешествии Беринга, «Африка в XX столетии» и о проблемах полярных исследований, а в 1933 г. написал письмо жившему во Франции Илье Эренбургу и получил ответ, касающийся своей повести «Белый кит».

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 1-3.

² Там же. Л. 4-6.

Однако следствие быстро нашло методы убедить писателя в том, что он враг народа. Уже на следующий день, 4 мая, сломленный Итин, признал свое участие в «шпионаже». Он рассказал о том, как некий молодой японец расспрашивал его о путешествии и, узнав, что собеседник — корреспондент журнала и писатель, попросил дать материал о Северном морском пути, соединяющем Атлантический и Тихий океаны через внутренние моря СССР. В ответ Итин сделал для японца черновой набросок о значении полярной трассы и передал ему ряд сведений о Северном морском пути. После чего японец назвал свою фамилию и тут же, отрекомендовавшись представителем японской секретной полиции, заявил, что эти сведения носят шпионский характер, стал запугивать Итина, а потом предложил сотрудничать с японской разведкой. Оказавшись в таком затруднительном положении, Итин дал согласие на сотрудничество. Затем, получив от Итина дополнительную информацию об экономике и промышленности в Западной Сибири, японец предложил Итину по возвращению в Новосибирск для дальнейшей разведывательной деятельности связаться с японским консульством в Новосибирске и обещал об этом сообщить консульству секретной почтой¹.

Согласно протоколу допроса, два месяца спустя с Итиным связался сотрудник консульства в Новосибирске Накамура, который несколько раз посещал писателя на его квартире. Он, якобы, подробно ознакомился с его литературными трудами, интересовался сведениями о близких знакомых из числа писателей и литераторов, но наиболее подробно расспрашивал о взаимоотношениях с писателем А.Л. Коптеловым. Убедившись, что у Итина с Коптеловым самые дружеские отношения, Накамура назвал Коптелова своим человеком и предложил Итину «в самые ближайшие дни встретиться с ним и получить от него ряд сведений шпионского характера об экономике быте и культуре в Ойротии». На вопрос Заяринова, выполнил ли он это задание, Итин ответил: «Да[,] выполнил[,] я на другой же день пригласил к себе на квартиру Коптелова, передал ему о своем разговоре с сотрудником японского консульства Накамура и тут же получил от него в письменном тексте интересующие японскую разведку материалы об Ойротии[,] которые впоследствии мной были переданы Накамура»².

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 12–13 об.

² Там же. Л. 14.

Грубая ложь следователя при оформлении этого рокового для Итина протокола более чем очевидна — сведения о полярной трассе были несекретными. Вся версия следствия выглядела абсолютно ложной — реально существовавший Накамура уехал из Новосибирска за два года до путешествия Итина, но следователь не стал возиться с фамилиями японских разведчиков в столице Сибири середины 1930-х годов, которых было несколько, а материал об их шпионаже менее убедительным, чем информация о Накамуре¹. Очевидно, что чекисты пытались создать шпионскую писательскую ячейку, увязав Итина с идущим в гору плодовитым литератором А.Л. Коптеловым, автором популярного тогда романа «Великое кочевье», посвящённого советской ломке традиционного быта алтайцев. По мнению чекистов, ойротские «националисты» традиционно были «связаны» именно с японской разведкой, о чём свидетельствовали многочисленные агентурные и следственные дела.

На этом следственные мероприятия, судя по документам дела Итина, были завершены. Признаний в связях с врагами-писателями не потребовалось, участие в «правотроцкистском блоке» не выяснялось, — «шпионской линии» оказалось достаточно, причём исключительно японской, хотя у Итина было несколько реальных встреч с германским консулом. В июне начальник 5-го отделения КРО УНКВД В.Д. Качуровский объявил Итину об окончании следствия, от которого была получена традиционная формула, что он «добавить к своим показаниям ничего не имеет»². Обвинительное заключение, утверждённое заместителем начальника УНКВД капитаном госбезопасности А.С. Ровинским, фиксировало, что Итин обвиняется по ст. 58-6 УК (шпионаж), поскольку передавал японской разведке шпионские данные об экономическом и политическом положении Ойротии, а также сведения о политических настроениях населения. Виновным Итин себя признал. Изобличался же он показаниями некоего Озолина, первый и последний раз упомянутого в деле. В обвинительном заключении фамилия Озолина сопровождалась неизвестно кем и когда проставленным знаком вопроса. Что касается Коптелова, то он в этом документе не упоминался совсем. Подписали обвинение оперативник КРО, недавно мобилизованный в НКВД И.Т. Монашенко, помощник

¹ См.: *Тепляков А.Г.* Опричники Сталина. М.: Яуза, 2009. С. 326–330.

² Архив УФСБ по Новосибирской области. Д. П-3745. Л. 15.

начальника 2-го отделения КРО, которое занималось японским шпионажем, И.И. Ренцев и начальник отдела контрразведки Ф.Н. Иванов¹.

Хотя Итин признался и следствие было закончено, он остался сидеть в тюрьме, поскольку «тройка» управления НКВД, осудив с августа 1937 г. по март 1938 г. 50,5 тыс. человек, из которых 34 тыс. были расстреляны², затем надолго прекратила свою деятельность. Правда, в Новосибирск в июне 1938 г. приезжала выездная сессия Военной коллегии Верховного Суда СССР, рассматривавшая несколько сотен дел на представителей номенклатуры. Итина вполне могли «пропустить» через военную коллегию, но по каким-то причинам продержали в тюрьме до осени. Осенью 1938 г. новосибирская областная «тройка» НКВД возобновила свою работу. Она осуждала преимущественно так называемые «национальные контингенты»: немцев, поляков, прибалтов. Однако периодически рассматривала дела врагов народа и других категорий. На заседании «тройки» 17 октября 1938 г. решилась судьба Итина. Он был осуждён к высшей мере наказания и 22 октября расстрелян. Все материалы на писателя — от справки на арест до справки об исполнении приговора — уместились на 19 листах.

Реабилитация

В конце 1955 г. дочь Вивиана Итина Лариса, жившая в то время в Минске и работавшая в Институте физиологии АН Белорусской ССР, являвшаяся членом КПСС с 1953 г. и кандидатом биологических наук, обратилась в Президиум ЦК КПСС с письмом, в котором ходатайствовала о пересмотре дела отца, «потому что не уверена в его виновности».

Это письмо было направлено в органы военной юстиции, а затем стало предметом специального расследования, проведенного Новосибирским управлением Комитета государственной безопасности. В результате проделанной сотрудниками КГБ работы предъявленные Итину обвинения не подтвердились. Поскольку Итин был репрессирован по обвинению в шпионаже, то его дело пересматривала военная юстиция. Военным трибуналом Сибирского военного округа 11 сентября 1956 г. Итин был реабилитирован за отсутствием состава преступления. Хотя с точки зрения полной юридической справедливости следовало бы дать более честную

¹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Д.П-3745. Л. 16–18.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 1678. Л. 430.

формулировку — в связи с отсутствием события преступления. Однако дочери сообщили недостоверную дату смерти — 1945 г., которая и вошла в краткую Литературную энциклопедию.

Несколько лет спустя после реабилитации книги Итина стали перепечатывать. О нём чередой публиковались очерки и воспоминания, нередко спрямлявшие путь героя и почти не касавшиеся трагедии его жизни. К настоящему времени доступны художественная и очерковая проза Вивиана Итина, собраны стихотворения, опубликована часть переписки. В 1990-е годы появились содержательные воспоминания дочери Итина. Опубликованные и архивные материалы позволяют приступить к созданию полноценной биографии сибирского поэта и писателя Вивиана Итина.

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РАБОЧИЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ**

Статья посвящена выявлению характера социально-трудовых отношений советского государства и промышленных рабочих в военное время. Данная проблематика впервые в отечественной историографии характеризуется через призму взаимодействия власти и общества в СССР. Показано, что в первой половине 1940-х годов основной характеристикой этого взаимодействия в сфере занятости являлось острое противоречие между мобилизационным принципом закрепления и стихийной текучестью новых кадров крупных заводов и фабрик из-за низкого уровня жизни. Делается вывод о том, что попытка высших партийно-государственных органов манипулировать трудовыми ресурсами преимущественно с помощью «репрессивного менеджмента» встретила скрытое и пассивное сопротивление работников, нередко выражавшееся в их бегстве с производства. Неэффективность принудительного прикрепления заводчан к рабочим местам вынудила власть в последние годы войны приступить к комплексному решению материально-бытовых проблем тружеников тыла на общесоюзном уровне.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социально-трудовые отношения, сфера занятости, государство, рабочие, заводская молодежь.

На протяжении 1930-х – 1980-х годов одним из важнейших каналов взаимодействия власти и общества в СССР являлись социально-трудовые отношения между государством и многочисленной армией рабочих, служащих, колхозников. В годы Великой Отечественной войны данные отношения стали фактором поддержания обороноспособности страны, поскольку на плечах тружеников тыла держалась вся мощь экономического потенциала страны. В этих условиях особое значение приобрели взаимоотношения властных институтов и людей в рабочей спецовке, от которых в значительной степени зависел исход вооруженной борьбы с германским фашизмом. С одной стороны, необходимость создания и развития военно-хозяйственной базы действующей армии потребовала от высшего руководства СССР проведения комплекса мероприятий по мобилизации заводского персонала на бесперебойный выпуск продукции для фронта. С другой стороны, стремление к выживанию в экстремальной повседневности больших

индустриальных городов побуждало трудящихся по-своему реагировать на решения Коммунистической партии и советского правительства. Подобное взаимодействие находило воплощение в различных сферах социально-трудовых отношений, в том числе в занятости, детерминированной функционированием механизмов найма и увольнения. В последнем случае государство стремилось сформировать и закрепить кадры в ведущих отраслях военной экономики, а работники — добиться от властей внимания к их материально-бытовым нуждам и в случае его отсутствия — поменять место работы.

К настоящему времени данный вопрос социально-экономической истории тыла 1941–1945 гг. получил существенное освещение в отечественной историографии. В советский период изучение этой темы, как и других проблем истории военного времени, велось в рамках патриотического дискурса. Социально-трудовые отношения между государством и рабочими в сфере занятости оценивались исключительно позитивно. Исследователи акцентировали внимание на том, что рабочий класс отличался сознательной дисциплиной, достигнутой Коммунистической партией преимущественно методами убеждения. Дисциплинарные нарушения, включая «трудовое дезертирство», объяснялись несознательностью заводской молодежи, не имевшей привычки к суровым условиям оборонного производства¹.

В постсоветской историографии 1990-х годов патриотический дискурс был заменен на тоталитарный. Суть этой замены сводилась к тому, что социально-трудовые отношения занятости между государством и рабочими стали характеризоваться преимущественно с отрицательной стороны. На место «сознательной дисциплины» был поставлен административный контроль, установленный над тружениками тыла сталинским режимом в основном методами принуждения. Причины проступков дисциплинарного характера, в том числе связанных с массовой текучестью кадров, исследователи объясняли бездушным отношением «тоталитарной системы» к работникам военной экономики².

¹ См., например: *Митрофанова А.В.* Рабочий класс Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. М., 1971; и др.

² См., например: *Кньшевский П.Н.* Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 53–65; *Данилов В.Н.* Война и власть: чрезвычайные органы регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996; и др.

Современная отечественная историография отличается отсутствием какого-либо единого и «неоспоримого» дискурса. Впервые со времени окончания войны социально-трудовые отношения между государством и рабочими стали рассматриваться во всем их многообразии и неординарности. В качестве основы этих отношений изучалась многовариативная система мероприятий по стимулированию производственного персонала с помощью широкого арсенала способов вознаграждения, побуждения и принуждения. По мнению ряда авторов, проблема закрепления кадров на предприятиях оборонного значения обуславливалась комплексом негативных факторов военного времени¹.

Таким образом, за последнюю четверть века отечественная историография прошла путь от игнорирования к взвешенному признанию того факта, что интересы государства и работников тыла в некоторых точках неизбежно расходились. Но в современных исследованиях этому противоречию дается узкое, социально-экономическое объяснение: значительная часть персонала бежала с предприятий, поскольку не работали материальные стимулы к труду. Вместе с тем, исследуемое явление имеет и другую причину, заключающуюся в мере способности партийно-государственного аппарата осуществлять реальную власть над промышленными рабочими как над одной из больших групп советского общества.

В отличие от стран с рыночной экономикой, в которых органы государственной власти являлись преимущественно регуляторами трудовых отношений, в СССР государство выполняло роль работодателя-регулятора. Оно обеспечивало трудоспособных граждан работой и одновременно строго регламентировало решение всех вопросов, связанных с производственной деятельностью, в том числе вопросы найма и увольнения. В подобных действиях проявлялась одна из властных функций советских партийно-государственных институтов, для которых рабочие выступали в основном как объекты социально-трудовых отношений. В первой половине 1940-х годов эти субъект-объектные отношения приобрели наиболее жесткий и прямолинейный характер. И весь парадокс ситуации заклю-

¹ См., например: *Тогоева С.И.* Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода в 1941–1951 гг.) // Экономическая история. Обзорение. М., 2002. Вып. 8. С. 39–56; *Сомов В.А.* «Потому что была война...»: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Н. Новгород, 2008; и др.

чался в том, что их интенсивное применение на практике побуждало многих работников к занятию позиции субъекта, чье поведение не вписывалось в жесткие рамки трудового права военного времени. Необходимо показать, почему так происходило и как государственная власть пыталась разрешить это противоречие с целью укрепления контроля над рабочим классом.

В годы Великой Отечественной войны социально-трудовые отношения занятости регулировались указами Президиума Верховного совета СССР (ПВС) и постановлениями Совета народных комиссаров СССР (Совнаркома), принятыми с 26 июня 1940 по 13 февраля 1942 г. Суть этих нормативно-правовых актов сводилась к введению и распространению мобилизационного принципа формирования и закрепления кадров в основных отраслях народного хозяйства. В сфере трудоустройства советские законодатели прошли путь от призыва молодежи в возрасте от 14 до 17 лет в учебные заведения государственных трудовых резервов и направления их выпускников на предприятия¹ до принудительной мобилизации незанятого трудоспособного населения в промышленность и строительство². В сфере увольнения — от запрета на свободную смену места работы под угрозой судебного преследования³ до объявления персонала оборонных и смежных с ними заводов мобилизованным и введения по существу военной дисциплины с резким ужесточением уголовных наказаний за ее нарушение⁴. С 13 февраля 1942 по 30 декабря 1944 г. законодательно был повышен предельный возраст женского контингента⁵ и изменены условия его освобождения от призыва на

¹ Указ ПВС СССР от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР».

² Указ ПВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве».

³ Указ ПВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

⁴ Указ ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий».

⁵ Указ ПВС СССР от 19 сентября 1942 г. «О повышении предельного возраста женщин, подлежащих мобилизации в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР от 13 февраля 1942 г. „О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве“».

производство¹, расширена сфера действия² и предприняты попытки устранения недостатков в применении указа от 26 декабря 1941 года³. На рубеже 1944–1945 гг. государство с предоставления амнистии «трудовым дезертирам»⁴ начало постепенное отступление от жестких мобилизационных практик, полностью завершившееся к середине 1950-х годов. В целом в рассматриваемый период советское государство пыталась укрепить свое господство над работниками военной экономики за счет внедрения в систему социально-трудовых отношений элементов милитаризации.

В условиях острой нехватки рабочих кадров в тыловых районах СССР государственные органы проводили крупномасштабные кампании по привлечению незанятого населения в ведущие отрасли народного хозяйства. В частности, практиковались следующие формы обязательного трудоустройства: мобилизация мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 (50) лет на предприятия; призыв молодежи до 18 лет на производство через систему гострудрезервов; направление военнообязанных, негодных к службе РККА, в строительные батальоны и рабочие колонны. В первой половине 1940-х годов промышленность, строительство и транспорт получили около восьми миллионов человек, в том числе 3,1 млн — непосредственно из числа неработавших, 2,5 млн — из ремесленных и железнодорожных училищ, школ фабрично-заводского обучения, 2,3 млн — через стройбаты и рабочие колонны. (см. таблицу 1). За четыре с половиной года несколько миллионов неработавших граждан трудового возраста, в основном молодежь, были вынуждены стать рабочими в экономических интересах воевавшего государства. На первый взгляд, приведенные данные свидетельствуют о безграничном влиянии власти на общество, покорно подчинявшееся директивам высшего руковод-

¹ Указ ПВС СССР от 7 августа 1943 г. «Об изменении пункта “б” статьи 3 указа Президиума Верховного совета СССР от 13 февраля 1942 г. “О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве”»

² Указ ПВС СССР от 11 июня 1942 г. «О распространении указа от 26 декабря 1941 г. на рабочие и служащие угольной промышленности» и т. п.

³ Постановление СНК СССР от 29 июня 1944 г. «Об устранении недостатков в практике применения указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 года».

⁴ Указ ПВС СССР от 30 декабря 1944 г. «Об амнистии лицам, самовольно вшедшим с предприятий военной промышленности и добровольно возвратившимся на эти предприятия».

ства страны. Но эта картина являлась лишь одной, парадной стороной медали, демонстрировавшей бесспорные достижения советской командно-мобилизационной системы. Ее оборотной, «теневой» стороной были явные недостатки и просчеты, в итоге минимизировавшие реальный эффект от реализованных решений партии и правительства.

Таблица 1

Мобилизация гражданского населения в промышленность, строительство и на транспорт в 1941–1945 гг.*

Год	Направлено, тыс. чел.			
	всего	в том числе		
		на предприятия из числа неработающего населения	на предприятия из числа выпускников гострудрезервов	в стройбатальоны и рабочие колонны из числа военно-обязанных
1941 (июль – декабрь)	1288,3	120,8	439,5	728,0
1942	1357,6	733,9	569,1	54,6
1943	2210,3	890,7	597,8	721,8
1944	2203,9	1113,3	416,4	674,2
1945	858,9	272,5	457,5	128,9
Итого	7919,0	3131,2	2480,3	2307,5

* Составлено по: ГА РФ. Ф.Р-9507. Оп. 1. Д. 211. Л. 7; Ф.Р-9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 85–86.

Ключевая проблема взаимоотношений между государством-работодателем и новыми рабочими заключалась в том, что последние принимали статус мобилизованного контингента лишь на непродолжительное время. С одной стороны, многие труженники тыла осознавали необходимость такого правового положения и вытекавшей из него жесткой производственной дисциплины. «Дисциплина на заводе была строжайшей. За 15–20 мин. опоздания на работу могли отдать под суд. Но все мы понимали, что законы военного времени должны быть суровы, любая расхлябанность была бы на руку врагу»¹, — вспоминал ветеран омского танкового завода № 174 В.А. Белов. С другой стороны, данная установка не являлась постоянной, поскольку в рассматриваемый период крупные

¹ Обожгла наше детство война. Сборник воспоминаний детей военного времени. Омск, 2010. С. 32.

предприятия столкнулись с широкомасштабной текучестью рабочих кадров. Этот процесс приобрел как законный (призыв в армию, уход на учебу, в отпуск по беременности и т. п.), так и незаконный (самовольные уходы) характер. Во втором случае речь шла о массовом бегстве трудящихся с производства, несмотря на угрозу уголовного наказания.

В военное время «дезертирство» являлось одной из основных форм оттока трудовых ресурсов из индустрии советского тыла. Об этом свидетельствуют данные о движении рабочей силы в отдельных отраслях оборонной промышленности. Например, в январе – мае 1941 г. предприятия наркомата боеприпасов (НКБ) незаконно покинул каждый 25 уволенный работник, 1943 г. — каждый четвертый, в 1944 г. — каждый третий (см. таблицу 2). Увеличение удельного веса самовольных уходов в общем потоке трудящихся, выбывших с производства, происходило на фоне ужесточения репрессивного законодательства. Если до 26 декабря 1941 г. данные проступки наказывались лишением свободы от двух до четырех месяцев, то после этой даты — от пяти до восьми лет. Но на практике усиление формальных рычагов административного влияния на поведение значительных рабочих масс оборачивалось его колоссальным снижением (число «дезертиров» на заводах НКБ выросло в 19 раз!). То есть эффективность партийно-государственного аппарата по осуществлению реального контроля над персоналом в одной из важнейших сфер военной экономики резко снизилась.

Таблица 2

Динамика текучести кадров на предприятиях НКБ СССР в 1941–1944 гг.*

Период	Убыло			
	всего		в том числе самовольные уходы	
	тыс. чел	%	тыс. чел	%
1941 (январь – май)	28,4	100,0	1,1	3,9
1943	64,2	100,0	13,3	20,7
1944	54,5	100,0	19,4	35,6

* Составлено по: РГАЭ. Ф.Р-7516. Оп. 1. Д. 1396. Л. 52.

Тенденция к уменьшению эффективности реального контроля над значительной массой мобилизованных работников со стороны государства наблюдалась и в других отраслях военно-промышлен-

ного производства. За первые девять месяцев 1942 г. в авиационную индустрию поступило 187 тыс. человек, в частности по мобилизации — 108 тыс. В этот же период из числа новых рабочих по различным причинам выбыли 57 тыс. человек, включая болезни и самовольные уходы — 18 тысяч. С апреля по июль 1942 г. количество прогульщиков и «дезертиров» на авиазаводах выросло с 5,0 до 9,5 тыс. человек¹. С 1 января 1942 по 1 февраля 1943 г. промышленность вооружения получила 100 тыс. человек, из которых за это время самовольно ушли 25 тыс. человек². За 1943 и первый квартал 1944 г. потеря рабочей силы на заводах, выпускавших резиново-каучуковую продукцию, составила 4,2 тыс. человек. Из них самовольные уходы совершили 1,1 тыс. человек³. В первом полугодии 1944 г. текучесть кадров на заводах транспортного машиностроения (Коломенском, Московском тормозном и Калининском вагоностроительном) в абсолютном выражении достигла 1,9 тыс. человек. Из-за дезертирства предприятия утратили не менее тысячи рабочих рук⁴. В годы войны многие работники разрывали принудительный «трудовой контракт» для того, чтобы перейти на новое место работы и заключить договор о найме в качестве самостоятельной рабочей силы.

В чем же заключались основные причины противоречий, возникших в военное время между властью и обществом в сфере социально-трудовых отношений? Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать весь корпус источников, в которых нашла отражение вся совокупность взглядов как работодателя-регулятора, так и рабочих на ситуацию, сложившуюся на крупных промышленных предприятиях советского тыла. С одной стороны, речь идет о документах, содержащих официальную позицию представителей высших партийно-государственных структур. С другой стороны, о делопроизводственных материалах ЦК ВЛКСМ, областных, районных и первичных партийных и комсомольских организаций, в которых отражены личные настроения трудящихся.

Первоначально рассмотрим вербальные проявления недовольства со стороны тружеников военно-промышленного производства, опосредованно зафиксированные в отчетах комсомольских работников. В конце 1942 г. инструктор Новосибирского обкома комсо-

¹ РГАЭ. Ф.Р-8044. Оп. 1. Д. 4467. Л. 303.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 225. Л. 64.

³ РГАЭ. Ф.Р-5451. Оп. 26. Д. 316. Л. 65.

⁴ Там же. Л. 66.

мола Хесина, посетившая завод № 564 НКБ, констатировала наличие в среде молодых заводчан негативных настроений. Она отметила, что из-за неудовлетворенности бытовых запросов среди них «появились разговоры и толкования, [что] если не создадут условий, убежим, и случаев побега очень много»¹. В 1943 г. городскому комитету ВЛКСМ о подобных фактах сообщила комсорг завода № 65 НКБ Некрасова: «[...] Ребята, которые прожили зиму 1942/43 г. в тяжелых материальных условиях, бегут по 15–22 чел. в день, заявляя, что мы все разбежимся»². Иными словами, безразличное отношение производственных руководителей к повседневным проблемам молодых рабочих побуждало их при общении с комсомольскими функционерами напоминать об угрозе «трудового дезертирства». Инструкторы обкомов и райкомов комсомола, комсорги предприятий тщательно фиксировали и пытались донести эти сигналы до своего руководства. Например, 18 марта 1943 г. инструктор Новосибирского обкома ВЛКСМ Одинцов в справке, составленной по итогам проверки завода им. В.П. Чкалова, сообщал начальству о массовых дисциплинарных проступках, совершенных «на почве исключительно плохой материальной обеспеченности молодых рабочих»³. В свою очередь руководители областных комсомольских организаций стремились направить полученную «снизу» информацию в местные партийные комитеты и ЦК ВЛКСМ. Оттуда сводки о настроениях в среде рабочего юношества поступали в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР.

До центральных и местных властей доходили не только отголоски устного общения трудящихся и работников комсомольских органов, но и письменные обращения заводчан, направленные в руководящие органы ВКП(б) и ВЛКСМ. В июле 1944 г. Центральный комитет комсомола подготовил на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова справку о недостатках в материально-бытовом обеспечении молодых рабочих. В этом документе были процитированы их отдельные письма, поступившие в ЦК ВЛКСМ.

Особый интерес представляет письмо выпускников ремесленного училища, направленных из Киева в г. Курган на завод № 407, поскольку под ним поставили подписи 90 жильцов одного из молодежных общежитий. Вот как «подписанты» охарактеризо-

¹ ГАНО. Ф.П-190. Оп. 2. Д. 708. Л. 37.

² ГАНО. Ф.П-198. Оп. 1. Д. 186. Л. 182.

³ ГАНО. Ф.П-190. Оп. 2. Д. 951. Л. 69; Ф.П-738. Оп.1. Д. 272. Л. 20.

вали свой барачный быт: «В общежитии крыша фанерная, во время дождя протекает. Зимой очень холодно, а летом множество тараканов и клопов. В выходной день переодеть совсем нечего, все время приходится ходить в грязной спецовке, босыми, а летом при большой температуре в ватных брюках. Администрация завода обещала выдать к 1-му мая костюмы, но уже 29 июня, а их нет. В выходные дни в столовой не дают обеда. Когда обращаемся к начальнику цеха, [он] отвечает: „Кончил смену, уходи хоть в трусах, если нечего одеть“»¹.

Перечисляя свои повседневные тяготы, заводская молодежь отмечала, что представляет «большую квалифицированную силу», бытовые нужды которой несправедливо игнорируются начальством. Хотя авторы письма открыто не «грозили» самовольным уходом с предприятия, данная форма возможного неповиновения как бы логически вытекала из их тяжелого бытового положения. Потенциальная угроза «дезертирства» возникала из-за того, что высокие производственные результаты молодых рабочих не конвертировались в материальную поддержку со стороны хозяйственников.

Более откровенно это ключевое противоречие социально-трудовых отношений периода Великой Отечественной войны выражено в письме учащихся ремесленного училища № 3 Новосибирска от 2 декабря 1944 г., адресованном первому секретарю горкома ВКП(б) Г.М. Асланову. В нем сообщалось, что «директор Козлов не обращает на нас [внимание,] мы раздеты. Кормят плохо [...]. Окна в общежитии не ремонтируют[,] нам новый комендант все делает[,] а ему никто не помогает[...], нам его уже жалко[:] вы хотя помогите. Козлов никогда не говорит правду[:] ему не кто не верит[:] узнайте[,] как он и работников своих обманывает. Если непоможете[,] будем уходить домой»².

Картина в целом аналогичная содержанию предыдущего источника. «Ремесленники» сообщают руководителю городской партийной организации о тяготах барачного быта. Но здесь лейтмотив послания является предельно открытым и явным: дальнейшее невнимание к тяжелым условиям жизни учеников неизбежно приведет к их бегству из училища. Данная ситуация примечательна тем, что будущие молодые рабочие отрефлексовали и письменно зафиксировали ту формулу взаимоотношений с государством-рабо-

¹ РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 8. Д. 236. Л. 59.

² ГАНО. Ф.П-22. Оп. 3. Д. 1184. Л. 60.

тодателем, которая незримо присутствовала в поведении многих молодых заводчан, бежавших с производства.

Какова же была официальная позиция власти и общественных организаций по поводу решения острой проблемы закрепления новых кадров в ведущих отраслях промышленности? Получая негативные сигналы из рабочей среды, партийные, комсомольские и профсоюзные руководители областного, районного и заводского уровня быстро поняли всю иллюзорность попыток удержания мобилизованной рабочей силы на предприятиях с помощью одной лишь узды репрессий. 1 октября 1942 г. в Прокопьевске состоялось собрание городского партийного актива, начавшееся с выступления первого секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагина. В нем отмечалось, что «работу надо начинать со столовой, с матрацов (так в источнике. — *Р.Р.*), с одежды и ботинок, с общежитий, с трамвая, с дороги, по которой идет рабочий...»¹. По мнению руководителя областной парторганизации, решение вопросов благоустройства быта трудящихся должно было занять одно из ключевых мест в деятельности городских, районных, заводских комитетов ВКП(б) и ВЛКСМ.

Аналогичного взгляда на способы укрепления производственной дисциплины придерживался и ЦК ВЛКСМ. Его аппарат первым из высших руководящих органов обратил пристальное внимание на чрезвычайно низкий уровень жизни молодых заводчан и приступил к налаживанию массовой культурно-бытовой работы на предприятиях. По итогам проведенных по указанию ЦК партии проверок крупных заводов и фабрик ЦК комсомола принял постановление от 3 октября 1942 г. «О многочисленных фактах формально-бюрократического отношения к молодым рабочим и неотложных мерах по усилению работы комсомольских организаций среди этих рабочих». Успешная реализация этой директивы на местах позволяла обеспечить рабочую молодежь жилплощадью, одеждой и обувью, дополнительным питанием и, тем самым, закрепить ее на производстве.

Однако низовые комитеты комсомола сталкивались с острым дефицитом материальных ресурсов, распределявшихся на усмотрение дирекции заводов. Директора далеко не всегда оказывали административную поддержку комсомольцам в их стремлении отстоять жизненно важные интересы молодых работников. По-

¹ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 6. Д. 383. Л. 142.

этому в уже упомянутой справке, подготовленной в июле 1944 г., секретарь ЦК ВЛКСМ Сахарова отмечала назревшую потребность во вмешательстве высших партийно-государственных структур в решение острых социально-бытовых проблем, резко осложнявших производственную деятельность крупных трудовых коллективов. Характеризуя бедственное положение рабочего юношества, она отмечала, что «ряд предприятий и наркоматов привыкли легко получать удовлетворение своих заявок на рабочую силу, считая людей сотнями и тысячами, [но] совершенно не интересуясь судьбой отдельных, по-настоящему не дорожа рабочими»¹. Именно безответственное отношение к рабочим, по мнению автора документа, толкало мобилизованную молодежь на самовольный уход с производства.

Несмотря на поступающие снизу тревожные предупреждения, в среде высокопоставленных партийных и правительственных чиновников длительное время сохранялась инерция избранного в начале войны административно-репрессивного курса. Об этом наиболее красноречиво свидетельствуют два документа, подготовленные соответственно в недрах Комиссии партийного контроля (КПК) и наркомата вооружения. Первым из них по времени появилась справка КПК, составленная на имя членов ЦК ВКП(б) В.М. Молотова, А.А. Андреева и Г.М. Маленкова 1 марта 1943 года². В ней сообщалось, что в ходе применения указа от 26 декабря 1941 г. НКВД, наркомат юстиции и прокуратура СССР разрешили военным трибуналам при невозможности задержания дезертиров в установленный Совнаркомом пятидневный срок проводить рассмотрение уголовных дел и выносить судебные приговоры по ним в заочном порядке. Далее речь шла о широком распространении подобной практики, в результате осуществления которой уголовные наказания становились фиктивными. С точки зрения авторы документа, подобная ситуация возникла в силу медленной реакции директоров предприятий и местных прокуроров на массовые нарушения производственной дисциплины, из-за которой «дезертиры» успевали скрыться от правосудия. Следовательно, члены КПК полагали, что именно неповоротливость судебно-следственной машины привела к разгулу дисциплинарных нарушений.

¹ РГАСПИ. Ф.М-1. Оп. 8. Д. 236. Л. 61.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 225. Л. 7–8.

Второй документ являлся справкой от 14 июля 1943 г., составленной заместителем наркома вооружения Н.П. Карасевым на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова¹. В ее тексте были названы условия, обусловившие массовый отток персонала с заводов и фабрик: провоцирование работников на самовольный уход с ведущих предприятий со стороны хозяйственных органов и контор разных учреждений, потерявших в ходе трудовых мобилизаций часть собственных кадров; укрывательство и принятие дезертиров на работу на другие предприятия и в колхозы; заочное рассмотрение уголовных дел правонарушителей; потеря рабочих рук в результате их задержания. Таким образом, с позиции руководства одного из военно-промышленных наркоматов «дезертирство» рабочих обуславливались борьбой за трудовые ресурсы, невыполнением или неэффективным применением репрессивного законодательства.

В целом советские администраторы и руководители общественных организаций видели два подхода к борьбе с текучестью кадров. Первый из них заключался в том, что для ее профилактики необходимо создать для рабочих приемлемые материально-бытовые условия, второй — повысить эффективность репрессивной политики. Вплоть до 1944 г. на уровне центральной власти имела место явная переоценка действенности угрозы уголовного наказания, распространявшегося на нарушителей производственной дисциплины. Преобладание данной установки в «верхах» обуславливало поведение многих директоров, начальников цехов, мастеров, видевших в суровых судебных приговорах основной рычаг стабилизации кадрового состава промышленных предприятий.

Желание работодателя-регулятора закрепить трудящихся в военно-промышленном производстве за счет уголовных мер вылилось в широкомасштабное применение указов от 26 июня 1940 и 26 декабря 1941 г. (см. таблицу 3). Всего в первой половине 1940-х годов за самовольный уход и «дезертирство» с предприятий, как очно, так и заочно было осуждено около двух миллионов человек. На протяжении 1941–1943 гг. общая численность сбежавших рабочих и служащих и оказавшихся под судом существенно росла, а в 1944–1945 гг. — напротив, стала уменьшаться. В начальный период войны среди них также появилась и значительно выросла категория «дезертиров трудового фронта». Если в 1942 г. данный контингент составлял меньше трети всех осуж-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 225. Л. 64–65.

денных работников, то в 1943 г. — около трех четвертей. Этот рост удельного веса объясняется главным образом распространением действия указа от 26 декабря 1941 г. на гражданские отрасли народного хозяйства. В 1944 г. доля подвергнутых уголовному наказанию за «дезертирство» начала сокращаться, но по-прежнему превышала три пятых контингента осужденных. В 1945 г. она стремительно упала, уменьшившись примерно до двух пятых. Резкое снижение данного показателя в конце войны было вызвано объявлением амнистии «дезертирам» и сужением сферы применения репрессивного законодательства.

Таблица 3

Применение репрессивного трудового законодательства в промышленности, строительстве и на транспорте в 1941–1945 гг.*

Год	Осуждено				
	Всего	В том числе			
		За самовольный уход		За «дезертирство»	
		тыс. чел	%	тыс. чел	%
1941	311,0	311,0	100,0	–	–
1942	418,2	297,1	71,0	121,1	29,0
1943	527,1	160,1	30,4	367,0	71,4
1944	443,6	167,6	37,8	276,0	62,2
1945	190,3	117,3	61,6	73,0	38,4
всего	1889,8	1053,0	55,7	836,8	44,3

* Составлено по: *Земсков В.Н.* Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы войны с фашистской Германией // *Международные отношения.* 2014. № 1. С. 110.

Как показывают приведенные данные, рост административно-репрессивного давления на производственный персонал предприятий пришелся на 1942–1943 гг. Но выше уже говорилось о том, что этот способ разрешения углублявшихся противоречий в социально-трудовых отношениях работодателя и работников не приносил ожидаемого эффекта. Летом 1944 г. Совнарком СССР предпринял попытку добиться его путем отмены заочного рассмотрения уголовных дел «дезертиров» в судебных инстанциях. Но, в отличие от предыдущих военных лет, больших надежд на политику «кнута» правительство уже не возлагало. В связи с этим на первый план в общегосударственных мероприятиях по закреплению кадров в промышленности вышло улучшение материально-бытового обеспечения.

О преобладании на заключительном этапе войны в высших эшелонах власти более гибкого подхода к сохранению рабочей силы свидетельствует стенограмма совещания заместителей наркомов и председателей ЦК отраслевых профсоюзов, состоявшегося в ВЦСПС 19 июня 1944 года¹. Во вступительной речи председатель ВЦСПС В.В. Кузнецов сообщил о фактах обсуждения вопроса о текущих трудовых ресурсах в ЦК партии и Совнарком. Поворот высшего руководства СССР лицом к этой предельно обострившейся проблеме мотивировал участников совещания к выявлению широкого круга факторов «трудового дезертирства». По содержанию их выступлений можно выделить несколько групп этих факторов: административные — формальное отношение директоров заводов к судебному преследованию за дисциплинарные нарушения; социально-бытовые — острейшая нехватка жилья, плохое отоваривание продовольственных карточек, слабое развитие сети заводских подсобных хозяйств; производственные — низкий уровень профессионального обучения, отсутствие перспектив для повышения квалификации, тяжелые условия труда; социально-психологические — желание многих мобилизованных рабочих вернуться на «малую родину». Основное внимание выступающие уделили проблеме поиска путей выхода из жилищного и продовольственного тупика. В этом смысле весьма показательным является изменение позиции заместителя наркома вооружения Н.П. Карасева, ранее считавшего главной причиной самовольных уходов недостаточное использование заводским начальством репрессивных законов. Теперь же он говорил о том, что «если не выправим положения с бытом, то какие бы репрессивные меры не принимались, текучесть не устраним»².

Документальные материалы упомянутого совещания в ВЦСПС интересны также и с точки зрения обобщения уже сделанных конкретных шагов по качественному улучшению социальной обстановки на производстве. Например, заместитель наркома авиационной промышленности В.И. Тарасов рассказал коллегам о том, как вмешательство ЦК ВКП(б) помогло добиться от руководства ряда заводов отрасли бесперебойного отоваривания продовольственных карточек рабочих и служащих. Председатель ЦК союза черной металлургии Центра Евстратов охарактеризовал позитивное влияние благоустройства общежитий на трудовое поведение

¹ ГА РФ. Ф.Р-5451. Оп. 26. Д. 316. Л. 16–27.

² Там же. Л. 24.

работников Косогорского сталелитейного завода. После того, как заводской актив отремонтировал жилые дома, в дирекцию стали поступать просьбы от мобилизованных рабочих о предоставлении им благоустроенных квартир при условии полной готовности трудиться на предприятии. Председатель ЦК союза обувной промышленности Асланов привел в качестве примера случай со снятием директора Свердловской фабрики, допустившего массовое бегство учеников ремесленного училища и школ ФЗО. Но когда, по его словам, новое фабричное руководство улучшило материально-бытовое снабжение рабочей молодежи, то «дезертирство» пошло на убыль¹. Эти и другие факты свидетельствовали о том, что в последние военные годы государство в целях укрепления контроля над основным промышленным персоналом в сфере занятости стало постепенно переходить от применения мобилизационных технологий в пользу социально ориентированных.

В целом накануне и в годы Великой Отечественной войны взаимоотношения власти и общества в СССР приобрели специфику, обусловленную подготовкой и ведением вооруженной борьбы с фашистской Германией. Данные условия оказали огромное влияние на все стороны взаимодействия государства и основных социальных групп населения, включая промышленных рабочих. Существенные изменения, присущие военному времени, затронули социально-трудовые отношения, возникавшие между партийно-государственными органами, подчиненными им хозяйственниками, с одной стороны, и рядовыми работниками предприятий, с другой. Основным направлением этих перемен в сфере занятости являлся переход от преобладания свободного найма и увольнения к ограничению форм трудоустройства обязательным призывом на производство и прикреплению трудящихся к постоянному месту работы за счет переноса на оборонные и отчасти гражданские заводы элементов военной дисциплины и применения уголовных санкций за ее нарушение.

По замыслу советского законодателя, комплекс мобилизационных мер должен был привести к увеличению власти государства-работодателя над рабочими и, как следствие, — усилению административно-репрессивного контроля над ними. Однако убежденность в достижении данного результата при игнорировании жизненных интересов рядовых работников оказалась несбы-

¹ ГА РФ. Ф.Р-5451. Оп. 26. Д. 316. Л. 17, 21, 27.

точной бюрократической иллюзией. Вопреки ожиданиям высшего руководства страны отрасли военно-промышленного производства захлестнула волна «трудового дезертирства». Подобное явление было особенно распространено среди заводской молодежи, испытывавшей неимоверные трудности при адаптации к аскетическому быту военной поры. Острые материально-бытовые проблемы вынуждали молодых тружеников порой затрагивать весьма болезненную для власти тему самовольных уходов как решающий аргумент в борьбе за улучшение условий своей повседневной жизни. В этих условиях вопрос о закреплении новых кадров на предприятиях оборонного значения быстро превратился в очень тугой узел социальных противоречий, нараставших между государственной машиной и самой массовой возрастной группой промышленных рабочих.

Желание распутать этот узел побуждало партийно-государственные органы использовать для преодоления стихии рабочей силы в военной экономике как уголовные репрессии, так и систему жизнеобеспечения. Во втором полугодии 1941 – 1943 г. центральная власть стремилась закрепить производственные кадры прежде всего с помощью «кнута» судебного преследования, оставляя распределение весьма скудного «пряника» материального снабжения в ведении директоров предприятий, а также местных партийных и комсомольских организаций. Поскольку дефицитные блага зачастую распределялись далеко не в пользу основной массы молодых заводчан, последние реагировали на эту ситуацию побегам с производства. Только в 1944 г. высшие властные инстанции окончательно пришли к выводу о том, что наиболее действенным способом управления рабочей массой является возведение мер по благоустройству быта заводских общежитий в ранг общегосударственной политики.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны социально-трудовые отношения по регулированию занятости на советских предприятиях отражали всю сложность и противоречивость взаимодействия власти и общества в условиях тыловой повседневности. Несмотря на мобилизационное положение, существенно обновленный молодым пополнением советский рабочий класс так и не стал послушным винтиком в руках партийно-государственного аппарата. Его попытка манипулировать трудовыми ресурсами в основном с помощью «репрессивного менеджмента» вызвала скрытое и пассивное сопротивление со стороны части трудящихся,

особенно молодого поколения, выражавшееся в самовольном оставлении ими производства. Этот латентный конфликт не перерос в открытый, что позволило сохранить внешнее морально-политическое единство государства и его граждан перед лицом внешнего врага. Однако неэффективность принудительного прикрепления заводчан к рабочим местам вынудила власть в последние годы войны приступить к комплексному решению материально-бытовых проблем тружеников тыла на общесоюзном уровне. И тем самым действовать прежде всего в интересах трудящегося народа, ставшего подлинным победителем не только военной, но и экономической машины германского фашизма.

**ДИРЕКТОРСКИЙ КОРПУС ПРЕДПРИЯТИЙ
ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В статье рассматривается механизм подбора, назначения и отстранения от должности директоров оборонных предприятий. Выявлены основные требования, предъявлявшиеся к директорам ведущих заводов, производивших боеприпасы, самолеты, танки и другие виды вооружения. Делается вывод, что на эти должности назначались специалисты в абсолютном большинстве с высшим техническим образованием в соответствии с производственным профилем предприятий, имевшие опыт организации производства и управления трудовым коллективом.

Исследованы причины, влиявшие на отстранение директоров от должности. Установлено, что, как правило, ими являлись неспособность в начале войны оперативно разместить эвакуированное оборудование, воссоздать материально-техническую базу и наладить производство на новом месте в необходимые сроки и в установленном объеме.

Постепенная стабилизация директорского корпуса началась во второй половине 1942 г. Автор объясняет уменьшение его мобильности тем, что именно в это время на предприятиях было завершено воссоздание технологических процессов, сформированы соответствующие кадры, директора приобрели опыт организации производства и управления многотысячными коллективами, а заводы стали работать устойчиво и выполнять плановые задания. В свою очередь стабилизация директорского корпуса положительно повлияла на производственную деятельность руководимых ими предприятий.

Ключевые слова: оборонная промышленность, предприятия, директор, механизм назначения и отстранения от должности, устойчивая работа, мобильность, стабильность, политическая повседневность.

До Великой Отечественной войны в Западной Сибири было лишь три в неполной мере действующих предприятия оборонной промышленности. Это комбинаты № 179 в Новосибирске и № 392 в Кемерово Наркомата боеприпасов СССР, также авиационный завод им В.П. Чкалова в Новосибирске Наркомата авиационной промышленности СССР.

На второй день войны, 23 июня 1941 г., Совнарком СССР ввел в действие мобилизационный план производства боеприпасов. В порядке его реализации в Сибирь было эвакуировано 322 предпри-

ятия промышленности, из них в Западную Сибирь — 244 и Восточную Сибирь — 78. На основе прибывшего оборудования и кадров в Западной Сибири значительно были укреплены три недостроенных действующих завода оборонной промышленности и воссоздано 58 новых предприятий, в том числе 16 — Наркомата боеприпасов, 14 — Наркомата вооружения, 10 — Наркомата авиапромышленности, 14 — Наркомата электропромышленности, три — Наркомата минометного вооружения, два — Наркомата танковой промышленности и два — Наркомата судостроения¹.

В результате размещения на комбинате № 170 оборудования и кадров эвакуированных предприятий он стал крупнейшим в Наркомате, а комбинат № 392 одним из трех предприятий в Наркомате. Самолетостроительный завод № 153 был одним из трех ведущих предприятий СССР. На основе оборудования и кадров эвакуированных предприятий были созданы все другие, в том числе такие крупные предприятия, как авиамоторный завод № 29 им. П.И. Баранова Наркомата авиационной промышленности в Омске, приборостроительный завод № 69 им. В.И.Ленина и патронный № 188 Наркомата вооружения в Новосибирске. Приближались к ним по значимости выпускаемой для фронта продукции и ряд других предприятий региона.

Каждый эвакуируемый завод сопровождал директор. Но если на месте размещения одно предприятие создавалось на базе двух или нескольких, то бывшие руководители составляли резерв директорского корпуса.

В начальный период войны повышенную ответственность испытывали директора тех предприятий, которые производили боеприпасы, самолеты, танки и некоторые другие виды вооружения, поскольку заканчивались их государственные резервы. На комбинате № 179 размещалось оборудование и кадры шести достаточно крупных предприятий. В результате его производственные мощности способны были выпускать примерно 40 % продукции Наркомата боеприпасов. Но создалась очень сложная обстановка с размещением оборудования. Предприятие располагало лишь 10 % проектной мощности производства 76 мм, 122 мм, и 25 % — 152 мм снарядов. В то же время имевшееся оборудование позволяло про-

¹ Расчеты произведены по данным: ГАНО. Ф.П-4. Оп. 33. Д. 503 а. Л. 161–166; Д. 503 б. Л. 55–56, 81, 103–104, 125, 156–157; Д. 503 в. Л. 48, 164; Ф.Р-1020. Оп. 2. Д. 221. Л. 10; Оп. 7. Д. 514. Л. 25–26, 64; Д. 526. Л. 52, 69–72; Оп. 34. Д. 116. Л. 59–60; Д. 147. Л. 176–182.

изводить более широкую номенклатуру снарядов и других изделий в массовом количестве.

Третьего июля 1941 г. Новосибирский обком ВКП(б) на заседании бюро по вопросу «О наращивании мощностей и освоении производства боеприпасов на комбинате № 170» отмечал, что предприятие, имея лишь частичные комплексные мощности, не выполняло плановые задания и не создало условия для расширения производства. Это привело к тому, что не был освоен выпуск корпусов ходовых снарядов калибра 122, 152 мм и бронебойных патронов. За необеспечение руководства эксплуатацией заводов комбината его директор И.А. Якушев освобожден от работы и назначен Г.С. Шарков, который руководил комбинатом в течение четырех месяцев.

Двадцать третьего октября 1941 г. бюро обкома партии рассмотрело вопрос выполнении решения ГКО «О срочном создании в Новосибирской области новой базы по производству реактивных снарядов М-8 и начале их выпуска с 1 ноября 1941 г.». Немногим позднее снарядов М-13 для «Катюш». При этом основная нагрузка по их изготовлению предусматривалась на заводах комбината № 179 и Киселевском заводе № 605. Это решение ставило комбинат в еще более трудное положение. В этой сложной обстановке был назначен директором комбината А.С. Новиков, которого в конце 1941 г. сменил М.С. Клавсутъ, ранее работавший главным инженером¹.

Начальником строительства комбината № 179 был направлен в 1937 г. наркоматом видный специалист, работавший в том числе главным инженером на стройках оборонных предприятий Урала и Центра страны С.К. Полухин. Под его руководством объемы строительно-монтажных работ на комбинате значительно увеличивались, в том числе для размещения эвакуированного оборудования, но положение осложнялось в связи с тем, что отставала от намеченных сроков проектно-сметная документация и недопоставлено оборудование. Заводы № 1, 2, 3 были недоукомплектованы механическим, прессовым и другим оборудованием.

На заседании бюро обкома партии 31 октября 1941 г. «О мерах по быстрейшему окончанию строительства комбината № 179» принято решение подчинить управление строительства комбината его

¹ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 33. Д. 503. Л. 93–101, 165; Д. 376. Л. 20, 27–28; Д. 736. Л. 15–25, 119–121.

директору. И в постановлении бюро записано «За преступную практику ведения строительства, направленную на срыв выдачи готового выстрела, за затягивание строительно-монтажных работ, срывающих использование мощностей комбината, начальника управления строек Наркомата боеприпасов С.К. Полухина с работы снять, из партии исключить и предать суду военного трибунала».

Бывший высококвалифицированный специалист по строительству крупных предприятий Наркомата боеприпасов С.К. Полухин, главный инженер строительства комбината № 179 П.Ф. Алиференко 1 ноября 1941 г. были арестованы и несколько позже приговорены к высшей мере наказания. Семь других специалистов стройки были приговорены к различным срокам наказания¹.

Двадцатого сентября 1941 г. первый секретарь обкома ВКП(б) М.В. Кулагин обратился к И.В. Сталину с рядом предложений по совершенствованию работы комбината и его разукрупнению, в котором подчеркивалось, что таким крупным разнопрофильным предприятием управлять очень сложно и предложил план его разукрупнения. В течение мая-сентября 1942 г. из его состава выделались и стали самостоятельными пять заводов и ТЭЦ-3. И после разукрупнения комбинат № 179 оставался крупнейшим предприятием в Наркомате боеприпасов, но стал более управляемым. Бывший директор М.С. Клавсутъ, работая еще главным инженером, составлял план разукрупнения комбината, был переведен в наркомат и возглавил главное управление. А бывший директор Казанского завода № 184 А.В. Саханицкий назначен директором комбината № 179. Под его руководством комбинат высокими темпами наращивал производство различных видов снарядов. Анатолий Викторович за образцовое управление крупнейшим в наркомате предприятием награжден многими высокими правительственными наградами и в 1946 г. назначен начальником главного управления преобразованного Наркомата боеприпасов в министерство сельскохозяйственного машиностроения СССР². Если И.А. Якушев и А.С. Новиков не имели специального образования, то Г.С. Шарков, М.С. Клавсутъ, С.К. Полухин и А.В. Саханицкий были инженерами по производственному профилю комбината.

¹ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 33. Д. 503 г. Л. 61–62.

² Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири. Развитие оборонной промышленности Новосибирской области в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 2005. С. 311–317.

Порохи и взрывчатые вещества являются основой боеприпасов. В начале войны пороховая промышленность потеряла две трети своих мощностей. Из восьми заводов, пять были эвакуированы. Действующими оставались только три, в том числе крупнейший в наркомате Кемеровский комбинат № 392. Уже это свидетельствует о том, что от его работы во многом зависело снаряжательное производство и отправка на фронт большого количества боеприпасов.

ГКО требовал от комбината увеличить к августу 1942 г. выпуск порохов с 55 до 255 тонн в сутки. За невыполнение задания ГКО нарком боеприпасов Б.Л. Ванников предупредил заместителя директора комбината Ф.М. Мосина об уголовной ответственности и сообщил об этом прокурору СССР В.М. Бочкову. Отсутствие мощностей для выполнения этого задания компенсировали форсированием действующей технологии, что привело к ухудшению взрывобезопасности производства. Только за первую половину 1942 г. случилось 34 вспышки взрывчатых веществ, из них 27 в пороховых цехах, которые привели к 171 несчастному случаю, в том числе 8 со смертельным исходом. Директор комбината Б.Л. Горский наркоматом был предупрежден о персональной ответственности. В сентябре 1942 г. уволен с должности директора и назначен З.М. Галицкий.

Его заслугой являлось то, что за счет частичного вода в эксплуатацию новых мощностей увеличилось к концу 1942 г. производство порохов в 2,6 раза. Но при таком развитии зачастую нарушалась техника безопасности, участились аварии и несчастные случаи. Только в январе — феврале 1943 г. произошло четыре пожара, 28 февраля уничтожено 100 тонн целлюлозы и 17 тонн пороха.

Штурмовые методы работы способствовали росту производства, но плановые задания не выполнялись. За восемь месяцев 1943 г. комбинат не додал шесть тысяч тонн порохов, выпуск пироксилина за полгода был выполнен только на 85 %. В создавшееся обстановке на комбинате бюро Кемеровского обкома ВКП(б) освободило от должности директора комбината З.М. Галицкого, и назначило Н.И. Гречищева. Но это не решало проблемы комбината, особенно по его безопасности. 4 ноября 1943 г. от вспышки взорвалось 13 тонн пороха, сгорело 11 человек. Поэтому главного инженера комбината сняли с работы.

За 1943 г. комбинат произвел 26,3 % всех порохов, выпущенных в СССР. На этом предприятии работало около 12 тыс. человек. Управлять таким большим и взрывоопасным предприятием было сложно, тем более в плане безопасности. Поэтому Наркомат бое-

припасов решил разделить его на два самостоятельных завода. Начальником завода № 388 был назначен генерал-майор Н.И. Гречищев, а начальником завода № 129 — инженер-полковник Быстров. Это способствовало стабилизации работы обоих предприятий, хотя в полной мере проблемы безопасности производства не были решены. Аналогичная ситуация прослеживалась на Кемеровском заводе № 319, производившим ценнейшее взрывчатое вещество — гексоген. На нем в годы войны директорами работали А. Валеев и М.К. Романов¹. Все директора комбината и заводов были инженерами-химиками.

Снаряжательный и капсюльно-пиротехнический заводы № 635 и № 386 Наркомата боеприпасов в Новосибирске являлись единственными в Западной Сибири. Завод № 635 размещался в непригодных помещениях. Мастерские, которые размещались в деревянных постройках, не отвечали требованиям техники безопасности. Их эксплуатация с большой нагрузкой допускалась ввиду военного времени. На заводе № 386 мастерские из-за недоделок эксплуатировались также с нарушениями техники безопасности. Такое же положение было в цехах детонирующего шнура и средств пиротехники.

На заводе № 635 в январе 1942 г. скопилось 40 тыс. корпусов реактивных снарядов М-8 для «Катюш». Обком ВКП (б) и наркомат неоднократно указывал директору на необходимость немедленного снаряжения и отгрузки их по назначению. Кроме того, завод задержал снаряжение около 40 вагонов 122 мм и 152 мм цельнокорпусных снарядов комбината № 179, очень необходимых фронту, так как не освоена технология снаряжения этих изделий. По данным на 1 апреля 1942 г. на складах завода № 635 скопилось 74 395 корпусов снарядов всех калибров и завершалось производство еще 104 тыс. штук.

На заседании бюро обкома партии, состоявшемся 22 мая 1942 г., директор завода К.С. Самарский был предупрежден о персональной ответственности. Если за 10 дней завод не выполнит суточный график снаряжения и сдачи военному представителю имеющихся на предприятии корпусов снарядов, то будет сурово наказан. На заседании бюро обкома партии 8 августа 1942 г. сообщалось, что учет расходования взрывчатых веществ, детонаторов и

¹ Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны. Кемерово, 2004. С 169–174.

взрывателей на заводе не ведется, технологическая дисциплина не соблюдалась, руководящие работники и рабочие со взрывчатыми веществами обращаются небрежно, нормы хранения взрывчатых веществ превышались. Были случаи возгорания К.С. Самарский был уволен с поста директора завода и назначен Шейко. Бюро обкома партии потребовало от руководителей завода устранить недостатки, связанные с его безопасностью. Заводской коллектив значительно улучшил работу. За 1943 г. выпустил продукции в 2,2 раза больше по сравнению с 1942 г.

Завод № 386 начал производить оборонную продукцию в четвертом квартале 1942 г., выпускал винтовочные капсюли-детонаторы к запалам ручных гранат, а также капсюли-детонаторы разных номенклатур для артиллерийских и других систем снарядов. В условиях задержки пуска завода в действие был смещен с должности директора А.М. Пискарев и назначен Д.Р. Барский.

С начала войны снаряжательные и пиротехнические заводы работали в условиях, не отвечающих требованиям безопасности. Это привело к тому, что сложилась взрывоопасная обстановка на заводах № 635 и № 386. на заседании бюро обкома партии 12 июня 1943 г. отмечалось, что заводы № 635 и № 386 находятся под угрозой взрыва. На территории завода № 635 сосредоточено 3 тыс. тонн различных взрывчатых веществ, свыше 600 вагонов снаряженных боеприпасов и 570 тонн отравляющих веществ. Рассредоточенные по всей территории завода отходы взрывчатых веществ (свыше 400 тонн), сложенные на открытых площадках готовые боеприпасы, в том числе реактивные М-8 и бронебойные снаряды, никем не охранялись. На заводе № 386 находились большие запасы гремучей смеси, ударный состав и 125 тыс. снаряженных гранат.

Нарком боеприпасов Б.Л. Ванников 18 августа 1943 г. подписал приказ об утверждении инструкции о порядке административного ареста и содержания на гаупвахте рабочих, служащих и инженерно-технических работников заводов наркомата, переведенных на военное положение. Это относилось к тем заводам, на которых взрывоопасная обстановка. Но в связи с тем, что на предприятиях положение менялось медленно, их директора были отстранены от должности и назначены: на заводе № 635 — Р.И. Тименджиев, на заводе № 386 — Я.Е. Киверштейн, которые работали в последующее время¹. Директора заводов были инженерами-химиками.

¹ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 6. Д. 456. Л. 12–16; Д. 1. Л.1, 52; Оп. 33. Д. 655 г. Л. 52–

Сложно воссоздавалось и развивалось производство взрывчатых устройств на заводах № 677 и № 564 Наркомата боеприпасов. В основном трудности были в процессе налаживания производства плановых изделий. Завод № 677 выделился из комбината № 179 и стал самостоятельным. В 1942 г. его директором был Г.С. Шарков, а в 1943 г. назначен Г.Н. Брук, который работал до конца войны. У завода № 564 положение складывалось значительно сложнее. Его директор А.Г. Толстов, прибывший с эвакуированным предприятием. Но установкой оборудования с конца 1941 г. руководил Н.Г. Юрин, а во время производственной деятельности наркоматом директором направлен К.В. Безбородов, работавший до окончания войны. Все они имели образование инженеров-машиностроителей¹.

В Западной Сибири действовало 10 предприятий, которые производили ограниченное количество некоторых видов боеприпасов и работали в кооперации с крупными предприятиями. За их деятельностью не было особо жесткого контроля со стороны партийных и государственных органов. Как правило, на этих заводах не всегда было хорошо организовано производство, поэтому происходили изменения в составе директоров. Так, на заводах в Новосибирске: № 556 директорами работали — А.В. Домрачев (1942–1944), Д.Д. Рукозенков (1944–1947), № 65, производивший снаряды М-8 и М-13 для «Катюш», директорами были И.К. Мурзин (1942–1943) и М.Я. Шнейдер (1944–1946), завод № 325 — Рудаков (1942–1943), Н.Ф. Лукашин (1943–1946); Киселевским заводом № 605, выжигавшим снаряды М-8 и М-13 для «Катюш», руководили — Парфенов и Щербина²; Кемеровскими: заводом № 573 — А. И. Абраменков, заводом № 606 — А.Л. Касурин. Их директора были инженерами-машиностроителями, за исключением Н.Ф. Лукашина, имевшего среднее техническое образование и большой опыт работ на многих производственных должностях, в том числе главным инженером.

В Западной Сибири во время войны размещался достаточно мощный центр авиационной промышленности. Крупнейшими его

53; Д. 665 б. Л. 52–56, 145; Д. 665 д. Л. 74–76, 95–97; Ф.П-22. Оп. 3. Д. 1772. Л. 15–23, 37–45.

¹ Савицкий И.М. Важнейший арсенал Сибири... С. 165–180.

² ГАНО. Ф.П-4. Оп. 33. Д. 503 а. Л. 56–63; Д. 503 б. Л. 133–136, 176; Д. 503 д. Л. 14–21; Д. 506. Л. 93–96; Д. 665 б. Л. 67–69; Д. 665 в. Л. 8–12, 100–103; Ф.П-22. Оп. 3. Д. 773. Л. 3–11, 46–48.

предприятиями являлись Новосибирский авиационный завод им. В.П. Чкалова № 153 и Омский авиадвигательный завод им. П.И. Баранова. Завод № 153 Наркомата авиапромышленности принял на свою площадку оборудование пяти эвакуированных предприятий. Это обстоятельство создало большие трудности в организации производства. В августе 1941 г. завод не выполнил мобилизационное задание почти наполовину. Основными причинами являлись неудовлетворительное использование оборудования, длительные простои рабочих, слабая дисциплина среди инженерно-технических работников, неорганизованное использование квалифицированных кадров эвакуированных заводов. За эти недостатки на заседании бюро Новосибирского обкома ВКП(б), состоявшемся 3 сентября 1941 г., директор завода М.И. Маланьин снят с работы и назначен П.С. Романов. На заседании бюро обкома партии 3 декабря 1941 г. директору завода П.С. Романову было предложено укрепить единоначалие в управлении предприятием, повысить ответственность руководящих и инженерно-технических работников по увеличению выпуска самолетов-истребителей и выполнению государственных планов.

Заместитель наркома авиапромышленности А.С. Яковлев, бывший в Новосибирск как куратор авиастроительных предприятий Сибири, сыграл большую роль в организации производства крупнейшего на востоке СССР завода по выпуску самолетов-истребителей, тем более что внедрялась в производство машина, разработанная под его руководством. По настоянию А.С. Яковлева на должность главного инженера был назначен опытный специалист, бывший главный инженер одного из эвакуированных заводов А.Н. Тер-Маркарян. На совещании руководящего состава, в том числе эвакуированных заводов, было решено в интересах дела создать единое руководство завода. Директора, главные инженеры и другие руководящие работники перебазированных предприятий предложили использовать их на любой необходимой должности.

В Новосибирске 25 ноября 1941 г. А.С. Яковлев подписал приказ № 1, в котором отмечалось, что завод работает плохо из-за неудовлетворительной организации производства. Директор завода П.С. Романов проявлял недопустимую мягкотелость, не использовал предоставленное ему право единоначалия и не наказывал дезорганизаторов производства. С занимаемых должностей были сняты работники, отвечающие за техническое обеспечение производства, а некоторые из них уволены с завода.

В 1942 г., хотя и с большими трудностями, завод наращивал производство самолетов. Однако в первом квартале 1943 г. значительно ухудшил работу. В январе и марте сорвал задание по выпуску и отгрузке самолетов на фронт. В апреле 1943 г. на завод поступила рекламация в связи с разрушением деревянных конструкций самолетов, которые часто коробились, растрескивались, расслаивались и срывались с крыльев. Все это было причиной к увольнению П.С. Романова с поста директора и утверждению на эту должность В.Н. Лисицина, работавшего ранее заместителем начальника главного управления наркомата. Под его руководством коллектив завода увеличил выпуск самолетов с трех – четырех машин в сутки в конце 1943 г. до 20 — в 1944 г. За годы войны завод № 153 дал фронту 15 797 самолетов-истребителей. Виктору Николаевичу было присвоено звание Героя социалистического труда и награжден высокими правительственными наградами, работал директором до 1950 г., а затем назначен заместителем председателя госплана РСФСР.

На предприятиях этой отрасли, действовавших на основе кооперации с заводом им. В.П. Чкалова, со времени эвакуации и до реэвакуации директорами работали такие люди: на заводе № 51 — директором и главным конструктором Н.Н. Поликарпов, на заводе № 296 в Бердске — Берман, на заводе № 9 в Бердске — Бейлинсон, в филиале ЦАГИ, на основе которого в первые послевоенные годы создан Сибирский научно-исследовательский институт, — академик С.А. Чаплыгин¹.

Авиамоторный завод № 29 им. П.И. Баранова в Омске с первых дней его возглавлял Лукин, прибывший с эвакуированным оборудованием и кадрами. 19 сентября 1941 г. бюро Омского обкома ВКП(б) рекомендовало директору ускорить монтаж прибывшего оборудования и подготовить производство к выпуску нового двигателя, который был испытан 7 ноября 1941 г. Но освоение серийного производства авиамоторов М-82 велось неудовлетворительно, поэтому ГКО 24 августа 1942 г. потребовал от нового директора Борисова его ускорить. В последующие годы до окончания войны завод № 29 под руководством Борисова развивал производство авиадвигателей, очень необходимых для вновь выпускаемых самолетов.

¹ Яковлев А. Цель жизни (записки авиаконструктора). 2-е доп. издание. М., 1968. С. 306–311; ГАНУ. Ф.П-4. Оп. 34. Д. 116. Л. 53–54.

Завод № 166, состоящий из двух эвакуированных и трех местных недостроенных предприятий, возглавил один из первых в стране героев Советского Союза А.В. Ляпидевский. 22 сентября 1941 г. ГКО принял постановление, в котором намечались меры по немедленной организации производства и скорейшему выпуску самолетов-истребителей «Яковлев». Воссоздать завод № 166 наркоматом назначен Соколов, а А.В. Ляпидевского перевел его заместителем. Под руководством Соколова завод № 166 за годы войны произвел 3800 самолетов-истребителей.

В Омске на основе местного завода им. В.В. Куйбышева и частично прибывшего оборудования Московского завода № 20 был создан его дублер. Новому заводу присвоен номер 495. Перед директором предприятия Гальченко ставилась задача организовать производство бензонасосов, маслонасосов и других агрегатов для всех видов авиамоторов и гидросистем самолетов. Но завод тормозили многие трудности. После эвакуации из Москвы дополнительного оборудования завода № 20 предприятие в Омске получило № 20.

В связи с переходом Борисова на авиамоторный завод № 29 директором завода был назначен Ермоленко. Бюро Омского обкома ВКП(б) потребовало от нового директора реализовать постановление ГКО от 15 июля 1943 г., организовать производство новых агрегатов для авиамоторов и выпустить их к концу года 300 штук. В дальнейшем заводской коллектив выполнял плановые задания, большое количество агрегатов для авиационной промышленности.

На основе завода № 288, воссозданного из двух предприятий, прибывших в Омск в ноябре – декабре 1941 г., бюро Омского обкома партии предложило ГКО создать самостоятельное предприятие опытного самолетостроения. Это предложение было поддержано. Его директором назначен А.В. Ляпидевский. Вместе с авиазаводами из Москвы в Омск 25 июля 1941 г. было эвакуировано Особое конструкторское бюро № 29, в котором работали бывшие заключенные авиаконструкторы и другие специалисты. Среди них — главный конструктор А.Н. Туполев, бывший заместитель директора по научной работе государственного института реактивного движения С.П. Королев. На этом заводе базировались также конструкторские бюро Томашевского, Мясищева, Наймана и Архангельского. Здесь испытывались самолеты Ту-2, которые стали лучшими фронтовыми пикирующими бомбарди-

ровщиками. В конце войны все бюро со своими руководителями были реэвакуированы в Москву.

Заводами Наркомата авиапромышленности № 241 (планерный) в Тюмени, № 499 в г. Заводоуковск Тюменской области и № 493 в Кемерово руководили директора, назначенные в начале войны и работали до реэвакуации в 1944 и 1945 гг. На предприятиях авиапромышленности директорами работали только специалисты с высшим образованием.

Танковую промышленность в Западной Сибири представлял завод № 174, созданный в Омске на основе эвакуированного оборудования пяти и одного местного предприятия. Его директором был назначен Наркоматом танковой промышленности З.М. Кацнельсон. Начав выпуск танков Т-34 в июне 1942 г. завод в значительной мере не выполнял заданий ГКО. 13 сентября 1942 г. Наркомат танковой промышленности освободил от должности директора завода З.М. Кацнельсона и назначил М.М. Пасинского. Омский обком ВКП(б) потребовал от нового руководителя принять решительные меры по выполнению заданий ГКО.

Девятнадцатого октября 1942 г. ГКО в принятом постановлении предусматривал изготовление на заводе в четвертом квартале 450 танков. Но у коллектива было много трудностей, связанных с созданием материально-технической базы, поставкой необходимых материалов и организацией производства. Наркомат в начале 1943 г. укрепил руководство завода, отстранил от должности директора М.М. Пасинского и назначил К.А. Задорожного — бывшего директора Сталинградского тракторного завода.

Преодолевая трудности, коллектив завода продолжал развивать производство модернизированных танков Т-34—85, которые имели более прочную броневую защиту, оснащенных вместо 76 мм 86 мм пушкой, способной пробивать даже с дальнего расстояния любую броню немецких «тигров». В 1942–1945 гг. завод выпустил и направил на фронт 5700 танков.

Производство танков в значительной мере зависело от выпуска необходимых для них моторов. ГКО 13 октября 1941 г. принял постановление, в котором предусматривалось построить новый танко-моторный завод «С-10» в Барнауле и развернуть на нем выпуск дизелей В-2. Наркомат в начале 1942 г. назначил Полиновского директором завода, а 17 октября 1942 г. начавшему производственную деятельность заводу «С-10» присвоил № 77. В декабре 1942 г. был собран первый дизельный танковый мотор. Но в начале 1943 г.

завод не справился с плановыми заданиями, так как завершилось строительство его цехов. В этих условиях наркомат назначил нового директора завода Толмачева, который умело организовывал производство. Заводской коллектив в 1943–1945 гг. выпустил около четырех тысяч дизельных моторов для новых танков и самоходных артиллерийских установок.

В Западной Сибири были основаны и развивались предприятия Наркомата судостроительной промышленности. Из Ленинграда в Омск прибыли завод № 206 и научно-исследовательский институт гидроакустики. Заводской коллектив продолжал выпускать шумопеленгаторы «Марс» и гидроакустические станции «Тамир». Оснащенные ими подводные лодки обнаруживали вражеские суда и могли скрытно по ним стрелять. Этим заводом в годы войны успешно руководил Постнов. Заводской коллектив с гордостью встретил сообщение 3 марта 1945 г. о том, что оснащенная их приборами подводная лодка под командованием капитана А.И. Маринеску потопила немецкий лайнер «Вильгельм Густлофф», на котором находилось несколько сот офицеров германского военного флота, направлявшихся в порты западных районов Германии для формирования новых военных подразделений для борьбы против СССР.

На основе оборудования нескольких эвакуированных предприятий, преимущественно из Ленинграда, на судовой верфи в Тюмени основан судостроительный завод № 639. Рабочие, инженеры и техники под руководством директора Никифорова вводили в эксплуатацию оборудование, но производственный процесс в полной мере не был налажен. В декабре 1941 г. плановое задание выполнено лишь на 25,5 %. В начале 1942 г. заводской коллектив возглавил опытный организатор производства В.В. Евграфов. В 1942 г. планировалось построить 36 металлических катеров и заложить — 25. Завод начал выполнять плановые задания, стал значимым предприятием военного судостроения. В последующие годы трудовой коллектив продолжал наращивать производство продукции. За 1944 г. превысил выпуск изделий 1942 г. На 55,8 %. В августе 1944 г. В.В. Евграфова наркомат перевел на вышестоящую работу и назначил на должность директора И.Н. Крылова, который работал до конца войны¹.

В годы Великой Отечественной войны в Новосибирске производили очень значимую продукцию для фронта вновь откры-

¹ Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности... С. 37–75, 123–130.

тые предприятия Наркомата вооружения: особый приборостроительный завод им. Ленина № 69, приборостроительный завод № 350 и патронный завод № 188. Завод № 69 в связи с размещением эвакуированного оборудования в течение двух с половиной месяцев не работал, что вызвало большой разрыв между количеством выпущенных в стране танков, пушек, минометов и оснащением их необходимыми оптико-механическими приборами. Государственный Комитет Обороны, исходя из требований фронта, определял своими решениями объем производства завода.

В начальный период заводской коллектив проделал большую работу по модернизации и унификации изделий, упрощению и улучшению их конструкций. Его инженеры решили очень важную проблему: устранили расстраиваемость прицельных приборов при прямом попадании снарядов в танки.

Завод ежегодно наращивал производство танковых телескопических и стереоскопических прицелов, артиллерийских стереотруб, прицелов для противотанковых пушек, минометов, дальномеров для мелкокалиберной артиллерии, зенитных визеров и других приборов. Заводской коллектив работал стабильно, выполнял плановые задания. Все годы войны и до 1947 г. Директором завода работал высококвалифицированный специалист и опытный организатор производства А.С. Котляр, награжденный многими высшими правительственными орденами.

Аналогично развивался завод № 350, выпускавший прицелы к пушкам, танкам и подводным лодкам, командирские зенитные трубы, визеры целеуказания и другие приборы. Его директором в 1937–1946 гг. также был высококвалифицированный специалист, опытный организатор производства Ш.И. Ступельман.

Совершенно противоположное положение наблюдалось на заводе № 188, производившем сотни миллионов патронов разного калибра. Предприятие с начала производственной деятельности не выполняло установленные ГКО задания. В связи с тем, что эта продукция была очень дефицитной на фронте, центральные и местные партийные и государственные органы управления контролировали деятельность предприятия и жестко требовали соответствующих результатов. Несмотря на то, что имелись необходимые мощности, завод работал неустойчиво, не выполнял установленные задания и недодавал значительные объемы очень необходимых для фронта изделий. Наркомат вооружения по этой причине в декабре 1942 г. отстранил от должности директора за-

вода И.А. Штанина и направил директором бывшего наркома машиностроения В.К. Львова.

В первом квартале 1943 г. завод несколько улучшил работу, но не сумел преодолеть в полной мере отставание, систематически не выполнял производственную программу по причине неудовлетворительной организации технологических производственных потоков и плохого материально-технического снабжения, нередко приводивших к остановке работы цехов. Несмотря на это, ГКО на четвертый квартал 1943 г. значительно увеличил задание по производству патронов. В сложившихся условиях Наркомат вооружения перевел В.К. Львова директором на строящийся Юргинский машиностроительный завод № 75. Директором завода № 188 был утвержден инженер-полковник В.П. Белянский, работавший ранее главным инженером и на других высоких должностях нескольких предприятий. В 1944–1945 гг. заводской коллектив значительно улучшил производственную деятельность¹.

На заводе № 526 Наркомата вооружения в Новокузнецке, выпускавшем стрелковое оружие, строительство производственных площадей затянулось на длительное время, поэтому монтаж прибывшего оборудования осуществлялся очень медленно. В связи с этим наркомат назначил директором завода Н.А. Дубасова вместо М.С. Новикова. Вместе с тем, в деятельности предприятия появились новые причины невыполнения плановых заданий. Себестоимость выпускаемой продукции значительно превышала соответствующие показатели на других предприятиях, а также наметилась тенденция нарушения трудовой дисциплины. Первый секретарь Новокузнецкого горкома партии В.А. Москвин дважды, в мае и августе 1943 г. обращался к секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову с просьбой оказать помощь заводу. Наркомат выполнил указания ЦК ВКП(б), но назначил нового директора завода — Н. Денисенко вместо Н.А. Дубасова. В последующее время деятельность заводского коллектива активизировалась, улучшились экономические показатели, выполнялись плановые задания.

Строительство артиллерийского завода «Т» в г. Юрге Кемеровской области, получившего в дальнейшем № 75, началось в предвоенные годы и настойчиво продолжалось во время войны. Наркомат вооружения 11 сентября 1942 г. определил сроки под-

¹ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 33. Д. 665 г. Л. 96–99; Д. 665 а. Л. 119–125; Д. 503 г. Л. 130–131; Оп. 8. Д. 499. Л. 73–76, 151–152; Д. 736 а. Л. 23–25.

готовки к выпуску продукции для артиллерии и военно-морского флота. Но завод в начале 1943 г. так и не приступил к выполнению этого задания. Поэтому наркомат отстранил от должности директора Николаева и направил на эту должность Абелева.

В дальнейшем строительство завода шло очень трудно, оборудование монтировалось в недостроенных цехах и с большим опозданием. Производственная дисциплина была неудовлетворительной. Бюро Кемеровского обкома ВКП(б) обвинило директора завода Абелева в недостаточной требовательности к подчиненным, осудило стиль его работы, и в конце 1943 г. наркомат отстранил от должности директора и назначил В.К. Львова. Заводской коллектив начал высокими темпами наращивать производство необходимого для фронта вооружения. Плановое задание 1944 г. выполни на 109 %, выпустил пушек 120 штук, а в 1945 г. — 1200 штук.

В кооперации с крупными оптико-механическими предприятиями работал завод № 588 в Ленинск-Кузнецке, выпускавший оптическое стекло. Его директором до объединения с заводом № 69 был Д.Е. Вильнер. А также завод № 357 в Омске, производивший прицелы, директорские функции которого годы войны выполнял Манин. Аналогичное положение до эвакуации было на заводах № 353 и № 355 в Томске, а также № 17 в Барнауле.

В Западной Сибири развивалась минометная промышленность. Завод № 762 Наркомата минометного вооружения освоил и выпускал большое количество мин М-82 и М-120, минометов и 122 мм артиллерийских снарядов. Но на начальном этапе в его деятельности имелись существенные недостатки, связанные с созданием материально-технической базы и организацией производства. В связи с этим в июне 1942 г. был уволен наркоматом действовавший директор и назначен новый — Родионов. Перед заводом наркомат поставил на 1943 г. задачу увеличить выпуск продукции не менее, чем в три раза. Но заводской коллектив не смог преодолеть перебои в обеспечении материалами и электроэнергией. В первом квартале 1943 г. плановое задание выполнено только на 57 %. В основном по этой причине бывший директор наркоматом был уволен, а назначен П.И. Топоров, приехавший с эвакуированным заводом.

Вместе с тем план первого полугодия 1943 г. значительно был невыполнен. Завод не обеспечил выпуск 104 тыс. мин М-82 и 18 тыс. мин М-120. За восемь месяцев изготовлено ее — 252 тыс. мин М-82 — 41,8 % и 44 тыс. мин М-120 — 39 %. Кроме того,

большая часть произведенной продукции оказалась забракованной. Задание ГКО по освоению выпуска мин нового образца завод не выполнил. ГКО вторично 28 августа 1943 г. потребовал немедленно освоить изготовление новых изделий. Но бюро Омского обкома ВКП(б) обратилось к наркому минометного вооружения П.И. Паршину с просьбой освободить П.И. Топорова от обязанностей директора завода № 762. А пока решался этот вопрос, П.И. Топорков встал на путь фальсификации отчетности. За девять месяцев 1943 г. завод изготовил 351,1 тыс. мин М-82, а в официальном отчете завода значилось 452,59 тыс. штук, а мин М-120 соответственно — 58,22 тыс. и 88,6 тыс. штук. Обком ВКП(б) исключил его из партии, а прокуратура г. Тюмень завела уголовное дело и после расследования направила материалы в суд. В последующее время и до окончания войны производственная обстановка на заводе оставалась сложной, несмотря на смену директора.

Завод № 766 Наркомата минометного вооружения, производивший 50 мм минометы и мины к ним под руководством Д.Л. Лейзеровича, успешно работал до конца войны. Аналогичное развитие в Тюмени получил завод № 769 этого же наркомата, возглавляемый Н.С. Давыдовым. На основе эвакуированного оборудования четырех заводов в Томске был основан завод «Манометр» № 838 Наркомата минометного вооружения. Его воссозданием руководил Киселев, а затем производством мин, манометров к танкам и самолетам руководил Жуков, который работал до конца войны.

Успешно работал в годы войны завод «Алтайсельмаш» в г. Рубцовск. Под руководством опытного и энергичного директора В.П. Рыбина заводской коллектив увеличил производство мин М-82 с 7,5 тыс. штук в 1942 г. до 536,8 тыс. штук в 1944 г. Этого же наркомата действовали заводы «Машиностроитель» в Омске и «Арматура» № 839 в Барнауле. Все заводы Наркомата минометного вооружения в Западной Сибири были небольшими, с промышленно-производственным персоналом до тысячи человек, работали, как правило, устойчиво, производили большое количество боеприпасов¹.

В Западной Сибири в годы войны начали действовать мощные предприятия Наркомата электропромышленности, которые выпускали очень значимую для фронта продукцию. Завод № 590 «Электросигнал» в Новосибирске — это крупнейшее в отрасли производство, которое изготовляло сложнейшую радиоаппаратуру: авиаци-

¹ Шуранов Н.П. Создание оборонной промышленности... С. 80–96, 100–119.

онные, танковые, общевойсковые и морские радиостанции. Причем некоторые их виды производились только на этом заводе. Для их выпуска нужны были рабочие с образованием пять классов и выше, а также высококвалифицированные специалисты. Заводской коллектив до мая 1942 г. не в полной мере выполнял плановые задания. Трудности привели к тому, что нарком И.Г. Кабанов в соответствии с решением Совнаркома СССР обязал дирекцию завода выпускать определенную продукцию и в полном объеме.

Начиная с мая 1942 г., завод вышел из прорыва, стал выполнять производственную программу и в дальнейшем наращивать выпуск новых видов изделий. Нарком электропромышленности И.Г. Кабанов и первый секретарь обкома партии М.В. Кулагин обратились к И.В. Сталину с предложением наградить завод орденом Трудового красного знамени и наиболее отличившихся работников — орденами и медалями. Бывшего директора завода К.Н. Мещерякова, только что назначенного заместителем наркома электропромышленности, представили к ордену Ленина. Директором завода был назначен Г.С. Проскурин.

В 1943–1944 гг. заводской коллектив устойчиво работал, перевыполнял плановые задания. Правительство высоко оценило работу завода, в январе 1944 г. наградило его орденом Ленина. Директора завода наркомат выдвинул на более высокую должность, а на его место назначил Г.Н. Григорьева. Заводской коллектив постоянно расширял производственную номенклатуру и до конца войны увеличивал выпуск качественных радиостанций для различных родов войск, в том числе для авиации дальнего действия. Это одно из немногих предприятий оборонной промышленности, на котором успешно развивалось производство и в процессе его росли руководящие кадры, которые направлялись на более высокие государственные должности.

Завод № 617 (электровакуумный), состоящий из двух эвакуированных предприятий, после прибытия в Новосибирск возглавлял сопровождавший один из них П.А. Деньга. В конце 1941 г. директором бы утвержден наркоматом Н.А. Жук — опытный организатор производства, видный специалист-электросварщик. Испытывая трудности в связи с некомплектностью оборудования и низкой профессиональной подготовкой рабочих и ИТР, заводской коллектив только в марте 1942 г. приступил к изготовлению электровакуумных приборов и начал стремительно наращивать их производство.

Являясь основным электроламповым заводом страны, он с 1942 г. и до первой половины 1945 г. постоянно увеличивал выпуск различных типов электроламп и изготовлял их миллионы штук. Радиосвязь Красной армии и ВМФ: армейская, танковая, авиационная, судовая и береговая более чем на 70 % снабжалась лампами этого завода. Его директором все годы войны и до 1950 г. был Н.А. Жук, награжденный многими государственными наградами.

Завод № 208 им. Коминтерна в Новосибирске в соответствии с постановлением ГКО в 1941–1942 гг. выпускал мощные войсковые радиостанции (РАТ), применяемые как средство связи штабов фронтов и армий, а также радиостанции по обнаружению самолетов противника (РУС). В последующие годы коллектив завода изготовлял и другие их виды. А радиостанции РАТ, прошедшие модернизацию, обеспечивали связь штабов, фронтов и Военно-морского флота. Это самые мощные радиостанции из принятых на вооружение Красной армии и военно-морского флота, обладали высокими тактическими показателями. Они обеспечивали связь Верховного Главнокомандующего со штабами фронтов и армий, тяжелых аэродромов с авиацией дальнего действия, а также были основными радиостанциями Генерального штаба Красной армии и военно-морского флота, обеспечивали правительство связью, установленной с освобожденными районами страны.

Радиостанции РУС использовались противовоздушной обороной для обнаружения летящих самолетов противника, определяли их численность и наводили истребительную авиацию на вражескую. Они определяли местонахождение аэродромов противника, расположенных в прифронтовой полосе, а также контролировали полеты нашей авиации при выполнении боевых заданий. Радиостанции обеспечивали обнаружение самолетов, кораблей, подводных лодок и управление огнем зенитных батарей, корабельной артиллерией.

Завод был единственным предприятием, выпускавшим подвижные радиостанции, используемые для обнаружения вражеских объектов. Радиостанции «Бухта-42» применялись на всех типах подводных и надводных кораблей, и береговой службой Военно-морского флота. Выпускаемая заводом № 208 аппаратура являлась уникальной, нигде более не производимой, имела особо важное значение для Красной армии и Военно-морского флота. Директором завода был высококвалифицированный специалист по производственному профилю этого предприятия и опытный

организатор производства И.Н. Гуданис. Он с 1928 г. работал на этом заводе, прошел трудовой путь от механика-монтажника до главного инженера, а затем директора.

Завод № 644 был единственным в Советском Союзе предприятием крупного прожекторного производства зенитных, посадочных, морских, авиационных и других видов прожекторов, а также передвижных электростанций для Красной армии и Военно-морского флота. В 1942 г. заводской коллектив не выполнил производственный план, но в 1943 г. набрал темпы, позволявшие справляться с плановыми заданиями. В течение года выпустил 519 зенитных, 170 посадочных прожекторных, 87 зарядных, 30 электрических станций, 290 морских прожекторов и 790 моторов малой мощности. Выпуск продукции по сравнению с 1942 г. увеличился в 2,3 раза, а в 1944 г. — в три раза.

Прожекторными установками этого завода была оснащена противовоздушная оборона Москвы, Ленинграда, Севастополя и других крупных центров страны, а также береговая оборона Советского Союза, аэродромы военно-воздушных сил страны. Г.К. Жуков в своих воспоминаниях пишет, что во время битвы за Берлин применялись прожекторные установки заливающего света, которые сыграли важную роль в его штурме. Эти установки были произведены на заводе № 644. Все годы войны заводской коллектив возглавлял опытный организатор производства, имевший образование инженера по профилю завода А.Л. Эстрин. Он прошел трудовой путь от рядового инженера до директора Московского, а затем Новосибирского прожекторного завода, которым руководил с 1937 до 1947 г.

Завод им. Козицкого в Омске изготавливал несколько видов радиостанций различного назначения. Его директором в годы войны был Назимов. Несколько заводов работали в Томске, в том числе «Томкабель», «Роскабель», электромоторный, электромеханический. Заводы № 842 в г. Белово, № 587 в г. Ленинск-Кузнецк выпускали индивидуальные радиостанции для танков и другую радиоаппаратуру. Заводы № 651 в г. Прокопьевск и № 652 в Кемерово производили небольшие электромоторы постоянного и переменного тока. Заводами этого наркомата руководили инженеры, в основном радиотехники и электротехники, опытные организаторы производства¹.

¹ ГАНО. Ф.П-4. Оп. 6. Д. 452. Л. 50–210; Д. 422. Л. 65–313; Д. 420. Л. 167–187; Оп. 7. Д. 490. Л. 36–180; Д. 491. Л. 48–107; Оп. 8. Д. 466, Л. 3–50.

Таким образом, на двух крупных комбинатах Наркомата боеприпасов в годы войны работало 11 директоров, на заводе № 153 им. Чкалова — четыре, на 11-ти заводах — по три и еще на 11-ти заводах — по два директора, а на 36 предприятиях устойчиво руководили трудовыми коллективами по одному директору.

В результате исследования можно сделать вывод, что механизм подбора, расстановки директоров оборонных предприятий, оценки их трудовой деятельности и сменяемости был отработан на уровне центральных и местных органов управления. На должности директоров назначалось подавляющее большинство специалистов с высшим техническим образованием, имевших опыт организации производства и управления трудовыми коллективами. В редких случаях директорами были специалисты со среднетехническим образованием, но прошедшие трудовой путь от рядового специалиста до главного инженера. В начале войны руководителями заводов было направлено два бывших партийных работника, не имевших специального технического образования, но они не справились с поставленными задачами и были заменены в начале войны специалистами с высшим специальным образованием.

В условиях военных действий, когда заканчивались государственные резервы боеприпасов и вооружения, Государственный комитет обороны принимал жесткие меры ко всем руководителям отраслей оборонной промышленности и местным партийным органам, которые одновременно предъявляли высокие требования к директорам заводов. Но в регионе лишь три предприятия имели первоначальную производственную базу. Поэтому большие трудности были связаны с установкой прибывшего эвакуированного оборудования в непригодных помещениях и организацией выпуска необходимой для фронта продукции при остром недостатке квалифицированных рабочих и специалистов.

В этой обстановке наркоматы и местные партийные органы требовали от директоров, чтобы руководимые ими предприятия выполняли плановые задания по обеспечению воюющих армий боеприпасами и вооружением. Но предприятия не могли в начале войны выпускать в больших объемах продукцию на фронт. Оценка работы директора оборонного завода в условиях войны зависела от ряда причин. Но главной было невыполнение руководимым им предприятием плановых заданий, которые определялись Государственным комитетом обороны.

Более высокие требования предъявлялись к директорам ве-

дущих предприятий, на которых работали многотысячные коллективы, вносявшие более значимый вклад в обеспечение фронта боеприпасами и вооружением. Это были руководители заводов Наркоматов боеприпасов, авиационной, танковой промышленности и вооружения. В меньшей мере испытывали подобные требования директора, руководившие предприятиями, которые работали в кооперации с ведущими заводами или давали фронту продукцию не первой значимости.

Директора заводов на основе принципа единоначалия несли полную ответственность за обеспечение кадрами и их производственную деятельность по снабжению фронта боеприпасами и вооружением. На всех предприятиях оборонной промышленности работали парторги ЦК ВКП(б), которые наряду с контрольными функциями оказывали предприятиям помощь в решении назревших проблем через центральные органы партии и государства. Наркоматы оборонной промышленности в Западно-Сибирском регионе имели своих представителей на уровне заместителей наркомов, которые оказывали предприятиям всемерное содействие по всем вопросам, но особенно по технологическим, кадровым проблемам и организации производственных процессов.

Механизм подбора, назначения директоров предприятий и их смещения с занимаемой должности в конечном итоге решался наркоматами. Но эти вопросы первоначально, как правило, рассматривались на заседаниях бюро обкомов ВКП(б), на которых определялась оценка работы директоров и принималось решение об их смещении с занимаемой должности. На всех заседаниях обязательно присутствовали и принимали участие в обсуждении парторги ЦК ВКП(б) и зачастую заместители наркомов соответствующей отрасли. Они ставили в известность ЦК ВКП(б) и наркоматы, согласовывали с ними кандидатуры на должности директоров.

В основном во второй половине 1942 г. на оборонных заводах Западной Сибири завершилось создание необходимой материально-технической базы, сформировались кадры рабочих и инженерно-технического персонала, первые руководители приобрели опыт управления трудовыми коллективами, а предприятия начали без срывов выпускать плановую продукцию. Ритмичная производственная работа оборонных заводов положительно сказалась на состоянии их директорского корпуса, обусловила его большую устойчивость, что в свою очередь положительно сказалось на деятельности оборонных предприятий.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ КПСС СИБИРИ
В СЕРЕДИНЕ 1960-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ:
ЭВОЛЮЦИЯ КАНАЛОВ И ФОРМ КОММУНИКАЦИИ С НАСЕЛЕНИЕМ**

В статье выясняются основные формы и каналы коммуникации региональных комитетов КПСС Сибири с населением, которые позволяли не только отслеживать характер общественно-политических настроений и восприятие изменений в социально-экономическом положении, но и оперативно реагировать на «сигналы» с мест о ненадлежащем поведении коммунистов, проблемах в местных партийных организациях. Показаны механизмы поступления информации об общественно-политических настроениях в крайкомы и обкомы, процессы ее отбора, систематизации, рассмотрения и реагирования. На основе значительного круга документов, извлеченных из архивов Сибири, выявлена противоречивая роль аппарата региональных комитетов партии: с одной стороны, они владели всей необходимой оперативной информацией, поступавшей по разным каналам, с другой — стремились ограничить количество критических оценок политики, проводимой на местах в порядке исполнения директив ЦК КПСС.

Ключевые слова: региональные комитеты КПСС, власть и общество, Сибирь, политическая коммуникация, аппарат краевых и областных комитетов КПСС.

В середине 1960-х – первой половине 1980-х годов важной функцией аппарата региональных комитетов партии стали сбор и систематизация информации о текущей общественно-политической и экономической ситуации на местах. По линии отделов организационно-партийной работы, пропаганды и агитации, а также так называемых отраслевых отделов в крайкомы и обкомы КПСС ежедневно направлялись информация и отчеты о работе местных партийных и советских органов, выполнении и перевыполнении плановых показателей на производстве. Помимо отработанных каналов документооборота, в рамках которых региональные комитеты получали информацию и о настроениях населения, его проблемах и оценках, существовало немало иных возможностей информационно-коммуникационной работы с рядовыми коммунистами.

С течением времени сложились специфические «деловые обыкновения», которые не были урегулированы правилами внутрипартийного делопроизводства. Кроме подготовки традицион-

ных информации и отчетов для ЦК КПСС, аппарат региональных комитетов много усилий тратил на разбор получаемых писем от населения. В изучаемый период расширилась практика направления в крайкомы и обкомы КПСС жалоб на руководителей партийных и советских органов, хозяйственных учреждений и организаций. Такие документы передавались в особые сектора крайкомов и обкомов и затем формировались в специальные дела под заголовками «Письма и заявления на руководящих партийных, советских и хозяйственных работников». Просмотр описей фондов краевых и областных комитетов КПСС за исследуемый период позволяет утверждать о стабильности сложившейся практики: система была настроена таким образом, что каждый «сигнал», включая анонимный, тщательно проверялся и вынуждал к ответной реакции. По итогам разбирательств делались заключения, готовились материалы для рассмотрения на бюро крайкомов / обкомов, налагались партийные взыскания.

Система информационного взаимодействия крайкомов и обкомов КПСС с коммунистами и беспартийными требовала четкой организационной структуры аппарата. Ведущим функциональным отделом региональных комитетов КПСС являлся организационно-партийный, который через своих инструкторов получал регулярную информацию с мест. Например, в Иркутском обкоме КПСС по состоянию на 10 июня 1966 г. в отделе организационно-партийной работы трудилось 16 человек, из которых четверо в прошлом работали первыми секретарями и четыре человека — вторыми секретарями райкомов КПСС. Все 39 районов области закреплялись за инструкторами отдела (по четыре – пять за каждым)¹.

Такая практика позволяла проводить систематическое наблюдение за ситуацией в городских и районных партийных организациях. Любые отклонения от регламентированных норм на местах фиксировались инструкторами и доводились до сведения руководителей отделов и секретарей крайкомов и обкомов КПСС. По линии инструкторов орготделов фиксировались и оценочные суждения выступавших на партийных активах и пленумах. Осведомленность о нестандартных оценках общественно-политической ситуации со стороны рядовых коммунистов можно рассматривать как важное функциональное свойство региональных лидеров и членов бюро крайкомов и обкомов.

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 100. Д. 4. Л. 78.

В аппарате ЦК КПСС остро ощущалась потребность в представлении оценок общественно-политических событий со стороны населения. Отсутствие полномасштабных социологических исследований, комплексного изучения общественного мнения вынуждало к сбору и систематизации типичных и нетипичных высказываний коммунистов и беспартийных во время проведения различных собраний, активов, пленумов. В октябре 1964 г., когда пленум ЦК КПСС освободил Н.С. Хрущева от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета министров СССР, региональные комитеты КПСС обязывались к регистрации откликов на кадровые изменения в руководстве партии и правительства. В информационных с мест цитатами подтверждалось несколько обозначенных мыслей: во-первых, своевременность замены Н.С. Хрущева Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным, поскольку ушедший лидер уже стар; во-вторых, ожидание скорейшего воссоединения партийных организаций по территориальному признаку; в-третьих, позитивная оценка деловых качеств Л.И. Брежнева и А.Н. Косыгина, которые представляли собой новую когорту советских руководителей.

Обозначенные тренды подтверждались многочисленными цитатами из выступлений как рядовых рабочих, так и руководителей предприятий, организаций и учреждений. Например, в информации об откликах трудящихся Алтая на решение Пленума ЦК КПСС, состоявшегося 14 октября 1964 г., приводились слова проректора по научной части Алтайского сельскохозяйственного института Н.А. Дьячкова: «Решение пленума ЦК КПСС правильное и своевременное. Мы надеемся, что новое правительство улучшит работу по руководству сельским хозяйством, ликвидирует ненужное деление в партийных и советских органах»¹. Колхозница колхоза «Заря» Рубцовского производственного управления З.Н. Першина заявила: «ЦК КПСС поступил правильно, освободив Н.С. Хрущева от занимаемых постов: он уже стар. Надеемся, что новое руководство нашего ЦК и правительства пойдут ленинским путем к заветной цели — коммунизму»². Информация, направляемые в Москву из

¹ ГААК. Ф.П-2164. Оп. 1. Д. 182. Л. 104.

² Там же. Л. 105. Подобные оценки зафиксированы и в информации об откликах на решение Пленума ЦК КПСС от 14 октября 1964 г., направленные из Новосибирского сельского обкома КПСС. Большинство процитированных рабочих и специалистов при обсуждении отставки Н.С. Хрущева объясняли ее предельным возрастом бывшего лидера: «Старику нужно идти на пенсию, дей-

крайкомов и обкомов, прежде всего подтверждала убежденность в справедливости принятых кадровых решений.

Однако собранный материал фиксировал и массу «нетипичных» высказываний. В реальности как коммунисты, так и беспартийные недоумевали, почему Н.С. Хрущев, который допустил множество ошибок в реформировании страны, был освобожден от своих обязанностей келейно, без широкого внутривнутрипартийного обсуждения. На районных партийных активах в Алтайской краевой организации КПСС 19 и 20 октября 1964 г. задавали много вопросов подобного плана: «Было ли указано Хрущеву Н.С. на его грубые ошибки в период его работы (официально на Президиумах ЦК КПСС)?», «Почему не полностью опубликовано постановление октябрьского пленума ЦК КПСС?», «Почему вопрос об освобождении Н.С. Хрущева решен сейчас, а не на очередном ноябрьском Пленуме ЦК КПСС?», «Осуждая культ личности Сталина на XXII съезде КПСС, Л.И. Брежнев 17 раз в своем выступлении говорил „под руководством Хрущева Н.С.“, „благодаря прозорливости Хрущева“ и т.д. и т.п. Этими восхвалениями, на наш взгляд, члены ЦК КПСС способствуют возрождению культа личности. Критиковались ли на Пленуме ЦК КПСС подобные восхваления?»¹. В количественном отношении такие вопросы составляли на более 20 %, однако позволяли понять, что в местных партийных организациях тема отставки Н.С. Хрущева требовала дополнительного обсуждения.

Показательно, что информационная кампания по оцениванию причин и последствий отставки Н.С. Хрущева стала поводом для характеристики недовольства проводимой социально-экономической политикой со стороны населения. Использование возможности доведения до аппарата ЦК КПСС сведений о повседневных нуждах и чаяниях граждан было характерной особенностью подготовленных писем о состоянии общественно-политических настроений в краях и областях Сибири. Региональные комитеты КПСС приводили в «информации для ЦК» вопросы, которые задавались на пленумах и активах и выходили за рамки

ствительно он устал», «В связи со старостью и болезнью правильно, что его заменили», «Хрущев уже престарелый и больной, и это лучше, что к руководству пришли более молодые и энергичные товарищи». Резюмирую отклики, секретарь обкома Н. Соруков отметил, что «решение Пленума ЦК КПСС правильно понято коммунистами и беспартийными массами трудящихся» (ГАНУ. Ф.П-4а. Оп. 2. Д. 105. Л. 69–70).

¹ ГААК. Ф.П-2164. Оп. 1. Д. 182. Л. 116–117.

персональной ответственности Н.С. Хрущева. Например, в Новосибирской сельской областной партийной организации были зафиксированы следующие суждения: «Очень большие очереди за хлебом, неужели органы, призванные руководить этим делом, не могут организовать торговлю нормально?», «Почему происходит повышение цен на некоторые промышленные товары: носки, обувь и т.д.?», «Не понятна распушенность органов охраны общественного порядка, на улицах г. Новосибирска вечерами совершается много дерзких преступлений, убийств, хулиганы остаются безнаказанными»¹. В последнем случае, впрочем, отправители решили исказить смысл оценки криминальной ситуации, заменив словосочетание «распушенность органов» на «неоперативность органов», а «хулиганы остаются безнаказанными» на «хулиганских поступков». Очевидно, что секретари региональных комитетов, визировавшие подобную информацию, старались минимизировать негативную оценку населением усилий партийных и советских органов на местах, сохранив общую тональность критики действий самого Н.С. Хрущева.

В процессе работы по информационному обеспечению ЦК КПСС сложилось множество форм систематизации сведений об общественных настроениях на местах. Так, «перечни вопросов», заданных на собраниях в первичных партийных организациях, районных, городских партийных активах, пленумах и собраниях трудящихся, стали привычной формой фиксации общественных настроений, а также важнейших проблем, требовавших решения со стороны высших партийно-государственных органов. В Алтайской краевой партийной организации в январе 1966 г. рядовые коммунисты интересовались, будет ли преодолена возрастная разница в пенсионном обеспечении между рабочими и колхозниками, произойдет ли увеличение выпуска из пединститута преподавателей физики и математики, снижение цен на жиры, переход на 35-часовую рабочую неделю². Доведение до ЦК КПСС подобной информации в региональных комитетах партии рассматривалось не только как отражение сложившихся интересов и ожиданий, но и как инструмент активизации для принятия актуальных решений.

Однако на пути обоснования разработанных проектов «в интересах трудящихся» было немаловажное препятствие — опреде-

¹ ГАНО. Ф.П-4а. Оп. 2. Д. 105. Л. 71.

² ГААК. Ф.П-1. Оп. 117. Д. 135. Л. 40–42.

ление степени репрезентативности высказанных предложений. ЦК КПСС запрашивал в региональных комитетах сведения о регулярности предоставления информации городскими и районными комитетами, первичными партийными организациями. Показательна в этом отношении справка «О получении и использовании информации горкомов и райкомов КПСС», подготовленная секретарем Иркутского обкома С.А. Меркурьевым для аппарата ЦК и датированная 17 августа 1966 г. В документе перечислены важнейшие источники информации, в числе которых на первом месте стояли «информации работников аппарата обкома КПСС, облисполкома и других областных организаций, которые выезжают в города и районы, на месте знакомятся с положением дел на заводах и фабриках, в колхозах и совхозах, с жизнью коммунистов, всех трудящихся»¹. Продолжая характеристику каналов получения информации, С.А. Меркурьев выделил «личные беседы и телефонные разговоры с ответственными работниками горкомов и райкомов КПСС, исполкомов местных Советов, промышленных и сельскохозяйственных предприятий».

Канцелярский язык документа все же позволяет представить наиболее типичные виды информационных потоков, нацеленных на обком партии. Так, в отдел организационно-партийной работы систематически направлялась письменная информация по обсуждению постановлений и закрытых писем ЦК КПСС. Горкомы и райкомы партии сообщали в областной комитет партии о выполнении постановлений бюро обкома КПСС по отчетам комитетов партии. Источником информации назывались также «письма трудящихся и выступления газет».

Несмотря на отлаженный характер коммуникации местных и областного комитетов КПСС, в письме для ЦК КПСС выражалась и озабоченность имевшимися недостатками. Отмечалось, что «отдельные партийные комитеты не всегда своевременно информируют обком КПСС о состоянии дел на местах. Некоторые сообщения горкомов и райкомов партии не отражают существа, глубины происходящих процессов партийной работы, состояния дел на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве»². Критика в адрес местных партийных органов, выраженная в процитированном фрагменте письма, позволяет судить о недостаточном

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 100. Д. 4. Л. 108.

² Там же. Л. 110–111.

владении объемом информации о состоянии дел на местах уже на уровне крайкомов и обкомов КПСС.

Ритмичность поступления информации от местных партийных органов, присущее первым секретарям горкомов и райкомов желание приукрасить действительность блокировались дополнительными каналами коммуникации, и, прежде всего, перепиской с населением. Крайкомы и обкомы регулярно отслеживали в количественном и тематическом отношении письма граждан, направленные для рассмотрения секретарям и членам бюро партийных комитетов. По данным справки о характере писем, поступивших в Алтайский крайком КПСС за 12 месяцев 1974 г., всего было зарегистрировано 4346 писем. В их числе наибольший удельный вес составляли письма об улучшении жилищных условий — 977 (22,5 %) и о работе предприятий торговли общественного питания и бытового обслуживания — 749 (17,2 %). Немалую роль в потоке писем играли жалобы на «неправильное поведение и злоупотребления некоторых руководящих работников». Таковых за 1974 г. насчитывалось 260 или 6,0 процентов¹. Приведенные цифры наглядно показывают восприятие населением места и роли партийных органов в системе власти: авторы писем верили в эффективность работы аппарата крайкомов и обкомов КПСС, рассматривали их как последнюю инстанцию при решении сложных социально-бытовых вопросов.

Нередко жалобы на сложившуюся в регионах ситуацию рядовые коммунисты направляли непосредственно в ЦК КПСС. Темы, по которым приходилось обращаться в высшую партийную инстанцию, иногда затрагивали острые политические вопросы, в числе которых немалое значение отводилось проводимой в Сибири национальной политике. В октябре 1965 г. было подготовлено письмо от имени коммунистов, работавших в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе, в котором говорилось о невнимательном отношении к бурятской части населения Иркутской области. По мнению авторов письма, в области «был сильно развит великорусский шовинизм, пережитки его жили до сих пор. Не представляет большой трудности встретиться с фактами проявления, присущими этим выходкам — в словесных оскорблениях. [...] В партийных, советских, профсоюзных и других организациях не

¹ ГААК. Ф.П-1. Оп. 121. Д. 455. Л. 70.

работают буряты»¹. Сложившаяся ситуация привела к тому, что «родные края покинули сотни тысяч людей и поселились в городах Восточной Сибири, большей частью в городах и селах Бурятской АССР и Читинской области».

Подобное письмо требовало реакции со стороны аппарата Иркутского обкома КПСС, который подготовил справку в ЦК партии о проводимой работе с национальными кадрами в Усть-Ордынском Бурятском национальном округе. Составители попытались дезавуировать самые серьезные упреки, отметив, что в партийных, советских, общественных и хозяйственных организациях округа на руководящих должностях в большинстве находятся кадры коренной национальности. Так, в окружном КПСС они составляли 70,0 %, окрисполкоме — 69,0 %, окружном ВЛКСМ — 50,0 %. Даже в среде интеллигенции округа было 66,0 % учителей из бурят и 53,0 % врачей². Несоответствующим действительности был назван и факт вынужденных выездов бурят из округа.

Следует заметить, что сложившаяся система коммуникации имела не только «вход» (поступление информации с мест), но и «выход» (реагирование на «сигналы», проведение агитационно-пропагандистских мероприятий). Особенностью политического информирования сибирских коммунистов во второй половине 1960-х годов являлась формализация лекций и бесед, проводимых по линии общества «Знание». За лекторами крайкомы и обкомы партии вели негласный надзор, результатом которого становились оперативные сигналы как в само общество «Знание», так и в организации, где трудились внештатные пропагандисты. Показательным является письмо заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Бурятского обкома КПСС М. Гаськова, который информировал секретаря парткома МВТУ имени Баумана о «дезориентирующих лекциях», которые читал аспирант училища А.Н. Петров. Последний позволял себе очень смелые высказывания о тяжелом экономическом положении советского государства, о том, что И.В. Сталин дал указание о физической расправе с С.М. Кировым, о недемократичности советской избирательной системы³. В конечном итоге отдел пропаганды и агитации Бурятского обкома КПСС предупредил работников республиканского

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 100. Д. 1. Л. 75.

² Там же. Л. 69.

³ НАРБ. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 7293. Л. 44.

общества «Знание», дававших путевки для выступления лектору, о недопустимости подобной «дезориентации слушателей».

Следует заметить, что партийные органы уделяли большое внимание оценкам «большой политики» со стороны населения, включая проживавших в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока. Сбор и систематизация подобной информации ныне может показаться неоправданным, лишенным смысла. Однако в понимании партийных руководителей жизнеспособность советской политической системы зависела не от уровня удовлетворенности населения качеством жизни, а от убежденности в преимуществах социалистического образа жизни. Для ЦК КПСС весьма важным представлялось получение регулярной информации об ознакомлении партийного актива регионов с закрытыми письмами, важными документами, принятыми высшими партийно-государственными инстанциями. В 1967 г. из регионов направлялась информация о проведении собраний партийного актива по итогам декабрьского (1966 г.) пленума ЦК КПСС, в которых выражалось одобрение решения «О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения». Одобрение линии ЦК, засвидетельствованное первыми секретарями крайкомов и обкомов, в информации дополнялось сведениями о заданных вопросах, которые касались повседневной жизни. Так, в информации из Тюменского обкома КПСС отмечалось, что на одном из активов был задан вопрос «Будут ли снижены цены на продукты питания к 50-летию Советской власти?»¹.

В 1969 г. такая информация направлялись в связи с обострением ситуации в Чехословакии. Общая тональность информационных материалов сводилась к одобрению деятельности ЦК КПСС. Как отмечалось в одном из документов руководства Бурятского обкома КПСС, выступавшие на собраниях партийного актива «клеят позором деятельность антисоциалистических элементов в Чехословакии и выражают уверенность, что их деятельность будет решительно пресекаться». Впрочем, в оригинале документа с визой первого секретаря А.У. Модогоева его рукой были вычеркнуты вопросы, которые не вписывались в привычный формат обсуждений: «Какое количество воинов Советской армии погибло в Чехословакии при выполнении своего интернационального долга?», «Почему так долго продолжаются беспорядки в Чехослова-

¹ ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 184. Д. 67. Л. 50.

кии?»¹. Наличие редакционных правок со стороны первого секретаря обкома в очередной раз позволяет убедиться, что работники аппарата ЦК КПСС, включая и руководящий состав, получали искаженную картину общественных настроений, выступали «интерпретаторами интерпретаций».

Еще одной формой коммуникации партийных органов с населением являлось обсуждение проектов директив съездов партии. По итогам обсуждений на областных, городских и районных активах региональными комитетами партии готовилась информация для ЦК КПСС. Подобные документы нередко становились средством выражения региональных интересов, когда обострившиеся социально-экономические проблемы и необходимые инфраструктурные проекты подавались как просьбы и предложения рядовых коммунистов. Например, при обсуждении проекта директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966–1970-е годы в Иркутской области геологи Иркутска считали целесообразным начало строительства Тайшетского металлургического комбината, Рудногорского карьера на базе Савинского месторождения магнезита, строительство горно-обогажительного комбината и завода по обжигу магнезитов². Подобные предложения далеко не всегда были выражением мнения отдельных коммунистов. Формат документов предоставлял неограниченные возможности по редактированию цитат, высказанных предложений и пожеланий. Нередко за идеи граждан выдавались важные социально-экономические проекты, исходившие непосредственно от партийных руководителей: упомянутый проект строительства Тайшетского металлургического комбината активно лоббировался как со стороны первого секретаря Иркутского обкома КПСС, так и со стороны отраслевого министерства.

Следует заметить, что рамки проводимых информационных кампаний по обсуждению директив допускали многообразие форм презентации откликов граждан. В Омском обкоме КПСС предложения коммунистов были классифицированы по адресатам, ответственным за принятие необходимых решений. Немало инициатив с мест касалось активизации социальной политики, снижения налогового бремени и предоставления льгот отдельным категориям населения. Так, рабочие, инженерно-технические работники

¹ НАРБ. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 7676. Л. 73.

² ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 100. Д. 5. Л. 6.

ТЭЦ № 1 предлагали отменить подоходный налог с заработной платы и налог за бездетность, увеличить очередные отпуска для рабочих. На собраниях промышленных предприятий вносились предложения о бесплатном пользовании городским транспортом и бесплатном питании для учащихся в школах¹. В адрес министерства социального обеспечения вносилось предложение о назначении пенсий по старости женщинам в 50 лет при стаже работы в 25 лет, мужчинам в 55 лет при стаже работы 30 лет. Также высказывалась идея об установлении пенсионного возраста для колхозников на уровне рабочих и служащих.

Инициативы в отношении системы образования от омских преподавателей фиксировали потребность в диверсификации учебных планов педагогических вузов, сокращении сроков подготовки специалистов со средним специальным образованием. Высказывались идеи о подготовке педагогическими вузами преподавателей музыки, рисования и танцев, а также сокращения сроков обучения в техникумах со средним образованием до 2,5 лет². В то же время предлагалось установить срок подготовки врачебных кадров в медицинских институтах в пять лет, а срок их отработки по направлению увеличить до пяти лет. В адрес министерства культуры СССР поступило предложение об увеличении заработной платы работникам культурно-просветительных учреждений на селе.

Информации с мест об обсуждении директив позволяли работникам аппарата ЦК КПСС получать информацию и о вопросах, которые волнуют коммунистов на местах. Традиционно подобные документы завершались перечнем вопросов, которые задавались на партийных активах. В 1966 г. актуальными были, например, такие: «Когда будет завершён переход на пятидневную неделю?» «Будет ли снижена плата за электроэнергию в быту?» «Как будет повышаться заработная плата и будут ли снижены цены на продовольственные товары?» «Почему цифры в Директивах расходятся с цифрами программы КПСС на 1970 год?»³. Документы аппарата ЦК КПСС свидетельствуют о том, что обсуждение директив было реальным механизмом использования общественной инициативы по формированию направлений социально-экономической политики. Бесспорно, большинство инициатив блокировалось в процес-

¹ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 261. Л. 15.

² Там же. Л. 25.

³ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 100. Д. 5. Л. 10.

се ведомственных споров, экспертизы со стороны Госплана СССР и отраслевых отделов ЦК КПСС. Вместе с тем, повторяемость многих предложений от различных краевых и областных комитетов КПСС требовало поиска компромиссов, учета мнения населения отдельных экономических районов страны.

Общественное мнение сибиряков во второй половине 1960-х годов формировалось под влиянием идей о необходимости закрепления кадров в восточных регионах РСФСР. В связи с этим требовалась четкая программа по предоставлению материальных преимуществ трудящимся регионов Сибири и Дальнего Востока. Обобщение этих предложений становилось особой заботой региональных комитетов КПСС. В Иркутской областной парторганизации коммунисты высказывали предложения ввести поясной коэффициент трудящимся Сибири, рассмотреть вопрос о восстановлении льгот лицам, проживающим в районах крайнего Севера и приравненных к ним, увеличить строительство санаториев, домов отдыха и туристических баз в Сибири, а также жилья и детских учреждений¹.

В Омском обкоме КПСС в 1971 г. сельскохозяйственный отдел провел специальный опрос руководителей и специалистов областных организаций, совхозов и колхозов области, расположенных в различных климатических зонах. Целью опроса стало определение причин текучести населения и предложения по закреплению кадров в Сибири. В подготовленной по итогам исследования справке были выделены причины, влияющие на отток населения из Сибири и предлагаемые меры. В числе последних называлось повышение поясного коэффициента и распространение его на работников всех отраслей народного хозяйства. Опрошенные респонденты предлагали продумать систему стимулирования деторождаемости (ввести оплату труда с учетом количества членов семьи, снизить цены на детские товары, оплачивать бюллетени по болезни ребенка, увеличить послеродовой оплачиваемый отпуск), а также пересмотреть оплату труда работников народного образования, культурно-просветительских учреждений и медицины². Далеко не все предложения по закреплению кадров, исходившие от населения Сибири, рассматривались в высших партийно-государственных инстанциях всерьез, однако

¹ ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 100. Д. 5. Л. 8–9.

² ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 1169. Л. 4–6.

количество и многообразие высказанных идей демонстрировали активное вовлечение населения в процесс корректировки региональной политики.

Большинство руководителей идеологической сферы хорошо сознавали нарастающее противоречие в общественном сознании, которое проявлялось, с одной стороны, в убежденности преимуществ социалистического образа жизни, но с другой, — в очевидном недовольстве повседневным товарным дефицитом. В справке «О политическом настроении трудящихся области», подписанной первым секретарем Омского обкома КПСС С.И. Манякиным 31 января 1969 г., в качестве негативного обстоятельства называется «много нареканий на недостаточное снабжение текстильными и швейными товарами, обувью и детской одеждой, особенно теплыми вещами. Не полностью удовлетворяется спрос на мебель, холодильники, стиральные машины, мотоциклы и т.д.»¹. Однако при этом в документе говорится, «что трудящиеся области правильно понимают вопросы внутренней и международной политики, трезво оценивают обстановку». Апелляция к временным трудностям, сложившимся региональным особенностям должны были закрепить у населения уверенность в том, что соотношение спроса и предложения в торговле промышленными и продовольственными товарами является научно выверенным, позволяет удовлетворить все возникающие потребности.

Однако время шло, а количество нареканий по поводу нарастания товарного дефицита меньше не становилось. Так, в документе об итогах обсуждения директив очередного съезда, подготовленном в Бурятском обкоме КПСС в 1971 г., зафиксированы вопросы, которые задавали в трудовых коллективах: «Как будет удовлетворяться спрос населения на легковые автомобили и мотоциклы?», «Почему не хватает мяса? Когда будет решена эта проблема?», «Почему в продаже мало бывает таких предметов домашнего обихода, как мясорубки, электроутюги, фарфоровая посуда, полотенца?»². Порок сложившейся системы управления прежде всего состоял в том, что инстанции, владевшие правом принятия решений по социально-экономическим вопросам, по партийным каналам были хорошо осведомлены о потребностях регионов, но не реагировали на общественные запросы адекватно.

¹ ЦДНИИО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 777. Л. 4.

² НАРБ. Ф.1-П. Оп. 1. Д. 7858. Л. 99.

Этот тезис убедительно иллюстрируется и на примере информационного обеспечения советских избирательных кампаний. Подготовка выборов в Верховный совет СССР являлась важнейшим и наиболее массовым источником изучения общественных настроений. Как организационное, так и агитационно-пропагандистское сопровождение избирательных кампаний проводили отделы республиканских комитетов КПСС. По итогам подготовки к выборам также готовились информации в ЦК КПСС с перечнями вопросов, которые задавались во время встреч с кандидатами в депутаты, их доверенными лицами. Вопросы разбивались по тематике и всегда визировались секретарем крайкома / обкома. Преобладали в основном вопросы социально-культурного и хозяйственного плана. Например, в информации Тувинского обкома КПСС от 5 июня 1970 г. в числе вопросов значились: «Причина перебоев в торговле мясом и молоком и почему торгуют расфасованным мясом?», «Чем объяснить недостаток мест в детских садах и яслях?», «Чем объяснить, что мало поступает в продажу легковых машин, мотоциклов, ковровых изделий, пиал?»¹.

Другой важный канал изучения общественного мнения в рамках избирательных кампаний связан с надписями на бюллетенях. Это привычный для системы партийной информации источник, который в масштабе страны объективно показывал социально-экономическую ситуацию в регионах. В списке «наиболее характерных надписей, сделанных избирателями на бюллетенях в день выборов в Верховный совет СССР» в 1974 г. по Омской области, весьма часто фигурировали «жилищные». В адрес кандидата в депутаты союзного министра В.С. Федорова делались следующие наказания: «Просим Вас, боритесь, чтобы не было в городе Омске барачков», «Мы Вас очень просим помочь, чтобы мы пожили в благах, из этих барачков ушли», «Просим ускорить расселение барачков», «Мы, жители, барачков, обращаемся к Вам, как к депутату с просьбой — помочь выселиться из барачков, так как у нас дети больные»².

Кроме «жилищных наказов», весьма популярной была тематика преодоления товарного дефицита и снижения розничных цен: «Голосую за снижение цен на все продовольственные и промышленные товары», «Пожелание установить нормы цен не фрукты,

¹ ЦГАРТ. Ф.П-2. Оп. 1. Д. 2377. Л. 45, 46.

² ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 1853. Л. 30.

которые продают на базаре», «Больше мяса, гуще сметану», «Чтоб было мясо в магазинах»¹.

Наконец, в рамках избирательной кампании 1974 г. проявились темы экологического загрязнения и политической несостоятельности выборов в Верховный совет СССР: «Слуги народа, примите меры для уменьшения загазованности воздуха», «Пора изменить форму выборов, а эти расходы пусть идут на детей», «Кого вычеркивать? Кандидат-то один». И вновь составители информационных обзоров стремились демонстрировать подобные высказывания как нетипичные, высказанные обиженными на советскую политическую систему гражданами.

Помимо избирательных кампаний вопросы и пожелания широких масс партийных и беспартийных активистов фиксировались на лекциях, которые проводили работники партийных органов. В первой половине 1980-х годов отделы пропаганды и агитации региональных комитетов КПСС ежеквартально готовили для бюро перечни актуальных вопросов, поступивших докладчикам и лекторам партийных комитетов на семинарах, единых политднях, в трудовых коллективах. Например, во втором квартале 1984 г. по Иркутской областной парторганизации перечень насчитывал 52 вопроса, которые были систематизированы по трем направлениям — «Социально-экономические проблемы», «Вопросы по городу Иркутску», «Международное положение СССР. Контрпропаганда». Кроме тем, имеющих сугубо местное значение («Рассматривается ли в областных организациях вопрос об улучшении водоснабжения г. Черемхово?», «Почему в магазинах г. Усолжья-Сибирского трудно купить молочные продукты, хотя район перевыполняет план по производству молока и мяса?») участники встреч с лекторами интересовались и мало освещаемыми темами внутривнутриполитической жизни («Работает ли в области репертуарная комиссия, как формируется репертуарный план кинотеатров, почему так много на экранах западной кинопродукции?», «Многотиражные газеты не могут критиковать на своих страницах партийных, советских работников. Не снижает ли это контрпропагандистской направленности местной прессы?»)². Данный канал информации с учетом многочисленных сопоставлений и взаимопроверок позволял региональным комитетам КПСС оперативно

¹ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 1853. Л. 31.

² ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 115. Д. 93. Л. 63, 65.

реагировать на возникавшие проблемы, доводя актуальные вопросы до отраслевых и функциональных отделов аппарата Центрального Комитета.

Таким образом, в середине 1960-х – первой половине 1980-х годов функционировала многоступенчатая система форм и каналов коммуникации региональных комитетов КПСС с рядовыми коммунистами и беспартийными. Ее эффективность и целесообразность на разных этапах зависела от степени осознания высшим партийно-государственным руководством ценности предложений, замечаний и жалоб, высказанных на местах. В масштабах СССР проводимые информационные кампании по одобрению проводимой политики КПСС выполняли стимулирующую роль, позволяя в каждом конкретном случае демонстрировать убежденность населения в правильности действий руководства. В то же время из материалов крайкомов и обкомов КПСС Сибири хорошо видно желание региональных лидеров использовать сложившиеся формы коммуникации в качестве средства для постановки и решения социально-экономических проблем территорий. Любые общественные обсуждения — выборов в Верховный совет, директив к очередному партийному съезду и т.п. — использовались как возможность заявить о проблемах и недостатках, основываясь на мнении рядовых тружеников. Однако подобный канал коммуникации, несмотря на его значимость и репрезентативность, работал неэффективно: многие конкретные предложения, доведенные до аппарата ЦК КПСС, как и отраслевых министерств и ведомств, «тонули» в процессе бесчисленных согласований.

Информационные материалы региональных комитетов КПСС также позволяют судить о практике многоуровневой фильтрации негативной информации, поступавшей от населения. Недовольство нараставшим дефицитом продовольственных и промышленных товаров, сложной криминогенной и экологической ситуацией, трудными социальными и жилищными условиями на каждом новом уровне власти корректировалось в информационных письмах и подавалось как мнение «отдельных граждан», а не как отражение в массовом сознании реально существующей ситуации.

Парадокс внутрипартийной коммуникации состоял в противоречии между объективной потребностью власти в знании общественных настроений и способностью партийных органов к

выстраиванию «обратных связей», эффективному реагированию на запросы населения. Располагая возможностью получения самой разнообразной информации, используя многочисленные формы изучения и обобщения мнения конкретных граждан, партийные органы демонстрировали стойкую неспособность корректировать проводимую социальную и экономическую политику. Нарастание ощутимой дистанции между конъюнктурной позицией власти и сложившимся общественным мнением стало одной из причин институционального кризиса КПСС к середине 1980-х годов.

РЕФОРМА СИСТЕМЫ СОВЕТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ НА РУБЕЖЕ 1980–1990-Х ГОДОВ

В статье сделана попытка оценить особенности трансформации республиканских государственных органов Бурятии в последние годы существования Советского Союза. Исследованы причины, этапы и результаты реформ властных структур. Выявлено, что становление новых основ работы органов власти Республики Бурятия происходило в сложных условиях. Процесс разграничения функций партийных и государственных органов, возрождение полномочия Советов сопровождались нарастанием противоречий между высшими российскими и союзными органами власти. Передача полномочий от областного комитета КПСС к высшему законодательному собранию Бурятии не всегда проходила успешно. Противостояние исполнительных органов и Верховного Совета Бурятской ССР стало оказывать негативное воздействие на нормальное функционирование экономики, органов власти и местного самоуправления.

Ключевые слова: органы власти, Республика Бурятия, Верховный Совет, реформы, закон.

На протяжении всей истории России и в особенности в XX столетии достижения и проблемы модернизации во всех сферах жизни общества во многом зависели от взаимодействия центральных и региональных государственных органов. Территориальные органы управления являлись исполнительным звеном реформаторских импульсов, инициируемых центральными властными структурами, и, следовательно, эффективное взаимодействие разных уровней власти в значительной мере определяло поступательное развитие страны и общества в целом. На рубеже 1980-х–1990-х годов демократизация и децентрализация власти оказали большое влияние на существовавшую систему управления, в том числе на региональном уровне, которая перестала носить унифицированный характер, приобретая свои отличительные особенности в каждом отдельном регионе. В этой связи представляется важным на конкретном примере проанализировать те изменения, которые произошли во властных структурах в результате возникновения принципиально новых исторических условий.

От изучаемых событий нас отделяет сравнительно небольшой по историческим меркам отрезок времени. В этой связи круг исследований, непосредственно затрагивающих данный вопрос,

является довольно ограниченным. В публикациях М.Н. Балдано, Д.А. Ивайловского, А.А. Елаева, О.Н. Каткова, Д.С. Санжиевой и др. освещались отдельные аспекты деятельности республиканских органов власти. Однако на современном этапе по-прежнему существует ряд малоисследованных аспектов и сюжетов проблемы, представляющих большой интерес для исторической науки, к которым относится и трансформация системы Советов.

Источниковой базой исследования стали как опубликованные, так и неопубликованные материалы, которые включают в себя законодательные акты, сведения, извлеченные из делопроизводственной документации, периодическую печать.

Как известно, статус автономных республик в СССР формально определялся положениями Конституций союзного государства и союзных республик. Они считались советскими социалистическими государствами, имели свои собственные Конституции, учитывавшие некоторые региональные и национальные особенности. В целом система управления народным хозяйством во всех автономных республиках была унифицированной и различалась лишь в деталях. Высшими органами власти последних являлись однопалатные Верховные советы, на сессиях которых избирались члены Президиумов. Последние являлись постоянно действующими органами, осуществлявшими некоторые функции высших законодательных собраний в период между сессиями¹. Председатель Верховного совета, его заместители, руководители комиссий и все народные депутаты являлись лицами, работающим на непостоянной основе. В Республике Бурятия они избирались от 170 одномандатных избирательных округов с равной численностью населения. Советы министров — правительства являлись исполнительными и распорядительными органами, которые были вправе издавать постановления и распоряжения на основе и во исполнение нормативных актов вышестоящих властных структур, и проверять их исполнение. При этом каждое министерство и ведомство автономных республик являлось структурой двойного подчинения.

Становление новых основ деятельности органов власти Республики Бурятия (РБ) на рубеже 1980–1990-х годов происходило в сложных условиях. Летом 1988 г. на XIX конференции КПСС была

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные законы) Союзных Советских Социалистических Республик. М., 1985. С. 87.

заявлена и в последующем реализована реформа Советов народных депутатов (СНД). Прежде всего предполагалось четко разграничить функции партийных и государственных органов. Было принято решение о ликвидации в последующем в партийных комитетах отраслевых отделов, курировавших различные отрасли экономики. Партии следовало сосредоточить свое внимание в основном на политической и идеологической работе. В перспективе планировалось возродить полномочия Советов за счет реорганизации руководства местными делами на принципах самоуправления, самофинансирования и самообеспечения, увеличения налоговых отчислений в территориальные бюджеты от всех предприятий независимо от их подчиненности. Была поставлена задача передать в ведение местных Советов предприятий, продукция которых была направлена на удовлетворение потребностей населения, и наделить их правом размещать государственные заказы в неподведомственных хозяйственных организациях. Наряду с введением альтернативных выборов и передачей ряда функций от партийных органов Советам с начала 1990 г. в отдельных административных и национальных образованиях РСФСР в порядке эксперимента стал вводиться хозрасчетный механизм на основе самоуправления и самофинансирования.

Обсуждение проблем перехода экономики и системы управления Республики Бурятия на подобные принципы началось в конце 1980-х годов. Идея о необходимости реформирования органов власти БАССР и расширения их полномочий впервые была озвучена в статье, напечатанной в газете «Правда Бурятии» 13 октября 1989 г., автором которой являлся кандидат экономических наук И.Т. Павлов. В этой статье главным фактором падения темпов роста производства назывались ограниченные полномочия республиканских (АССР) государственных органов¹. В возникшей по этому поводу общественной полемике приняли участие представители директорского корпуса, государственные деятели и ученые.

Весной 1990 г. Верховным советом СССР стали приниматься нормативные акты, призванные отрегулировать новый характер взаимоотношений центра с национально-территориальными образованиями. Законы «Об основах экономических отношений СССР, союзных и автономных республик», «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации», «О собственно-

¹ Ждать? Действовать! // Правда Бурятии. 1989. 13 октября.

сти в СССР» должны были послужить основой для расширения самостоятельности последних¹.

Однако провозглашение суверенитета Российской Федерации, Верховный совет которой стал самовольно расширять свои полномочия путем переподчинения предприятий и организаций, расположенных на ее территории, принятие программы перехода к рыночной экономике углубили противостояние российских и союзных органов власти и окончательно дезорганизовали итак слабоуправляемый процесс трансформации административно-командной системы. Согласно Декларации о суверенитете Верховный совет РСФСР признал необходимым существенно расширить права автономных республик, автономных областей, автономных округов и административно-территориальных образований в политической и экономической сферах. В дальнейшем были приняты нормативные акты, которые увеличили компетенцию региональных органов власти, в частности, в отношении природных, водных и земельных ресурсов, а также толкования и правомерности применения в некоторых случаях союзного законодательства².

Разрастание противоречий между высшими российскими и союзными органами власти привело к т.н. «войне законов». Руководство РСФСР активно отстаивало право на часть общесоюзной собственности, требовало увеличить налоговые выплаты с хозяйствующих субъектов вышестоящего подчинения, настаивало на верховенстве республиканского (РСФСР) законодательства и т.д. Кроме того, Верховный совет России во главе с Б.Н. Ельциным фактически открыто поддержал суверенизацию национально-территориальных образований³. В результате процесс расширения самостоятельности регионов принял хаотический и нередко ситуационный характер. Провозглашение в РСФСР необходимости перехода к рынку в совокупности с расширением независимости территорий

¹ Рабко Т.А., Толстая Т.М., Федоров А.В. Договоры между Российской Федерацией и ее субъектами: проблемы и перспективы. М., 2001. С. 5–6; Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма: уч. пос. М., 2000. С. 59.

² Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 21. С. 282–283; № 22. С. 305–307.

³ См.: Матвеев М.Н. Советская власть Самары в 1991–1993 гг. Самара, 2006. С. 10; Разуваева Н.Н. Россия на рубеже XXI века: политические потрясения и эволюция власти. Уфа – Москва, 2003. С. 103–104; Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. М., 1996. С. 262.

поставили на повестку дня вопрос о внесении изменений в структуру и полномочия органов власти и управления БАССР.

Еще на первой сессии Верховного совета БАССР 12-го созыва (избранного на альтернативной основе), которая началась 22 апреля 1990 г., были поставлены вопросы о путях дальнейшего развития Бурятии в меняющихся условиях, судьбе высшего законодательного органа республики, его полномочиях. В целях повышения эффективности в принципы его функционирования были внесены изменения, о необходимости которых говорилось еще на XIX Всесоюзной конференции КПСС: председатель Верховного совета и его первый заместитель стали постоянно работающими лицами. Если ранее президиум был выборным органом, то теперь он стал формироваться по должностному принципу; в его состав, кроме председателя и заместителей, вошли также руководители комиссий. Статус последних значительно повысился, они стали постоянными и возглавлялись теперь освобожденными от основной работы народными депутатами¹.

Стал меняться характер взаимоотношений Верховного совета и Совета министров республики. Однако в целом процесс передачи полномочий от областного комитета КПСС высшему законодательному собранию Бурятии не всегда проходил успешно. Добиться его реального верховенства над министерствами и ведомствами, которые традиционно подчинялись вышестоящим государственным органам и партийным структурам, было непросто. Подобное положение складывалось во многих регионах страны². Противостояние правительства и Верховного совета в последующие годы стало оказывать негативное воздействие на нормальное функционирование экономики, органов власти и местного самоуправления, а также и этнополитическую ситуацию.

В сентябре 1990 г. был подготовлен проект программы неотложных мер по стабилизации экономики БАССР. В нем было признано, что существующая организация органов власти и управления не соответствует требованиям обеспечения реформ и указывалось на необходимость в кратчайшие сроки провести ее перестройку. В программе была озвучена идея о необходимости и важности создания, во-первых, комитета экономики, который бы

¹ Во главу угла — интересы людей. // Правда Бурятии. 1990. 29 апреля.

² См., например: *Буянов Е.В.* Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 1980-х – 1990-е гг.). Благовещенск, 2001. С. 107–108.

полностью отвечал за проведение социально-экономических преобразований. В его ведение должны были быть переданы функции регулирования всей экономической жизни в республике на период перехода к рынку, под его руководство планировалось перевести Госплан, Министерство финансов, Госкомцен и Госкомтруд¹.

Этот комитет должен был быть наделен чрезвычайными полномочиями, в его составе было необходимо в короткие сроки образовать министерство сельского хозяйства, комитеты по управлению государственным имуществом, антимонопольный, по поддержке малых предприятий, а также занятости и организации общественных работ. В проекте говорилось о необходимости утверждения в основе новой структуры органов власти БАССР функционального, а не отраслевого принципа. В этой связи была озвучена необходимость преобразования многих министерств в межотраслевые госкомитеты. Особое значение придавалось разграничению полномочий между Верховным советом и Советом министров. Последний мог быть временно наделен дополнительными правами на определенный, заранее оговоренный период.

В последующем проблема структурных изменений органов управления региональной экономикой становится все более актуальной. Реформа партийных структур, ликвидация отраслевых отделов обкомов, наряду с расширением прав республик в хозяйственной сфере требовали, более четкого определения компетенции региональных органов власти. Кроме того, началась передача в подчинение территориальным органам власти некоторых министерств и ведомств с соответствующими предприятиями и организациями. Например, осенью 1990 г. восемь отраслей народного хозяйства были переданы БАССР, в том числе агропромышленный комплекс.

Пользуясь тем, что республика стала самостоятельной в определении структуры и функций органов управления, Председатель правительства В.Б. Саганов на второй сессии Верховного Совета (8–16 октября 1990 г.) подробно изложил примерные цели и план перестройки Совета министров. Важнейшей задачей государственной власти на всех уровнях провозглашалось обеспечение высокой степени социальной защищенности граждан, предоставление государственной поддержки нетрудоспособным и социально уязвимым слоям обществ, что, впрочем, изначально

¹ НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3412. Л. 32.

являлось главной целью реформы управленческих структур на региональном уровне.

В условиях рынка требовалось изменить механизмы руководства предприятиями и организациями. Поэтому В.Б. Саганов высказал мысль о том, что исполнительная власть не должна принимать прямого участия в функционировании хозяйствующих субъектов (за исключением некоторых специфических областей) и обязана содействовать формированию среды, благоприятной для их деятельности, осуществлять упреждение таких негативных последствий реформ, как падение уровня производства, чрезмерный рост социальной дифференциации, нивелировать неравномерности в экономическом развитии районов¹.

Утвержденная высшим законодательным собранием новая структура Совета министров, по мысли ее разработчиков, соответствовала целям и задачам, которые были поставлены перед исполнительными органами, и способствовала бы более эффективной реализации принятых решений и законов. В результате прошли реорганизацию ряд министерств, созданы новые госкомитеты². Немалое значение стало придаваться изучению государственными служащими основ функционирования рыночной экономики. Органы власти теперь должны были непосредственно содействовать подготовке и повышению квалификации кадров для работы в новых условиях. Решить эту проблему предполагалось путем использования услуг научных учреждений, в частности, Московского института народного хозяйства им. Плеханова, Академии народного хозяйства при Совете министров СССР, которые сами предложили проводить обучение республиканских специалистов путем проведения семинаров в БАССР выездными группами профессорско-преподавательского состава. Также планировалось посылать работников на курсы повышения квалификации, организуемые при различных вузах страны, ассоциациях и концернах. Новая система управления была рассчитана на полтора — два года и должна была стать координирующим центром в условиях перехода к рынку.

Трансформация экономических взаимоотношений в народном хозяйстве СССР привела к созданию совершенно новых структур. Например, Государственному комитету по экономической рефор-

¹ Вторая сессия Верховного совета (ВС) БССР (12 созыв) 8–16 октября 1990 г. Стенограф. отчет. Улан-Удэ, 1990. С. 91–93.

² Там же. С. 417–418.

ме и местному самоуправлению были переданы функции формирования рыночной инфраструктуры, управление процессом перехода экономики республики и ее административных образований к рынку, содействие процессу изменения системы власти на местном уровне¹. Совершенно новым ведомством стал Госкомитет по земельной реформе. Госкомитет БССР по геологии, энергетике и использованию минерально-сырьевых ресурсов был призван осуществлять государственное регулирование, координацию и перспективное планирование в этих отраслях². В условиях реформ возникла потребность в установлении более тесных контактов между правительствами России и Бурятии. В июле 1990 г. было создано представительство республики при Совете министров РСФСР, в задачи которого вошли осуществление контактов с хозяйствами, научными и общественными организациями, содействие решению вопросов дальнейшего подъема культуры и развития производительных сил в БАССР³.

К концу 1991 г., особенно после августовских событий и близкой перспективы начала радикальных экономических реформ, назрела необходимость в проведении новых изменений в структуре правительства. Вероятность продолжения переговорного процесса по поводу создания союзного государства на обновленной основе после путча была сведена к минимуму. В связи с этим предприятия и организации министерств и ведомств СССР стали явочным порядком переходить под юрисдикцию государственных органов союзных республик⁴.

В конце декабря 1991 г. вступил в силу закон, согласно которому были ликвидированы и преобразованы некоторые министерства и ведомства⁵. В целях максимальной централизации и экономии всех фондов, Бурятскагропромсоюз, занимавшийся распределением государственных средств для АПК, был объединен с министерством сельского хозяйства и продовольствия. Одной из главных причин этой реорганизации стало возникшее положение, при котором правительство было вынуждено выпрашивать у колхозов и совхозов продукты питания для обеспечения населения (в

¹ НАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 5081. Л. 77–83.

² НАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 5083. Л. 62–67.

³ НАРБ. Ф. 248. Оп. 1. Д. 4699. Л. 81–85.

⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34. С. 1417–1419.

⁵ НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3441. Л. 50.

условиях кризиса сельхозпроизводители стремились продавать свою продукцию с большей выгодой либо в других регионах, либо по более высоким рыночным ценам)¹. Совет министров Бурятии также поставил под свой контроль Бурятглавснаб, который был передан в ведение правительства БССР и Госкомобеспечения РСФСР, став организацией двойного подчинения.

Рост центробежных тенденций, ухудшение управляемости народнохозяйственными процессами, вполне реальная опасность резкого снижения экономических показателей и уровня жизни населения после проведения либерализации цен обусловили необходимость повышения уровня оперативности в решении вопросов, связанных с народным хозяйством и социальной сферой. Слабость исполнительной власти и неэффективность системы Советов признавались причинами многих негативных последствий для страны. В этой связи многие республики в составе РСФСР предприняли шаги по введению президентского формы правления.

С этим институтом в Верховном совете БССР связывались надежды на преодоление диктата центра, обретение реального суверенитета и возможность с меньшими потерями выйти из экономического и политического кризиса². Вопрос о введении поста главы республики решался осенью–зимой 1991 г. на сессиях Верховного совета. После длительных дискуссий законодательное собрание приняло постановление, в котором было признано необходимым принять меры по укреплению исполнительной власти, способной взять на себя работу по проведению необходимых преобразований³. Окончательное рассмотрение этого вопроса было перенесено на шестую сессию Верховного совета, с этой целью была образована комиссия для более детальной его проработки. В результате были подготовлены три проекта законов: «О Президенте БССР», «О выборах Президента БССР», «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного закона) БССР в связи с учреждением поста Президента БССР».

Согласно этим нормативным актам Президент должен был стать главой республики, правительства и всей исполнительной власти. Занять эту должность мог гражданин БССР не моложе 35 лет и не старше 65 лет, проживающий на ее территории, об-

¹ Игумнов И. Как бороться с «безотцовщиной» // Правда Бурятии. 1991. 20 ноября.

² НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3438. Л. 251–256.

³ Там же. Л. 256–261.

ладающий избирательным правом и владеющий государственными языками Бурятии, способный по состоянию здоровья выполнять возложенные на него обязанности. Президент избирался гражданами БССР на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании на пять лет. Одно и то же лицо не могло занимать этот пост более двух сроков подряд¹.

Одновременно с Президентом избирался вице-президент. Он должен был выполнять отдельные поручения главы республики и замещать его в случае отсутствия или невозможности осуществления своих обязанностей. Законопроектом Президенту передавались большие полномочия, в частности, он наделялся правом руководить деятельностью исполнительной власти, представлять республику в отношениях с РСФСР, другими субъектами Российской Федерации и на международном уровне, водить чрезвычайное положение и пр. Однако парламентарии сочли необходимым сохранить сильную законодательную власть. Например, за Верховным советом сохранялись права отменять любые указы высшего должностного лица, отрешать его от должности и др. В случае введения поста Президента государственная власть в БССР претерпела бы существенную трансформацию. Введение этой должности в значительной степени укрепило бы исполнительную власть, что было особенно необходимо на начальном этапе радикальных реформ.

При обсуждении представленных проектов законов в высшем представительном собрании БССР возникла острая полемика. Многие депутаты выступали против введения президентской формы правления, аргументируя это тем, что она не сможет способствовать улучшению экономической ситуации, и что население не готово к подобной перестройке власти. Множество споров в Верховном совете вызвали положения, устанавливающие повышенный возрастной ценз для кандидатов на данный пост, обязательность владения государственными языками и пр. Тем не менее, нормативные акты, регламентирующие полномочия высшего должностного лица и порядок его избрания были приняты, однако, до внесения соответствующих поправок в Конституцию, которые было решено осуществить в 1992 г., было предложено не проводить выборов. Несмотря на это, на седьмой сессии, проходив-

¹ НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3441. Л. 21.

шей в феврале 1992 г., запланированные изменения и дополнения в Основной закон внесены не были¹.

Между тем, реальная перспектива резкого ухудшения экономической ситуации в связи с предстоящей либерализацией цен, вынудила депутатов пойти на увеличение прерогатив исполнительной власти. На шестой сессии Верховного совета БССР компетенция председателя Совета министров существенно расширилась. Он получил право представлять республику за рубежом, в отношениях с РСФСР и другими регионами, участвовать в принятии решений с Президентом и правительством России, назначать и отзывать представителей Бурятии при высших органах федеральной исполнительной власти, вносить частичные изменения в структуру и состав Совета министров, обращаться в Конституционный суд БССР с предложением дать заключение о соответствии республиканским законам нормативных актов РСФСР, а в необходимых случаях, с учетом его замечаний, опротестовывать их действие². Фактически глава правительства стал обладать полномочиями, сравнимыми с президентскими, однако в скором времени возникла проблема применения их на практике в связи с ухудшением взаимоотношений между Верховным советом и Советом министров республики.

Таким образом, перестройка государственного управления в СССР привела первоначально к существенной трансформации, а в последующем и к ликвидации командно-административной системы, что являлось одной из главных причин распада союзного государства. Проведение политических преобразований одновременно с хозяйственными в значительной степени дестабилизировало политическую и социально-экономическую ситуацию в стране и способствовало ослаблению центральной власти. Реформы региональных государственных органов, в основе которых лежали решения, принятые на XIX Всесоюзной конференции КПСС, оказались плохо продуманными (хотя в самом начале было очевидно, что изъятие властных полномочий у партийных органов может привести к непредсказуемым последствиям) и не могли привести к успеху в условиях слабых демократических традиций населения. Выяснилось, что именно КПСС являлась центральным стержнем, скреплявшим Советский Союз в единое целое, и факти-

¹ НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3488. Л. 133.

² НАРБ. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3441. Л. 43–44.

ческое отстранение ее от управления государством стало одним из главных просчетов руководства СССР.

Осуществленные реформы государственного управления в Бурятии в 1989–1991 гг. преследовали цель адаптировать существующий управленческий и властный механизмы к решению принципиально новых политических и экономических задач. Попытки эти носили во многом спонтанный и ситуативный характер и были вызваны, скорее, необходимостью ликвидировать бессистемность и неразбериху, создавшиеся после отстранения КПСС от реальных рычагов управления. Нормальному функционированию возникшей на месте прежней двухполюсной системы государственного устройства (Верховный совет и Совет министров) препятствовали конфликты в федеральном центре (противостояние Верховного совета и исполнительной власти). Это приводило к снижению эффективности работы управленческих структур, что непосредственно отражалось на деятельности хозяйствующих субъектов и муниципальных образований. Подобное положение дел сохранялось вплоть до принятия новой конституции республики в 1994 г.

SUMMARY

Power and Society in Siberia in the 20th century. Collection of scientific articles / Science Editor V.I. Shishkin. Novosibirsk: Parallel, Institute of History of SB RAS. Issue 6. 289 p.

The collection of articles is devoted to scientific issues associated with various aspects of relationships between power and society in Siberia in 1917–1991. In terms of their source base, theoretical and methodological approaches, categories and concepts used, the articles can be divided into two groups. The first group includes research works carried out within the traditional political history. The second group consists of articles written with due regard to achievements of political anthropology, history of everyday life, and sociology. As a result, new sources have been introduced, formerly understudied issues have been updated, and new conclusions have been made, which add to and broaden the traditional historiographical approach.

The collection of articles is intended for research scientists, university and college professors, postgraduates, and students in history.

Sheremetyeva D.L. The Revolution of 1917 in the Siberian journalists' walk of life

The article deals with professional mobility of authors and co-authors in the Siberian newspapers and magazines in March – October 1917. The numerical changes and staff members of a group of journalists is estimated. It is traced leading publicists' activity before and after the February Revolution. The revolution for the socio-professional group of journalists was not hit, breaks social feeds replenishment and selection. The explosive growth in the number of periodicals in 1917 was accompanied by about five-fold increase in the number of people employed in the field of journalism. The influx of non-professional authors in the Siberian newspapers and magazines reduced the overall journalistic culture. However, in 1917, they did not manage to become the «face of the profession». The core of professional journalism maintained its integrity, career of well-known writers developed. Life path Siberian journalists in the spring – autumn of 1917 were mainly on the uplink. However, journalism functioned as an available channel for upward social mobility, served as a stepping stone towards the integration of individuals into a new political and intellectual elite.

Keywords: journalism, Revolution, social lift, social mobility, Siberia.

***Zhuravlev V.V.* Concept of “Political Culture” in Modern Study of History of Revolution and Civil War in Russia**

The article focuses on the use of the concept of “political culture” in modern study of history of the Revolution and Civil War in Russia. It is concluded that the concept of “political culture” has become ingrained in the scientific tool-set of the Russian historiography of the revolution and civil war. Its use both provides important scientific results and is accompanied by certain issues associated with “historiographical fashion”. There is a need in further development of this concept, elaboration of its internal notional structure and external relations with similar concepts. The development of historical concept of political culture is necessary, which would be abstractive and strict enough to perform summarizing functions and specific enough not to turn into empty terminological “brand”.

Keywords: Historiography, historical science, political culture, scientific terminology, Revolution of 1917, Civil War in Russia, methodology of history.

***Shevelev D.N.* The organizational and functional evolution of informant institutions of the anti-Bolshevik governments of Eastern Russia (autumn 1918 – spring 1919): by trial and error**

In the article the stage of formation (autumn 1918 – spring 1919) of governmental informant and political propaganda agencies of state constitutions of the Russian East are considered. With the formation at the State Conference in Ufa in September 1918 of the All-Russian Provisional Government (Directory) that had laid claims to the power on an all-Russian scale, the new stage in development of government informant and political propaganda apparatus got under way.

The aim of this study is to reveal the main tendencies of structural, organizational and functional transformations of informational and propaganda, and cultural and educational institutions, that were subjected to the Council of Ministers, the Supreme Commander-in-Chief and to the Main Headquarters. The author came to the conclusion that since the autumn of 1918 and until the spring of 1919 the scale of informant work was increasing considerably, the system of state informational and propaganda, and cultural and educational institutions was expanding. The key directions of their work in this period were: informing the concerned civil and military departments, informing the population of the territories under control, the governmental and public circles of the foreign countries with the «correctly prepared information», and cultural and educational work in the army. On the whole the influence of propaganda apparatus of the Russian Government of Admiral A.V. Kolchak on formation of public sentiments in Urals, Siberia and at the Far East, as well as on governments of countries-former Entente allies

continued to remain insignificant.

Keywords: Siberia, Civil war, white movement, Provisional Siberian government, The All-Russian Provisional Government (Directory), The Russian government of Admiral A.V. Kolchak, political propaganda.

Simonov D.G. To the history the first Volgian army corps of General V.O. Kappel formation

In this article the history of the formation of the first Volgian army corps, the main Kolchak's strategic reserve of the fighting forces in the spring in 1919, is considered. It elucidated questions, which are related to changes of organizational set-up of corp, its officer corps, number, recruiting military personnel and its advancement at the front in early May in 1919. It shown that education corp's low combat effectiveness was connected not only with objective factor, but first of all with subjective circumstances – sluggishness of captains and commanding officers and numerous organization and tactical miscouts, made by them.

Keywords: Civil War, army, corps, division, brigade, regiment, mobilization, officers, soldiers

Simonov D.G. Anti-Bolshevist Fighting forces of the Russian east outskirts (1920 year)

The article discusses the history of the Fighting forces of the Russian east outskirts, which along with the General Vrangels' Russian army was the main grouping of anti-Bolshevist fighting forces in Russia during the 1920 year. It concluded that the Fighting forces of the Russian east outskirts have not any chance of the battle success as on a regional, and on a national scale. Their existence was immediate associated with the Japanese interventionist's attendance in the Far East. Their evacuation from Trans Baikal in October in 1920 was foreclosed fate of white army. Controversy and contradictions in a high command of fighting forces of the Russian east outskirts was associated with lack of the general strategic plan of further fight and with understanding its lack of prospects.

Keywords: Fighting forces of the Russian east outskirts, Far Eastern army, corps, division, brigade, regiment.

Morozova T.I. Political perceptions of Siberian Communists about democratization in RCP(b) – AUCP(b) in 1920s

The article is devoted political perceptions of Siberian Communists about democratization in RCP(b) – AUCP(b) in 1920s. The source base of the research consists of transcripts of party congresses and conferences, periodicals and archival documents. The author found how the highest party leadership have interpreted «vnutripartijnaja demokratija» (democracy in the

communist party), showed how this concept was transformed during 1920s, proved that rank and file communists and senior party officials understood democracy in the party differently. Conclusions that Siberian party leadership fully perceived notions of democratization in RCP(b) – AUCP(b), but was unable to instill this view to local party workers are drawn.

Keywords: RCP(b), AUCP(b), Sibburo, Sibkraykom, democracy in the party, political perceptions, political daily life.

Papkov S.A. The local municipal government of Novonikolayevsk (Novosibirsk) in the 1920s

In article process of formation of early Soviet model of the representative power on the example of Novonikolayevsk (Novosibirsk) is analyzed. The description of character and features of election campaigns of the beginning of the 20th years at elections of the City Council is given, social-class restrictions for different categories of the population, a voting procedure originality, and also forms of participation of deputies in work of sections of the City Council and its plenary sessions are noted. The conclusion about a low role and limited opportunities of the City Council as representative institution on management of city life contains.

Keywords: City Council, Novonikolayevsk, elections, social groups, deputy corps, sections, management, municipal economy.

Morozova T.I. The party machinery in Siberia: organizational structure of the Sibirskiy krayevoy komitet of RCP(b) – AUCP(b) (may 1924 – august 1930)

The article is devoted to generating of organizational structure of the Sibirskiy krayevoy komitet of RCP(b) – AUCP(b), being the main party authority of Siberia from May 1924 to August 1930. Based on numerous published and archival sources a succession of machinery of Sibburo CC and Sibkraykom was shown, a transformation of Sibkraykom's machinery was described, the reasons for many reorganizations were explained and the results of those reorganizations were evaluated. It is concluded that attempts of regional leadership to adapt the structure of the Sibkraykom to Siberian conditions were not effective. In the early 1930 the organizational structure of the krayevoy komitet was rebuilt on the model of the Secretariat of the Central Committee.

Keywords: RCP(b), AUCP(b), Sibkraykom, organizational structure, party machinery, reorganization, rationalization.

Teplyakov A.G. «I am not an official and not the coward»: Vivian Itin's destiny

The article analyzed in detail the conflicting creative and public way of V.A. Itin, a prominent Siberian writer, and one of the founders of Soviet fiction and organizer of the literary activity of the Siberian region. Based main-

ly on the archives of security services, including Investigation proceedings against Itin of 1938, the author analyzes the adaptation of the talented poet and writer to Bolshevik reality. Itin, who served as the white authorities a short time, was doomed all subsequent time to prove their loyalty to the Bolsheviks. But even participation in their judicial authorities, as well as active propaganda work and talented defense of the ideological values of communism didn't relieve Itin either from surveillance and expressions of political distrust, or from arrest and executed on a charge of espionage.

Keywords: white, Siberia, Itin, secret police, adaptation, political mimicry, repression, rehabilitation.

Romanov R.E. The Soviet State and Workers during the Great Patriotic War: Social and Labour Relations in the Field of Employment

The article characterizes social and labour relations between the Soviet State and industrial workers during the war. For the first time in the national historiography this problem is viewed through the prism of interactions between the state and society in the USSR. It is shown that during the first half of the 1940s this interaction in the field of employment was characterized mostly by an acute contradiction between the mobilization principle of workforce reservation and spontaneous labour turnover at the largest plants and factories due to the low standard of living. It is concluded that the repressive management conducted by the superior party and government bodies faced the hidden and passive opposition from workers who often ran away from their enterprises. The inefficient system of compulsory workforce reservation made the authorities to start addressing the material and household problems of home-front workers in a more integrated manner at the all-Union level.

Keywords: Great Patriotic War, social and labour relations, employment, state, workers, young industrial workers.

Savitskiy I.M. Director corps of the Defense Industry enterprises of the Western Siberia in the years of the Great Patriotic War

The article presents the mechanism of selection, appointment and removal from office of defense enterprise directors. The requirements, imposed for directors of leading plants producing ammunition, airplanes, armored fighting vehicles and other types of armaments, are cleared up. It is concluded that specialists with higher technical education, who are experienced in industrial organization and labour management, are appointed for these offices in accordance with enterprise structure of output.

The grounds, which had impact on removal from director office, are explored. It is specified that generally these grounds were failure to site evacuated equipment on-the-spot in the beginning of the War, to reconstruct material and technical facilities and to enter production at the new place as and when required.

Stabilization of director corps began gradually in the second part of 1942. The author explained the decrease of its mobility by the reason that exactly at that time at the enterprises the reconstruction of production processes was completed, appropriate personnel staff was formed, directors acquired experience of industrial organization and staff of thousands management, and plans began to operate sustainably and realized planned targets. In its turn, the stabilization of director corps had a positive impact on production activity of the enterprises, managed by them.

Keywords: defense industry, enterprises, director, mechanism of appointment and removal from office, sustainable work, stability.

Konovalov A.B. Siberian Regional Party Committees in the mid 1960s – the first half of 1980: the evolution of channels and forms of communication with the population.

The paper defines the basic forms and channels of communication of the regional committee of the CPSU with the population. The article shows the flow of information about the mechanisms of social and political attitudes in the regional committees CPSU. Author revealed contradictory role of the apparatus of the regional committees of the Party. On the one hand, they possessed all the necessary operational information coming through various channels. On the other hand, sought to limit the flow of non-standard assessments of policy, as reflected in the documents of the Central Committee of the CPSU.

Keywords: Regional Party Committee, government and society, Siberia, political communication, the unit of territorial and regional committees of the Communist Party.

Dashinamzhilov O.B. Reforms of system of Counsels in the Republic of Buryatia on the boundary of 1980–1990s

The author of the article has an attempt to evaluate specifics of transformation of the Republican governmental bodies of Buryatia during the last years of the Soviet Union's existence. The reasons, stages, and results of power structures reforms are researched. It is revealed that new foundations of the work of power bodies of the Republic of Buryatia had been constructed in difficult conditions. Process of differentiation of Party's and state bodies' functions, revival of the Councils whole power was accompanied with the rise of contradictions between the highest Russian and Union's bodies of power. Besides, resigning of the regional commission of the Communist Party of the Soviet Union to the Highest Legislative Assembly had not been smooth. Contradiction between Executive boards and the Supreme Soviet of the Buryatian Soviet Socialist Republic made negative impact on the functioning of economics, bodies of power and local governments.

Keywords: bodies of power, the Republic of Buryatia, Supreme Soviet, reforms, law.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВП — Временное Всероссийское правительство
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия большевиков
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВСП — Временное Сибирское правительство
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЦСПС — Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАНИИО — Государственный архив новейшей истории Иркутской области
ГААК — Государственный архив Алтайского края
ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тюменской области
ГИАОО — Государственный исторический архив Омской области
ГКО — Государственный комитет обороны
КПК — Комиссия партийного контроля
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия
НБ ТГУ — Научная библиотека Томского государственного университета
НГА — Новосибирский городской архив
НКБ — Народный комиссариат боеприпасов
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ — Объединённое государственное политическое управление
РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории
РГВА — Российский государственный военный архив
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РКИ — Рабоче-крестьянская инспекция
РКП(б) — Российская коммунистическая партия большевиков
СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности
ЦДНИОО — Центр документации новейшей истории Омской области
ЦГАРТ — Центральный государственный архив Республики Тыва
ЦК — Центральный комитет
ЦКК — Центральная контрольная комиссия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дашинамжилов Одон Борисович — канд. ист. наук, младший научный сотрудник сектора историко-демографических исследований Института истории СО РАН.

E-mail: Odon@bk.ru

Журавлев Вадим Викторович — канд. ист. наук, научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН.

E-mail: vvzh@mail.ru

Коновалов Александр Борисович — д-р ист. наук, профессор кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

E-mail: konab@list.ru

Морозова Татьяна Игоревна — канд. ист. наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН.

E-mail: mti137@yandex.ru

Папков Сергей Андреевич — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН.

E-mail: sparkov@ya.ru

Романов Роман Евгеньевич — канд. ист. наук, научный сотрудник сектора истории социально-экономического развития Института истории СО РАН.

E-mail: rromanov1981@mail.ru

Савицкий Иван Михайлович — д-р ист. наук, главный научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН.

Симонов Дмитрий Геннадьевич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН.

E-mail: simonov_dg@mail.ru

Тепляков Алексей Георгиевич — канд. ист. наук, доцент кафедры истории и политологии Новосибирского государственного университета экономики и управления.
E-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Шевелев Дмитрий Николаевич — д-р ист. наук, доцент Томского государственного университета.
E-mail: shev-dn@yandex.ru

Шереметьева Дарья Леонидовна — канд. ист. наук, младший научный сотрудник сектора истории общественно-политического развития Института истории СО РАН.
E-mail: dalas83@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шереметьева Д.Л.</i> Революция 1917 года в жизненных траекториях сибирских журналистов.....	3
<i>Журавлев В.В.</i> Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России	17
<i>Шевелев Д.Н.</i> Организационная и функциональная эволюция осведомительных учреждений антибольшевистских правительств востока России (осень 1918 – весна 1919 г.): путь проб и ошибок...	32
<i>Симонов Д.Г.</i> К истории формирования 1-го Волжского армейского корпуса генерала В.О. Каппеля	68
<i>Симонов Д.Г.</i> Антибольшевистские Вооруженные силы Российской восточной окраины (1920 г.)	83
<i>Морозова Т.И.</i> Политические представления коммунистов Сибири о демократизации РКП(б) – ВКП(б) в 1920-е годы	106
<i>Папков С.А.</i> Городское самоуправление Новониколаевска (Новосибирска) в 1920-е годы.....	133
<i>Морозова Т.И.</i> Организационная структура Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) (май 1924 – август 1930 г.).....	154
<i>Тепляков А.Г.</i> «Я не чиновник и не трус»: судьба Вивиана Итина	181
<i>Романов Р.Е.</i> Советское государство и рабочие в годы Великой Отечественной войны: социально-трудовые отношения в сфере занятости.....	209
<i>Савицкий И.М.</i> Директорский корпус предприятий оборонной промышленности Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны	227
<i>Коновалов А.Б.</i> Региональные комитеты КПСС Сибири в середине 1960-х – первой половине 1980-х годов: эволюция каналов и форм коммуникации с населением	249

<i>Дашинамжилов О.Б.</i> Реформа системы Советов в Республике Бурятия на рубеже 1980–1990-х годов.....	266
Summary	278
Список сокращений:	284
Сведения об авторах	285

Научное издание

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В СИБИРИ В XX ВЕКЕ

Сборник научных статей

Выпуск 6

Компьютерная верстка:
Т.И. Морозова

Подписано в печать: 26.11.2015

Формат: 60x84^{1/16}.

Гарнитура: Sylfaen.

Уч.-изд. л. 15,4. Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 120 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Параллель»,
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. (383) 330-26-98